

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

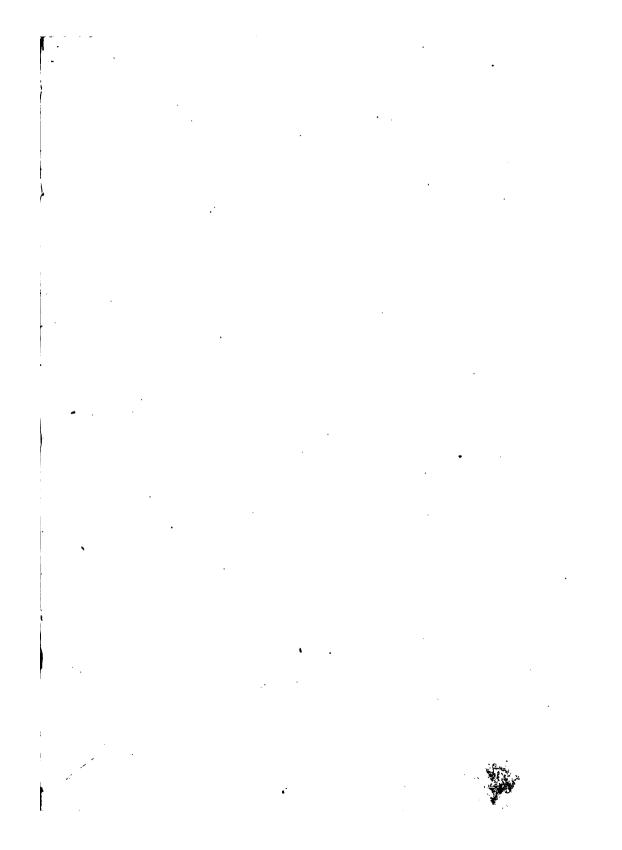
- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

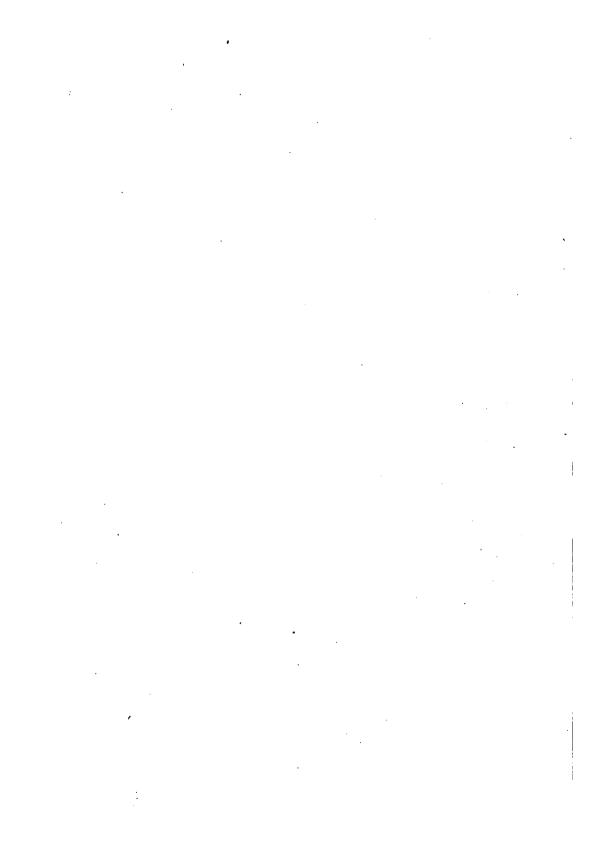
О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

SCIENTIA VERITAS

SHENSHIN, AFANASIT AFANAS EVICH

JUPHYECKIA CTUXOTBOPEHIA

А. ФЕТА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ II

VIII. Снъта.—IX. Гаданія.—X. Море. XI. Баллады.— XII. Подражанія восточному.—XIII. Вечерніе огни. XIV. Посланія, посвященія и стихотворенія на случай.

(Съ приложениемъ портрета и факсимиле)

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевихъ. Верейская, 18.
1892.

891.78 S546 1894 v.2

• . :

•

I 8 8 I r.

concern text so for Court here Solph Manda use affering Poet and a signer Parane the second of the Same Commence of the second of вым на принасти Max lytime Bouce " ing New month and the server The survey with the minder Oil.

• . ,

Eend serre zummen beeest nouse, leud seensporses space, Nastambienteurs ainrue Bet amino - u sepolum a utea, Colpann withous sever interest, Mohebapasin flavous usandage, Newther cheebuumahi, what you treat Gran ogednormen and cit. Kuredytino boneso beefpragen Newmant uniteris mackrages distigning burney upapath everyes Me mormand beenfactor cours, N. Openz

11052- 21010 C

СНЪГА

		·				ļ
						;
						4
•						-
						;
•					•	
						ţ
						i
					,	-
				•		₹
						:
	•					
	٠					
						-
						·
			•			ı
						-

На пажитяхъ нёмыхъ люблю, въ морозъ трескучій, При свётё солнечномъ, я снёга блескъ колючій, Лёса подъ шапками, иль въ инеё сёдомъ, Да рёчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ. Какъ любятъ находить задумчивые взоры Завёянные рвы, навёянныя горы, Былинки сонныя среди нагихъ полей, Гдё холмъ причудливый, какъ нёвій мавзолей, Изваянъ полночью, — иль тучи вихрей дальныхъ На бёлыхъ берегахъ и полыньяхъ зеркальныхъ!

II.

Знаю я, что ты, малютка, Лунной ночью не робка: Я на снътъ вижу утромъ Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свётё лунномъ Холодна, тиха, ясна; Правда, ты не даромт, другъ мой, Повидаешь ложе сна:

Брилліянты въ свётё лунномъ, Брилліянты въ небесахъ, Брилліянты на деревьяхъ, Брилліянты на снёгахъ!

Но, боюсь я, другь мой милый, Какъ бы въ вихръ духъ ночной Не завъяль бы тропинку, Проложенную тобой.

Ш.

Вотъ утро съвера, сонливое, скупое,
Лъниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь, — и сърый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ;
Пътухъ заботливый, копаясь на дорогъ,
Кричитъ... А дъдушка брадатый на порогъ
Кряхтитъ и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья бълыя летятъ ему въ лицо...
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ — и скроется!.. И долго, мнится мнъ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинъ.

IV.

Вътеръ злой, вътръ крутой въ полъ Заливается,
А сугробъ на степной волъ Завивается.

При лунѣ, на верстѣ морозъ — Огонечвами; Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ Съ позвоночвами.

Подъ дубовымъ врестомъ свиститъ, Раздувается; Сърый заяцъ степной хруститъ, Не пугается.

٧.

Печальная береза У моего окна, И прихотью мороза Разубрана она.

Кавъ гроздья винограда, Вътвей концы висять, — И радостенъ для взгляда Весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы Я замвчать на ней, И жаль мнв, если птицы Стряхнуть красу ввтвей.

VI.

Котъ поетъ, глаза прищуря, Мальчивъ дремлетъ на воврѣ, На дворѣ играетъ буря, Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.

"Полно туть тебѣ валяться, Спрячь игрушки, да вставай! Подойди во мнѣ прощаться, Да и спать себъ ступай."

Мальчивъ всталъ. А котъ глазами Поводилъ и все поетъ; Въ окна снътъ валитъ клоками, Бура свищетъ у воротъ.

۷П.

Чудная картина,
Какъ ты мив родна!
Бёлая равнина,
Полная луна,
Свётъ небесъ высокихъ,
И блестящій снёгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бёгъ.

үШ.

Ночь свётла, морозъ сіяеть; Выходи! Снёжовъ хрустить, Пристяжная озябаеть И на мёстё не стоить.

Сядемъ, полость застегну я, Ночь свътла и ровенъ путь, Ты — ни слова, замолчу я, И — пошелъ куда-нибудь!

(1850).

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры Начертилъ морозъ, Шумный день свои дозоры И гостей унесъ;

Смольнулъ яркій говоръ сплетней, Свучный голосъ дня: Благодатнъй и привътнъй Все кругомъ меня.

Предъ горящими дровами Сядемъ, — тамъ тепло. Мъсяцъ быстрыми лучами Пронизалъ стевло.

Ты хитрила, ты сврывала, Ты была умна; Ты давно не отдыхала,— Ты утомлена.

Полонъ нѣжнаго волненья, Сладостной мечты, Буду ждать усповоенья Чистой врасоты.

(1850).

X.

на жельзной дорогь

Морозъ и ночь надъ далью снѣжной, А здѣсь уютно и тепло, И предо мной— твой обликъ нѣжный И дѣтски чистое чело.

Полны смущенья и отваги, Съ тобою, вроткій серафимъ, Мы черезъ дебри и овраги На зм'є огненномъ летимъ.

Онъ сыплетъ искры золотыя На озаренные сиъга, И сиятся намъ мъста иныя, Иные сиятся берега.

Въ мерцаньи одинокой свъчки, Ночнымъ путемъ утомлена, Твоя старушка противъ печки Въ глубокій сонъ погружена. Но ты врасою ненаглядной Еще томиться мнъ позволь; Съ какой заботою отрадной Лельеть сердце эту боль!

И, серебромъ облиты луннымъ, Деревья мимо насъ летятъ; Подъ нами съ грохотомъ чугуннымъ Мосты мгновенные гремятъ.

И, вакъ цвъты волшебной сказки, Полны сердечнаго огня, Твои агатовые глазки Съ улыбкой радости и ласки Порою смотрятъ на меня.

(1860).

XI.

Сврипъ шаговъ вдоль улицъ бёлыхъ, Огоньки вдали; На стёнахъ оледенёлыхъ Блещутъ хрустали.

Отъ ресницъ нависнулъ въ очи Серебристый пухъ, Тишина холодной ночи Занимаетъ духъ.

Вътеръ спитъ, и все нъмъетъ, Только бы уснуть; Ясный воздухъ самъ робъетъ На морозъ дохнуть.

(1863).

XII.

Еще вчера, на солнцѣ млѣл, Послѣднимъ лѣсъ дрожалъ листомъ, И озимь, пышно зеленѣл, Лежала бархатнымъ ковромъ.

Глядя надменно, вавъ бывало, На жертвы холода и сна, Себъ ни въ чемъ не измъняла Непобъдимая сосна.

Сегодня — вдругъ исчезло лёто; Бёло, безжизненно кругомъ, Земля и небо, — все одёто Какимъ-то тусклымъ серебромъ.

Поля безъ стадъ, лъса унылы, Ни скудныхъ листьевъ, ни травы. Не узнаю растущей силы Въ алмазныхъ призравахъ листвы. Кавъ будто, въ сизомъ клубѣ дыма, Изъ царства злаковъ, волей фей, Перенеслись непостижимо Мы въ царство горныхъ хрусталей.

(1865).

XIII.

Y OKHA

Къ овну принивнувъ головой, Я поджидалъ съ тоскою нѣжной, Чтобъ ты явилась, — и съ тобой Помчаться по равнинъ снъжной.

Но въ блескъ соврылась ты лѣсовъ, Подъ листья яркія банана, За серебро пустынныхъ мховъ И пыль жемчужную фонтана.

И видёль горный повороть, Гдё снёгь стопой твоей встревожень, Я разсмотрёль хрустальный гроть, Куда мнё доступь невозможень.

Вдругъ ты вошла, — я все узналъ: Смъхъ на устахъ, въ глазахъ угроза, — О, какъ все върно подсказалъ Мнъ на стеклъ узоръ мороза!

(1872).

XIV.

Какая грусты! Конецъ аллеи Опять съ утра изчезъ въ пыли, Опять серебряныя змѣи Черезъ сугробы поползли.

На небъ — ни влочка лазури, Въ степи — все гладко, все бъло; Одинъ лишь воронъ противъ бури Крылами машетъ тяжело.

И на душъ не разсвътаетъ; Въ ней тотъ же холодъ, что вругомъ, Лъниво дума засыпаетъ Надъ умирающимъ трудомъ.

А все надежда въ сердцѣ тлѣетъ, Что, можетъ быть, хоть невзначай Опять душа помолодѣетъ, Опять родной увидитъ край, Гдѣ бури пролетаютъ мимо, Гдѣ дума страстная чиста — И, посвященнымъ только зримо, Цвѣтетъ весна и красота.

(1883).

XV.

Учись у нихъ, — у дуба, у березы: Кругомъ зима. Жестовая пора! Напрасныя на нихъ застыли слезы, И треснула сжимаяся вора.

Все здей метель и съ каждою минутой Сердито рветъ последніе листы, И за сердце хватаетъ холодъ лютый; Они стоятъ, молчатъ; молчи и ты!

Но върь веснъ! Ея промчится геній, Опять тепломъ и жизнію дыша, Для ясныхъ дней, для новыхъ откровеній Переболить скорбящая душа.

(1885).

XVI.

Есть ночи зимней блескъ и сила, Есть непорочная враса, Когда подъ снътомъ опочила Вся степь — и вровли, и лъса.

Сбъжали тъни ночи лътней, Тревожный ропотъ ихъ исчезъ; Но тъмъ всевластнъй, тъмъ замътнъй Огни безоблачныхъ небесъ.

Какъ будто, волею всезрящей На этотъ мигъ ты посвященъ Глядъть въ лицо природы спящей И понимать всемірный соцъ.

(1885).

XVII.

Мама! глянь-ка изъ окошка:
Знать, вчера недаромъ кошка
Умывала носъ.
Грязи нътъ, весь дворъ одъло,
Посвътлъло, побълъло:
Видно, есть моровъ.

Неколючій, свётлосиній, По вётвямъ развёшанъ иней: Погляди коть ты! Словно вто-то тароватый Свёжей, бёлой, пухлой ватой Всё убраль кусты.

Ужь теперь не будеть спору:
За салавки, да и въ гору
Весело бъжать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама навърно скажешь:
"Ну, скоръй гулять!"

9 дек. 1887. Москва.

RIHAIAT

• • • .

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ, Я при свъчахъ навела; Въ два ряда свътъ, — и таинственнымъ трепетомъ Чудно горятъ зеркала.

Страшно припомнить душой оробѣлою: Тамъ за спиной нѣтъ огня... Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою Плаваетъ, давитъ меня!

Ну, вавъ уставятъ гробами дубовыми Весь этотъ рядъ между свъчъ?
Ну, вавъ лохматый съ глазами свинцовыми Выглянетъ вдругъ изъ-за плечъ?

Ленты да радуги, ярче и жарче дня... Духъ захватило въ груди... Суженый! золото, серебро!.. Чуръ меня, Чуръ меня — сгинь, пропади!

II.

Полно смѣяться! Что это съ вами? Точно базаръ!

Кавъ загудѣло! Словно пчелами Полонъ анбаръ.

"Чу! не стучите! Кто-то шагаетъ Вдоль завромовъ...

Сыплеть да сыплеть, пересыпаеть Рожь изъ мёшковъ.

Сыплеть оръхи, деньги считаеть, Шубой шумить,

Всвиъ надвляеть, все объщаеть, Тольво сердить!"

Ну, а тебъ что? "Тише, сестрицы! Что-то несутъ:

Такъ и трясутся всѣ половицы... Что-то поютъ;

Гробъ забивають крышей большою; Кто-то завыль!

Страшно, сестрицы! Знать надо мною Шутъ подшутилъ. "

III.

Помню я: — старушка няня Мив въ рождественской ночи Про судьбу мою гадала, При мерцаніи свічи, И на вартахъ выходили Интересы да почетъ. Няня, няня! Ты ошиблась, Обмануль тебя разсчеть; Но за то я такъ влюбился, Что приходится невмочь... "Погадай мив, другь мой няня; Нынче святочная ночь. Что? Не будеть ли свиданья, Разговоровъ иль письма? Выйдеть пиковая дама, Иль бубновая сама?" Няня добрая гадаеть, Грустно голову склоня; Свъчка тихо нагораетъ, Сердце быется у меня.

IV.

Перекрестокъ, гдъ равитка
И стоитъ, и спитъ...
Тихо ветхая калитка
За плетнемъ скрыпитъ.

Кто-то врадется сторонкой, Санки пробътутъ... И вопросъ раздастся звонкій: Какъ тебя зовутъ?...

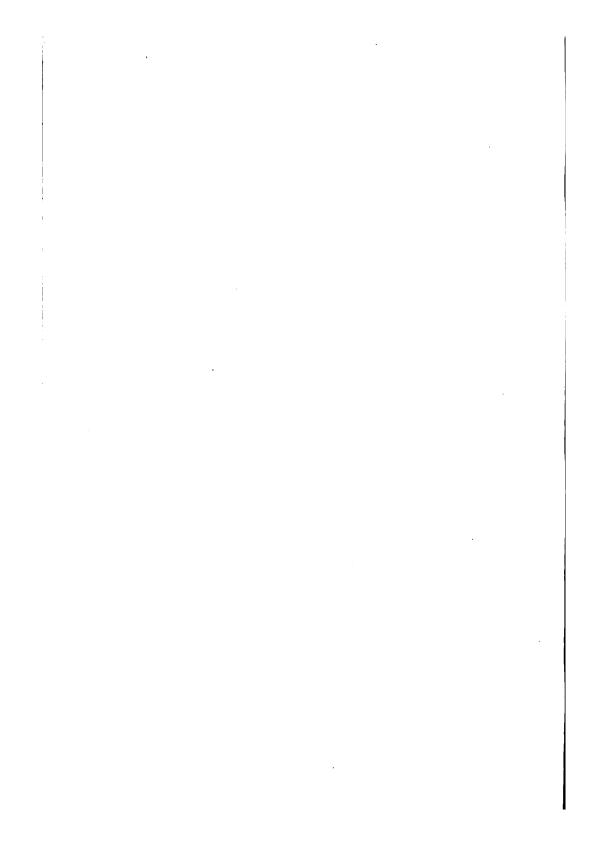
٧.

Ночь крещенская морозна, Будто зервало — луна. "Побъту: еще не поздно, Да боюсь идти одна". Я, сестрица, за тобою Не пойду — одна иди! — Я съ тобою! За избою — Наводи да наводи! Ничего: песь рябый ходить, Вотъ и сърый у воротъ... — И красавица наводить, И никакъ не наведетъ. "Вижу, вижу! потянулись: Разъ, два, три, четыре, пять... Заструились, повачнулись, Стало только три опять. Ну, захочеть почудесить? -Со страстей рехнуся я... Шесть, семь, восемь, девять, десять — Чешуя какъ чешуя...

Вотъ одиннадцать — все лица, — Вотъ собави лай и вой...

Чуръ меня!..." — Ну что, сестрица? — "Раскрасавецъ молодой!"

M O P E

Ночь весенней нѣгой дышить, Вѣтеръ взморья не волышеть, Весь заливъ блеститъ, какъ сталь, И, надъ моремъ, облаками, Какъ ползущими горами, Разукрасилася даль.

Долго будеть утомленный Спать съ Остидой Фебъ влюбленный; Но Аврора ужь не спить, И, смутясь блаженствомъ бога, Изъ подводнаго чертога Съ ярвимъ фавеломъ бъжить.

(1854).

II.

Жди яснаго на завтра дня... Стрижи мелькають и звенять, Пурпурной полосой огня Прозрачный озаренъ закать.

Въ заливъ дремлютъ корабли, Едва трепещутъ вымпела, Далеко небеса ушли, — И въ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набъгаетъ тънь, Такъ тайно свътъ уходитъ прочь, Что ты не скажешь: минулъ день, Не говоришь: настала ночь.

(1854).

III.

ПАРОХОДЪ

Злой дельфинъ, ты просишь ходу, Ноздри пышутъ, паръ валитъ, Сердце мощное випитъ, Лапы съ шумомъ роютъ воду.

Не лишай родной земли Этой дізы, этой розы! Погоди, прощанья слезы Вдохновенныя продли!

Но напрасно... Конь морской, Ты понесся быстрой птицей — Только пляшуть вереницей Нереиды за тобой.

(1854).

IV.

МОРСКОЙ ЗАЛИВЪ

Третью ужь ночь, воть на этомъ холмѣ за оврагомъ Конь мой по звонкой дорогѣ пускается шагомъ; Третью ужъ ночь, миновавъ эту старую иву, Самъ я невольно лицомъ обращаюсь въ заливу. Только вдали, потухая за дымкою сизой, Весь въ ширину онъ серебряной свѣтится ризой. Спитъ онъ такъ тихо, что ухо, исполнясь вниманья, Даже средь камней, его не уловитъ дыханья. Въ блескъ этотъ душу уноситъ волшебная сила!... Что за слова мнѣ она въ эту ночь говорила! Сколько въ веселыхъ рѣчахъ прозвучало привѣта! Сколько въ нихъ сердце почуяло нѣги и свѣта! Ахъ! что за ночь! Тише, конь мой, куда то ропиться?... Радъ и сегодня я сномъ до зари не забыться!

(1856).

٧.

вечеръ у взморья

Засвервалъ огонь зарницы, На гителт умольли птицы, Тишина лъса объемлетъ, Не вачалсь волосъ дремлетъ; День блъдитетъ понемногу, Вышла жаба на дорогу.

Ночь свётлёетъ и свётлёетъ, Подъ луною море млёетъ; Различишь прилежнымъ взглядомъ, Кавъ двё чайки, сидя рядомъ, Тамъ, на взморьи плоскодонномъ, Спятъ на камий озаренномъ.

(1856).

VI.

Кавъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ, Амфитрида, твой влажный въновъ! Кавъ огнемъ и сквознымъ перламутромъ Убираетъ Аврора востокъ!

Далево на песовъ отодвинутъ Травъ морскихъ безвонечный извивъ; Сводъ небесный, въ водъ опровинутъ, Испещряетъ румянцемъ заливъ.

Островъ выросъ надъ твнью зеленой; Ни движенья, ни звука въ тиши, И, погнувшись надъ влагой соленой, Въ крупныхъ капляхъ стоятъ камыши.

(1857).

VII.

Морская даль—во мглѣ туманной; Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму, А волны, въ злобѣ постоянной, Бѣгутъ къ прибрежью моему.

Изъ нихъ одной, избранной мною, На встръчу пристально гляжу И за грядой ея врутою До вамня влажнаго слъжу.

Къ ней чайка плавная спустилась; Не дрогнетъ острое крыло. Но вотъ громада докатилась, Тяжеловъсна, какъ стекло,

Плеснула въ ваменную ствну, Вотъ звонко грянетъ на плиту — А ужь подвинутую пвну Разбрызнулъ ввтеръ на лету.

(1857)

VIII.

НА КОРАВЛЪ

Летимъ! Туманною чертою Земля отъ глазъ моихъ бъжитъ; Подъ непривычною стопою, Вскипая бълою грядою, Стихія чуждая дрожитъ.

Дрожить и сердце, грудь заныла!
Напрасно моря даль свётла,
Душа въ тотъ вругъ уже вступила,
Куда невидимая сила
Ее неволей унесла.

Ей будто чудится заранё
Тотъ день, когда безъ корабля
Помчусь въ воздушномъ океанё,
И будетъ исчезать въ туманё
За мной родимая земля.

(1857).

IX.

Снился берегь мнё скалистый,—
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый...
И, по немъ скользя съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

(1857).

X.

море и звъзды

На море ночное мы оба глядёли, Подъ нами скала обрывалася бездной, Вдали затихавшія волны бёлёли, А съ неба отсталыя тучки летёли, И ночь красотой одёвалася звёздной.

Любуясь раздольемъ движенья двойнаго, Мечта позабыла мертвящую сушу, И съ моря ночнаго, и съ неба ночнаго, Какъ будто изъ дальнаго края роднаго, Цълебною силою въяло въ душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоръ, По своему каждый, мы оба забыли, Какъ будто меня убаювало море, Какъ будто твое утолилося горе, Какъ будто бы звъзды тебя побъдили.

(1860).

XI.

—РИВОЙ

Утесы, зной и сонъ въ пустынъ, Песовъ, да звонкій хрящъ кругомъ, И, вдалекъ, земной твердынъ Морскія волны быють челомъ.

На той черть, уже беввредный, Не докатась до красныхъ скаль, Въ послъдній разъ зелено-мъдный Сверкаетъ Средиземный валь;

И, забывая въвъ свой бурный, По пестрой отмели бъжить, И преломленный, и лазурный; Но вотъ преграда — онъ випить,

Жемчужной піною украшень, Встаеть на битву со скалой, И, умирающій, все страшень Всей перейденной глубиной.

(1863).

XII.

Вчера разстались мы съ тобой; Я быль растерзань; подо мной Морская бездна бушевала: Волна кипъла за волной И, съ грохотомъ о берегъ мой Разбившись въ брызги, убъгала; —

И новыя росли во мглё,
Росли, и въ небу, и въ землё
Какимъ-то бёшенымъ упрекомъ;
Размыть уступы острыхъ плитъ
И вёчный раздробить гранитъ
Казалось вёчнымъ ихъ урокомъ.

А нынче, вакъ моя душа, Волна свътла—и, чуть дыша, Легла у ногъ скалы отвъсной; И, въ лунный свътъ погружена, Въ ней и земля отражена, И задрожалъ весь хоръ небесный.

(1865).

XIII.

послъ вури

Пронеслась гроза съдая, Разлетъвшись по лазури, Только дышитъ зыбь морская, Не опомнится отъ бури.

Спитъ, видаясь, челнъ убогій, Кавъ больной отъ страшной мысли, Лишь, забытыя тревогой, Свладви паруса обвисли.

Освъженный лъсъ прибрежный, Весь въ росъ,—не шелохнется; Часъ спасенья, ярвій, нъжный, Словно плачеть и смъется.

(1871).

XIV.

вуря

Свъжветь вътеръ. Меркнеть ночь, А море злъй и злъй бурлить, И пъна плещеть на гранить, То прянеть, то отхлынеть прочь.

Все раздражительнёй бурунь; Его шинучая волна Такъ тяжела и такъ плотна, Какъ будто въ берегъ бъетъ чугунъ.

Какъ будто богъ морской сейчасъ, Всесиленъ и неумолимъ, Трезубцемъ пригрозя своимъ, Готовъ воскликнуть "вотъ я васъ!"

(1883).

XV.

Качаяся, звёзды мигали лучами
На темныхъ зыбяхъ Средиземнаго моря,
А мы любовались съ тобою огнями,
Что мчались подъ нами, съ небесными споря.

Въ какомъ-то забвеньи, нёмомъ и цёлебномъ, Смотрёлъ я въ тотъ блескъ, отдаваяся нёгё; Казалось, рулемъ управляя волшебнымъ, Глубово ты грудь мнё взрёзаешь въ побёгё.

И тамъ, въ глубинъ, молодая царица, Бъгутъ предъ тобой свътоносныя пятна, И этихъ несмътныхъ огней вереница Одной лишь тебъ и видна, и понятпа.

17 февр. 1891.

XVI.

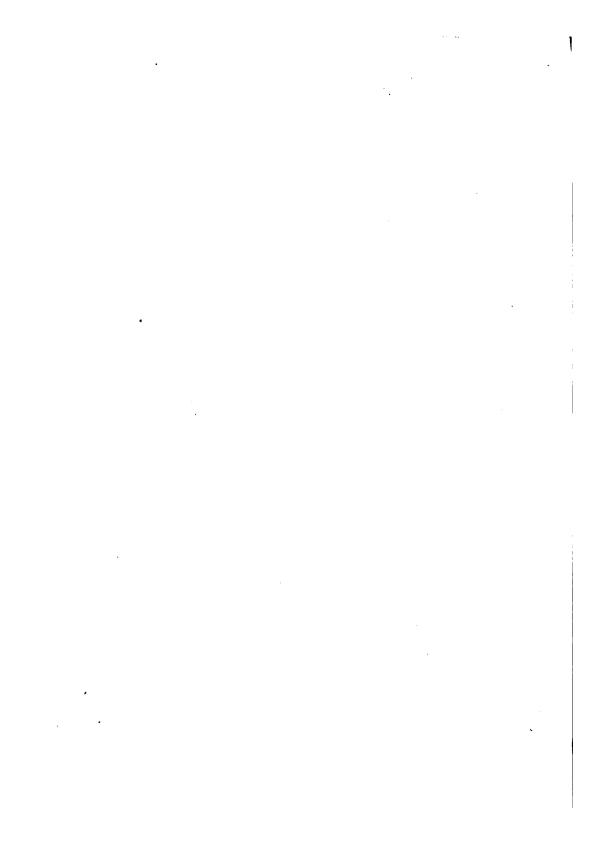
Барашковъ буря шлетъ своихъ, Барашковъ бёлыхъ въ море, Рядами вётеръ гонитъ ихъ И хлещетъ на просторв.

Малютка, хоть твоя-бъ одна Ладья спастись успѣла, Пока всей хляби глубина, Чернъя, не вскипъла!

Какъ жаль тебя! Но объ одномъ Подумать такъ обидно, Что вотъ, за мглою и дождемъ, Тебя не станетъ видно.

26 авг. 1892.

БАЛЛАДЫ

ТАЙНА

Почти ребенкомъ я была, Всё любовались мной; Мнё шли и кудри по плечамъ, И фартучекъ цвётной.

Любила мать смотрёть, вакъ я Молилась поутру, Любила слушать, если я Пёвала ввечеру.

Чужой однажды посётилъ
Нашъ тихій уголовъ;
Онъ былъ тавъ нёженъ и уменъ,
Тавъ строенъ и высовъ.

Онъ часто въ очи мнѣ гладѣлъ И тихо руку жалъ, И тайно глазъ мой голубой И кудри цъловалъ.

И помню, стало мнѣ вовругъ
При немъ все тавъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердцѣ тепло.

Летели дни... промчался годъ... Насталъ последний часъ — Ему шепнула что-то мать, И онъ оставилъ насъ.

И долго, долго мий пришлось И плавать, и грустить; Но я боялася о немъ Кого-нибудь спросить.

Однажды, вижу,—милый гость, Припавъ въ устамъ моимъ, Мнъ говоритъ: "Не бойся, другъ, Я для другихъ незримъ".

И съ этихъ поръ онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.

Всъ говорять, что ярвій цвъть Ланить моихь—больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ Цълуетъ милый мой!

(1843).

II.

видъніе

Не ночью, не лживо Во сит пролетто виденье, — Свершилося диво. Земле подобаеть смиренье!

Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою.

И юноши въ бѣломъ
Летали отъ врая до врая,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.

На тучахъ, высово, Все выше, — въ сіяніи славы Замътно для ова Вставали Печерскія главы.

(1843).

III.

ВОРОТЪ

Спать пора! Свіча сгоріла, Да и ты, мон враса,— Голова отяжеліла, Кудри лізуть на глаза.

Стань воть туть передъ иконы, Я постельку стану стлать. Не спёши же власть повлоны, Богородицу читать!

Видишь, глазви-то б'йдняжви Тавъ и просятся уснуть! Только вороть у рубашки Надо прежде разстегнуть.

"Отъ чего же, няня, надо?" Надо, другъ мой, чтобъ тобой, Не сводя святаго взгляда, Любовался Ангелъ твой.

Твой хранитель, Ангелъ Божій, Прилетаеть по ночамъ, Какъ и ты, дитя, пригожій, Только крылья по плечамъ.

Коль твою онъ видить душку, Вороть вскрыть и тихъ твой сонъ: Тихо справа на подушку, Улыбансь, сядеть онъ.

А заврыта душка, спрячеть Душку вороть, мутны сны: Ангель взглянеть и заплачеть, Сядеть съ лъвой стороны.

Надъ тобой Господня сила! Дай, я воротъ распущу. Ужь подушку я крестила — И тебя перекрещу.

(1847).

IV.

З М Ѣ Й

Чуть вечернею росою Осыпается трава, Чешеть восу, моеть шею Чернобровая вдова.

И не сводить у окошка Съ неба темнаго очей, И летить, свиваясь въ кольца, Въ яркихъ искрахъ длинный змёй.

И шумить все ближе, ближе, И надъ вдовьинымъ дворомъ, Надъ соломенною крышей Разсыпается огнемъ.

И овно тотчасъ затворитъ Чернобровая вдова; Только слышатся въ свётлицё Поцёлуи да слова.

(1850).

٧.

ЛИХОРАДКА

Няня, что-то все не сладко! Дай-ка сахаръ мив да ромъ: Все какъ будто лихорадка, Точно холоденъ нашъ домъ.

"Ахъ, родимый! Богъ съ тобою! Подойти нельзя въ печамъ; При себъ всегда заврою, Топимъ жарво — знаеть самъ".

Ты бы шторку опустила... Дай-ка книгу... Не хочу... Ты намедни говорила, Лихорадка... я шучу...

"Что за шутки съ позарановъ! Ужь повърь моимъ словамъ: Сестры, девять лихомановъ, Часто ходятъ по ночамъ". "Вишь нелегкая ихъ носитъ Сонныхъ въ губы цёловать! Всявой болёсти напросить, — И пойдетъ тебя трепать".

Върю, няня!.. Нътъ-ли шубы... Хоть всего не помню сна, Цъловала връпко въ губы — Лихорадка-ли она?

VI.

БЪДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

На дворѣ не слышно вьюги, Надъ землей туманный паръ; Ужь давно вода остыла, Смолвъ шумливый самоваръ.

Няня старая не видить И не слышить — все прядеть; Мочку лъвою пощиплеть, Правой нитку отведеть.

А ребеновъ все играетъ... Какъ хорошъ онъ при огиъ! И кудрявая головка Отразилась на стънъ.

Вотъ задумалася няня, Со свёчи нагаръ сняла, И превраснаго малютку Ближе въ свёчеё подвела. "Дай-ка ручки!" Няня хочетъ Посмотръть на ихъ черты. "Что, на пальчикахъ дорожки "Не кружками-ль завиты?"

"Ахъ, послъдній даже пальчивъ Безъ вружва, дитя мое!" Вотъ заплавала— и плачетъ Мальчивъ, глядя на нее.

VII.

легенда

Вдоль по берегу полями Вдеть сынъ вняжой; Соровъ отрововъ верхами Слъдують толной.

Страненъ ликъ его суровый, Все кругомъ молчить,— И подкова лишь съ подковой Часто говоритъ.

"Разгуляйся въ полъ" — сыну Говоритъ старикъ;
Знать сыновнюю кручину Старый взоръ проникъ.

Съ золотыми стременами Княжій аргамакъ; Шемаханскими шелками! Вышить весь чепракъ; Но, печаленъ, въ полѣ чистомъ Князь себѣ не радъ, И не вличетъ громкимъ свистомъ Кречетовъ назадъ.

Онъ давно душою жаркой, Въ перегаръ силъ, Всю неволю жизни яркой Втайнъ отлюбилъ.

Полюбить успёвъ вериги Молодой тоски, Переписываеть вниги, Пишеть кондаки.

И не разъ, въ минуты битвы Съ жизнью молодой, Въ увлеченіи молитвы Находилъ повой.

Вдеть онъ въ раздумьи шагомъ
На лихомъ конѣ;
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:

Тамъ душевной жаждѣ пищу Старецъ находилъ; И въ пустынному жилищу Князь поворотилъ. Годы страсти, годы спора Пронеслися вдругь, И пустыннаго простора Онъ почуяль духъ.

Слевь съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился —
И махнулъ рукой.

VIII.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ

Блёденъ ликъ твой, блёденъ, дёва! Средь упругихъ волнъ напёва Я люблю твой блёдный ликъ. Подъ окномъ, на всемъ просторе, Только море, — только въ морё Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. — Море голубое
Взору жадному въ повов
Каждый лучъ передаетъ.
Что-жь тамъ въ морв — чья победа?
Иль въ зыбяхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ въ тебе плыветъ?

Не безсмертный, не безсонный, Нътъ, то юноша влюбленный Проложилъ отважный путь, И, полна огнемъ желаній, Волны взмахомъ връпкой длани Молодая ръжетъ грудь. Мервнеть день; изъ врайней тучи Вдоль пучины вётръ летучій Направляеть шаткій бёгь, И, подъ, молніей багровой, Страшный валь бёлоголовый Съ ревомъ прыгаеть на брегъ.

Гдё-жь онъ, Геро? Съ бездной споря Удушающаго моря, На свиданье онъ спёшить! Хоть безстрастенъ, хоть безгласенъ, Но, попрежнему преврасенъ, Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.

Блёденъ ликъ твой, блёденъ, дёва! Средь упругихъ волнъ напёва Я люблю твой блёдный ликъ. Подъ окномъ, на всемъ просторѣ, Только море, — только въ морѣ Волнъ кочующій родникъ.

•	
·	
•	

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Когда пѣтухъ, Ударивъ три раза Крыломъ волотистымъ, Протяжною пъснью Встрвчаетъ варю, И ты, человъвъ, Впиваеть послёднюю Сладкую влагу Сна на заръ; Тогда поэтъ... Нътъ! Спи утомленный Заботами дня Земной страдалецъ! Ты не поймешь, Зачёмъ я бодрствую Въ таинственномъ храмъ Прохладной ночи.

Чу! Слышу вздохъ
Ко мнё несется
Съ мягкаго ложа,
Гдё при серебряной
Луне бёлеютъ
Младыя ланиты,
Покрытыя первымъ

Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что нынѣ Я слышаль ночью Оть чадъ Сатурна: Они мнѣ велѣли Въ земныхъ страданьяхъ Искать исцѣленья У Вакха. Наполнимъ Стаканы, — и оба Заснемъ поутру, Когда другіе Пойдутъ трудиться.

(1840).

II.

ГРЕЦІЯ

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада, Гдѣ сочная трава унивана росой, • Гдѣ радостно кричить веселая цикада, И роза южная гордится красотой;

Гдё храмъ оставленный подъялъ свой куполь бёлый, И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бёжитъ, — Мнё грустно: міръ боговъ, теперь осиротёлый, Рука невёжества забвеніемъ клеймитъ.

Вотще... Въ полночь, какъ соловей восточный Свисталъ, а я бродилъ, — незримый за стъной, Я видълъ: Граціи сбирались въ часъ урочный Въ былой пріють заросшею тропой.

Но въ пляскахъ вътреныхъ богини не блистали Молочной пъной формъ, при золотой лунъ...

Нътъ, — ставши въ тъсный кругъ, красавицы шептали:

"Эллада" — слышалось мив часто въ тишинв.

(1840).

III.

КЪ КРАСАВЦУ

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой! Всёмъ нравятся твой рость и гордый обликъ твой, И кудри пышныя, безпечностью завиты, И бледное чело, и нежныя ланиты, Приподнятая грудь, жемчужный рядъ зубовъ, И огненный зрачекъ, и бархатная бровь; А девы юныя, украдкой отъ надзора, Толкують твой отвёть и выраженье взора, И послъ, каждая, вздохнувъ наединъ, Промолвить: "да, онъ мой — его отдайте мив!" Какъ сонъ младенчества, какъ первыя лобзанья, Съ отрадой сладкою безумнаго желанья, Ты, полонъ прелести, въ ихъ намяти живешь, Улыбкамъ учишь ихъ и въ зервалу зовешь; Не для тебя-ль онв, при факелв Авроры, Находять новый взглядь и новые уборы? Когда же ложе ихъ одънеть темнота, Алкають усть твоихь, раскрывшись, ихъ уста.

(1841).

IV.

BAKXAHKA

Подъ твнью сладостной полуденнаго сада, Въ широколиственномъ ввнив изъ винограда, И влаги Вакховой томительной полна, Чтобъ духъ перевести, замедлилась она.

Завинувъ голову, съ улыбвой опьянёнья, Прохладнаго она исвала дуновенья, Какъ будто волосы ужь начинали жечь Горячимъ волотомъ ей розы пышныхъ плечъ.

Одежда жаркая все ниже опускалась, И молодая грудь все больше обнажалась, А страстные глаза, слезой упоены, Вращались медленно, желанія полны.

(1843).

٧.

Въ златомъ сіяніи лампады полусонной, И отворя овно въ мой садивъ благовонный, То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару, Слёдилъ я легвую вудрей ея игру: Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало И съ милаго чела врасиво отдувало...

(1843).

VI.

НЕПТУНУ ЛЕВЕРРЬЕ

Птицей, Быстро парящей птицей Зевеса, Быть мив судьбою дано всеобъемлющей. Ныий, крылья раскинувъ надъ бездной Тверди, нынъ-надъ высью я Горной, тамъ, гдъ у ногъ моихъ Воды, Вѣчно несущія бѣлую пѣну, Стонуть, и старый трезубецъ Нептуна Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещетъ. Нѣтъ предѣловъ Къ верху, и нътъ предвловъ Къ низу — Здравствуй! На половинномъ пути Къ въчности, здравствуй Нептунъ! Надъ собою Слышишь ли шумныя врылья и вётеръ, Спертый нагрудными сизыми перьями? Здравствуй! Нѣть мгновенья покою;

Вследь за тобою летящая Феба стрвла, я вижу, стоитъ, Съ визгомъ перья поджавши, въ эниръ. Ты промчался, пронесся, мелькнуль и сокрылся, Ая! Здравствуй Нептунъ! Слышить ли, брать, надъ собою Шумный полеть? — Я принесь Съ жаркой, далекой земли, Кровью упитанной, Трупами тучной, Лавромъ шумящей, Мой привыть тебы: здравствуй Нептунь! Вѣчно, вѣчно, Какъ бы ни мчался ты, братъ мой, Крылья мои зашумять и орлиный Голосъ въ тебъ вазвучить по эниру: Здравствуй Нептунъ!

VII.

ДІАНА

Богини девственной округлыя черты, Во всемъ величіи блестящей наготы, Я видель межь деревь надъ ясными водами. Съ продолговатыми, безцвётными очами, Высово поднялось отврытое чело; Его недвижностью вниманье облегло, -И дъвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева Внимала чуткая и каменная дева. Но вътеръ на заръ между листовъ пронивъ, --Качнулся на водъ богини ясный ливъ; Я ждалъ, - она пойдеть съ колчаномъ и стрелами, Молочной бълизной мелькая межъ древами, Взирать на сонный Римъ, на въчный славы градъ, На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ, На стогны длинные... Но мраморъ недвижимый Бълъл передо мной красой непостижимой.

VIII.

Влажное ложе повинувши, Фебъ здатовудрый направиль Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовой Эосъ; Круто напрягши бразды, онъ вругомъ озирался, и тотчасъ Бойкіе взоры его устремились на берегь пустынный. Тамъ воскурялся туманъ благовонною жертвою; море Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка, Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водъ, половиной Въ утреннемъ воздухъ темной смолою чернъла, — и тутъже, Влъво, разбросаны были обломки еловые весель, Кожаный щить и шеломъ опровинутый, полные тины. Дальше, когда поразсвялись волны тумана свдаго, Онъ увидалъ на травъ подъ зеленымъ навъсомъ ваштана (Трижды его объжавши, лоза овружала вистями),-Юношу онъ на траве увидаль: былоснежные члены Были раскинуты, правой рукою какъ-будто тесниль онъ Грудь, и на ней-то преврасное тело недвижно лежало... Лъвая навзничь упала, и бълыя формы на темной Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотъ рисовались; Весь быль разодрань хитонь, округленныя бедра былыли, Будто бы мраморъ пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя; Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы, Свътлыя кудри чела упадали на грудь, осъняя Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

IX.

КУСОКЪ МРАМОРА

Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измъряя твой мраморъ начатый;

Тщетно пытливая мысль хочеть загадку рёшить,— Что одёваеть вора грубо изрубленной массы: Ясное-ль Тита чело, Фавна-ль измёнчивый ликъ, Змёй примирителя жезль, врылья и станъ быстроногій, Или стыдливости дёвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

X.

къ юношъ

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лёть, его живые взоры,
Ланиты нёжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнёвъ, —
Все обёщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дёвъ.

XI.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ, на головѣ, Изъ сумрака аллей она на свѣтъ ступила,— И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ, И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;

Но и подъ твнію узнаешь ты вакъ разъ Приметы южнаго созданья безъ ошибки, — По светлому зрачку неотразимыхъ глазъ, По откровенности младенческой улыбки.

XII.

подражание XV идиллии віона

Прекрасная звёзда Венеры свётлоокой!
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нёжная скрываеть, освёти
Кустарникъ тоть и холмъ для моего пути!
Я оставляю кровъ не для ночныхъ хищеній,
На путниковъ въ душё не крою покушеній...
Нёть, я люблю, и жду возмездія заботь
Оть Нимфы молодой, красы между красоть,—
Какъ въ миріадё звёздъ, Діаной предводимой,
Краса ночныхъ небесъ, горить твой лучъ любимый.

XIII.

Питомецъ радости, покорный наслажденью, Зачемь, коварный другь, не внемля приглашенью. Ты нашъ вечерній пиръ вчера не посётиль?.. Хозяинъ ласковый въ объду пригласилъ Въ беседку, где кругомъ, не заслоняя сада, Полувоздушная обстала волоннада. Діана полная, глядя между в'єтвей, Благословляла столъ улыбкою своей, И яства сочныя съ ихъ паромъ благовоннымъ, Отрадно-лакомымъ гулякамъ утонченнымъ, И отчихъ владовыхъ старинное добро, Широводонныхъ чашъ литое серебро... А вътеровъ ночной, по фитилямъ порхая, Качалъ слегва огни, намъ лица освъжая... Зачёмъ ты не сидёль межь нами у стола? Туть въ розовомъ вёнкё и Лидія была, И Пирра смуглая, и Цинтія живая, И ученица музъ, Неэра молодая, Кавъ Сафо страстная, пугливая вавъ лань... О, другъ! Я чувствую, я заплачу ей дань

Любви мечтательной, тоскливой, безотрадной... Я наливаль вчера рукою безпощадной, Но вспоминаль тебя, и знаю, въ полпьяна Мёшаль въ заздравіяхъ я ваши имена.

XIV.

Уснуло озеро, безмолвенъ черный лѣсъ, Русалка бѣлая небрежно выплываетъ; Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ Скользитъ и свой двойникъ на влагѣ созерцаетъ.

Уснули рыбави у сонныхъ огоньковъ; Вътрило блъдное не шевельнетъ ни складкой; Порой тяжелый карпъ плеснетъ у тростниковъ, Пустивъ широкій кругъ бъжать по влагъ гладкой.

Какъ тихо... Каждый звукъ и шорохъ слышу я; Но звуки тишины ночной не прерываютъ,— Пускай живая трель ярка у соловья, Пусть травы на водъ русалки колыхаютъ...

XV.

ВАФИВАП И СТИО

Ярко-блестящая пряжка надъ бёлою, полною грудью Дёвы, Хариты младой, — ризы вязала концы; Свёжій вёнокъ прилегалъ къ высоко подвязаннымъ косамъ;

Серьги съ подвёской тройной съ блескомъ качались въ ушахъ;

Свади вились по плечамъ, умащенныя сладкою амброй, Запахъ далеко лія, волны кудрей золотыхъ;

Тихо ступала нога круглобедрая... Такъ Пазифаю Юноша Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.

Крѣпкой обвита рукой, повраснѣла Харита младая... Но возрастающій жаръ вѣжды преврасной сомкнулъ, И, въ упоеньи любви на цвѣты опускаяся, дѣва,

Члены раскинувъ, съ кудрей свой уронила вънокъ.

(1851).

XVI.

AMMMOHA

"Это у васъ на Съверъ — все нипочемъ. Посмотри-ка, "Чей тамъ вдали голубой парусъ, какъ чайка, блеснулъ?

"Ты только бёлую точку завидёль; а я различила "Снасти и нестрый нашь флагь. Это отцовскій корабль!

"Знать, старику надовла въ Наксосв жена молодая...
"Мать говорила, что онъ скоро вернется домой
"Въ Наполи ди Романію. Полно вечерней порою
"Въ рощу лавровую мнв тайно къ тебв приходить!
"Ахъ, любовь только губить насъ дввушекъ!" —
Милая, — полно!

Въ этихъ словахъ двъ вины: городъ родной назвала Ты Наноли ди Романьей. Это названье—чужое.

Можно ли въ вашей странъ дъвамъ пенять на любовь? Здъсь она города созидала; по храмамъ и рощамъ Сладостный жаръ не остылъ въ гнъздахъ ея голубей. Знаешь ты, какъ основался вашъ городъ? Гонимый Египтомъ, Съ цёлой толною дётей въ Грецію прибыль Данай. Въ Арголиді, томясь жестокою жаждой, изгнанникъ Всёхъ пятьдесять дочерей ключъ отыскать разослаль. Долго блуждали оні, одинокія. Вдругъ Амимона Неосторожной стопой будить Сатира въ лісу. Ніть пощады! — Сатирь догоняеть пугливую, обняль... Но надъ бізглянкою богъ вірнымъ трезубцемъ взмахнуль.

Быстро, вавъ горный олень, умчался Сатиръ возлоногій, —

Мимо его просвиставъ, въ землю трезубецъ впился. "Амимона!" сказалъ Нептунъ: "подай мнъ трезубецъ!" Дъва, горя отъ стыда, дернула ловкой рукой. Чудо! Вслъдъ за зубцами желъзными, почва сухая Чистыхъ, какъ горный кристаллъ, три извергаетъ ключа.

Навилія сына Нептуну затёмъ понесла Амимона— Городъ вашъ Навилію онъ, смёлый пловецъ, заложилъ.

(1855).

XVII.

ДІАНА, ЭНДИМІОНЪ И САТИРЪ

(Картина Брюлова).

У звучнаго влюча какъ сладовъ первый сонъ!
Какъ спящій при лунѣ хорошъ Эндиміонъ!
Герои только такъ покоятся и дѣти...
Надъ чудной головой висятъ рожовъ и сѣти;
Откинутый колчанъ лежитъ на сторонѣ;
Собаки вѣрныя встревожены, — онѣ
Не видятъ смертнаго, и чуютъ приближенье.
Ты-ль, непорочная, познала вожделѣнье?
Счастливецъ! Ты его узрѣла съ высоты
И небо для него должна покинутъ ты
Дѣвическую грудъ невольный жаръ объемлетъ.
Діана, берегись! Старикъ Сатиръ не дремлетъ.
Я слышу стукъ копытъ. Рога прикрывъ вѣнцомъ,
Вотъ онъ, любовникъ Нимфъ, съ пылающимъ лицомъ,
Обезображеннымъ порывомъ страсти звѣрской,

Ужь стана нѣжнаго рукой коснулся дерзкой. О, какъ вздрогнула ты, какъ обернулась вдругъ! Въ лицѣ божественномъ—и гордость, и испугъ, А баловень Эротъ, доволенъ шуткой новой, Готовъ на кулакѣ прохлопнуть листъ кленовой.

(1856).

XVIII.

золотой выкъ

Auch ich war in Arkadien geboren. Schiller.

Я посёщаль тоть край обётованный, Гдё золотой блисталь когда-то вёкь, Гдё, розами и миртами вёнчанный, Подъ сёнію деревь благоуханной Блаженствоваль незлобный человёкь.

Лъса полны по-нынъ аромата, Долины тъ жь и горные хребты; Еще досель, въ прозрачный часъ заката, Глядитъ скала, сіяніемъ объята, На пъну волнъ Эгейскихъ съ высоты.

Подъ пихтою душистой и врасивой, Подъ шумъ ручьевъ, разбитыхъ объ утесъ, Отрадно върить, что Сатурнъ ревпивый Надъ этою долиною счастливой Въвъ золотой не весь еще пронесъ.

И чудится: — за тъмъ кустомъ колючимъ Румяныхъ розъ, гдъ лавровъ тънь легла,

Дыханьемъ дня распалена горючимъ, Лобзаніямъ то долгимъ, то летучимъ, Менада грудь и плечи предала.

Но что за шумъ? За дъвой смуглолицей Вослъдъ — толпа. Все празднично вругомъ, И гибвій тигръ съ пушистою тигрицей, Неслышные, въ ярмъ предъ волесницей, Идутъ, махая весело хвостомъ.

А вотъ и онъ, — красавецъ ненаглядный, Среди толпы ликующихъ, — Ліей, Увънчанный листвою випоградной, Любуется спасенной Аріадной, — Безсмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь въ перегонку, Нагія дъти пляшутъ и шумятъ: Одинъ приподнялъ пухлую рученку И крови не вкусившему тигренку Даетъ лизать пурпурный виноградъ.

Вино изъ рога богъ съ лукавымъ ликомъ Льетъ на толпу, самъ веселъ и румянъ; И, хохоча въ смятеньи полудикомъ, Вакханка быстро отвернулась съ крикомъ И отъ струи приподняла тимпанъ.

(1857).

XIX.

ДАКИ

Вблизи семи ходмовъ, гдв такъ невыразимо Воздушенъ на заръ вечерней очеркъ Рима И свътелъ Апеннинъ бълъющихъ туманъ, У соннаго Петра почість Ватиканъ. Тамъ боги и цари, толпою обнаженной, Созданія руки різцомъ вооруженной, Готовы на пиры, на нѣгу, иль на брань, Изъ цезарскихъ палатъ, изъ храмовъ и изъ бань, Стеклись, безмольные, торжественные лики, На древнія ступя, какъ прежде, мозанки, Въ которыхъ на коняхъ Нептуновыхъ Тритонъ Чернветъ, ликами Химеры окруженъ. Тамъ я въ одной изъ залъ, на мраморахъ, у входа, Знавомыя черты могучаго народа Привътствовалъ не разъ. Нельзя ихъ не узнать: Все та же на челъ безмолвія печать, И брови грозныя, сокрытыхъ силъ примета, И на устахъ вопросъ, — и нътъ ему отвъта. То — Даки пленные; ихъ странная судьба — Одна безмолвная и грозная борьба! Вперя на мраморъ взоръ, исполненный вниманья,

Я въ сердцв повторяль родимыя названья И мрамору шепталь: Суровый Славянинъ! Среди тебъ чужихъ зачъмъ ты здъсь одинъ? Повърь, ни женщина, ни рабъ, ни императоръ Не пощадять того, вто паль вавъ гладіаторь! По мненью суетныхъ, безжалостныхъ гулявъ, Борцомъ потешнымъ быть родится дивій Давъ, И, чуждые для нихъ поддерживая троны, Славяне составлять лишь годны легіоны. — Пускай въ развалинахъ умоленетъ Колизей, Чрезъ длинный рядъ въковъ, въ глазахъ иныхъ судей, Куда бы въ бой его ни бросила судьбина, Безмолвно умирать — вотъ доля Славянина. Когда потомовъ твой, весь въ ранахъ и въ крови, Къ тому, кого онъ спасъ, могучія свои Протянеть руки вновь, прося рукопожатья, Опять со всёхъ сторонъ подымутся проклятья, И съ подлымъ хохотомъ Гетера закричитъ: "Кончай! кончай его! — онъ дышить, онъ хрипить. Довольно сила рукъ, безмолвіе страданій Невольныхъ вызвали у насъ рукоплесканій! — Какъ эти варвары умёють умирать! — Пойдемте, вончено! — Придется долго ждать Борьбы тавихъ бойцовъ, иль ярой львипой драки. Пойдемте! Что смотръть, какъ цъпеньють Даки!"

(1857).

XX.

ТЕЛЕМАКЪ У КАЛИПСЫ

Солнце низво. Легвой мглою Вечеръ долы наполеть, Входъ въ пещеру раззолоченъ. Съ навлоненной головою Старый менторъ засыпаетъ, — Сынъ Улисса озабоченъ.

Смольли Нимфы. Тихо дышить Море, паръ подъявъ туманный. Всё безмолвствують упорно; Нимфа Эхо ясно слышить, Какъ смолы благоуханной На жаровнё прыщуть зерна.

Полны сладваго Ліея, Ждуть расврытыя амфоры; Но забыль густую влагу Сынь преврасный Одиссея, Онь поднять не смёсть взоры, Онь ступить не смёсть шагу. На душѣ и стыдъ и горе: Какъ осмѣлиться богинѣ Разсказать свою кручину? "Неужели, злое море, Завтра я въ твоей пустынѣ Все забуду, что покину?"

Разгорансь въ блескъ аломъ Отлетающей Авроры, Но безмолвна, какъ рабыня, Грудь прикрыла опахаломъ И, склоня къ любимцу взоры, Не насмотрится богиня.

О, Зевесъ! Зачёмъ же лира
Такъ безсильна, — даръ, любимый
Златовласымъ Аполлономъ?
Иль—зачёмъ, владыка міра,
Взглядъ такой невыразимый
Ты даешь влюбленнымъ женамъ?

(1857).

XXI.

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И цѣломудренно, и смѣло До чреслъ сіяя наготой, Цвѣтеть божественное тѣло Неувадающей врасой.

Подъ этой сёнью прихотливой Слегва приподнятых волось, Какъ много нёги горделивой Въ небесномъ ливе разлилось!

Такъ, вся дыша паоосской страстью, Вся мавя пвною морской И всепобъдной ввя властью, Ты смотришь въ ввчность предъ собой.

(1857).

XXII.

нимфа и молодои сатиръ.

(Группа Ставассера).

Постой хотя на мигъ! О камень, или пень Ты можешь уязвить разутую ступень; Еще невинная, бъжа отъ вакханалій, Готова уронить одну ты изъ сандалій. Но воть, -- косматыя кольна преклоня, Онь у ноги твоей поймаль вонець ремня. Затянется теперь не скоро узель прочный; Сатиръ, и молодой, - не отровъ непорочный. Смотри, какъ, голову откинувши назадъ, Глядить онь на тебя и пьеть твой аромать, Кавъ дишать нёгою уста его и взоры! Быть можеть, нехотя ты ищешь въ немъ опоры, А стройное твое бедро такъ горячо Теперь легло въ нему на врвивое плечо. Нътъ! Мысль твоя чиста и воля неизмънна, Улыбва у тебя насмёшливо-надменна,

Но отчего, сважи, — въ сознаньи-ль врасоты, Иль въ утомленіи такъ неподвижна ты? Еще открытое, смежиться хочетъ око, И молодая грудь волнуется высоко... Иль страсть, горящая въ Сатиръ молодомъ, Пахнула и въ тебя томительнымъ огнемъ?

1859).

XXIII.

сонъ и смерть

Богомъ свёта покинута, дочь Громовержца нёмая,

Ночь Геліосу вослёдъ водить возлюбленныхъ чадъ.
Оба—и въ мать, и въ отца зародились безсмертные боги,

Только несходны во всемъ между собой близнецы:
Смуглоликій, какъ мать, творецъ, какъ всезрящій родитель,

Сонъ и во мракё никакъ дня не умёсть забыть;
Но просвётленная дочь лучезарнаго Феба, дыханьемъ

Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увёнчавши свое чело неподвижной звёздою,

Не узнаетъ ни отца, ни безутёшную мать.

(1863).

XXIV.

ВЕВОЪ

Шумъ и гамъ. Хохочутъ дѣвы, Въ мѣдь колотять музыканты; Подъ визгливые наиѣвы Скачутъ, пляшутъ корибанты.

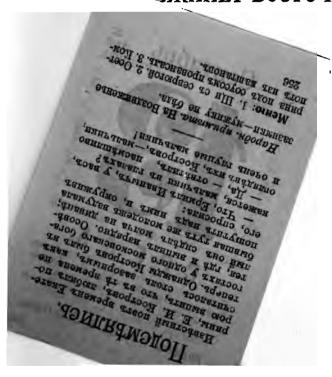
Въ випарисной рощѣ Крита Вновь заплавалъ мальчивъ Реи, Потянулъ въ себѣ сердито Онъ сосцы у Амальтеи.

Юный богъ ужь ненавидитъ,— Эти врики местью дышатъ; Но земля его не видитъ, Небеса его не слышатъ.

(1883).

тапражанія восточному

•

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ

:					•
				,	

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою Нанадаетъ на хищныхъ враговъ; Я люблю въ немъ отраду, награду мою, И потомка великихъ отцовъ.

Кто бы ни быль ты, странникъ простой, иль купецъ, Ни овцы, ни верблюда не тронь!
Отъ кобыль Мугаммеда его жеребецъ,—
Что небесный огонь—этотъ конь.

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ лововъ и скоръ:
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

. Будто мѣсяцъ надъ кедромъ, бѣлѣетъ чалма У него средь широкихъ степей. Я люблю, и никто — ни Фатима сама — Не любила Пророка сильнѣй.

(1850).

II.

Не дивись, что я черна, Опаленная лучами; Посмотри, какъ я стройна Между старшими сестрами!

Оглянись: сошла вода, Зимній дождь не хлещеть боль; На горахь опять стада, И оратай вышель въ поле.

Розой горъ меня зови; Ты врасой моей ужаленъ, И цвъту я для любви, Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахнулъ весной, Тайный жаръ владѣетъ дѣвой; Я прильну къ твоей десной, Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи Незамѣтными путями; Отопрись—и опочій У меня между грудями.

(1850).

III.

соловей и роза

Небесъ и земли повелитель, Творецъ плодотворнаго міра Далъ счастье, далъ радость всей твари Цвётущихъ долинъ Кашемира.

И равны всё звенья предъ Вёчнымъ Въ цёпи непрерывной творенья, И жизненнымъ трепетомъ общимъ Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы въ страхъ закрыли
Крылами звъздистыя очи.

Но тамъ же, въ саду мірозданья, Гдё радость и счастье— привычка, Забыты, отвергнуты счастьемъ Кустарникъ и сёрая птичка. Листовъ, оваймленныхъ пилами, Побъговъ, сврывающихъ сницы, Боятся летучіе гости, Чуждаются пъвчія птицы.

Безгласная сёрая птичка Одна не пугается терній; И любять другь друга, но счастья— Ни въ утренній часъ, ни въ вечерній.

И по небу въви проходять, Какъ волны безбрежнаго моря; Нивто не узнаетъ ихъ страсти, Нивто не увидитъ ихъ горя.

Однажды, сіяющій Ангель, Купаяся въ безднахъ эсира, Узрёль и кустарникъ, и птичку Въ долинъ ночной Кашемира.

И нѣжному Ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо: Краснъя и маъя сквозь слезы, Склонилася къ въткъ упругой Головка душистая розы. И въ ночи—съ безгласною птичкой Еще перемъна чудеснъй: И листья, и звъзды трепещутъ Ея упоительной пъсней.

0 нъ.

Ран въчнаго изгнанникъ, Вешній гость я, пъвчій странникъ; Миъ чужіе здъсь цвъты, Страшны искры миъ мороза. Другъ мой роза, дъва роза! Я-бъ не пълъ, когда-бъ не ты.

OHA.

Полночь—мать моя родная,
Незамътно расцвъла я
На заръ весны;
Для тебя-жь у бъдной розы—
Аромать, краса и слезы,
Заревые сны.

0 нъ.

Ты такъ нѣжна, какъ утреннія розы, Что предъ зарей несетъ землѣ Востокъ; Ты такъ свѣтла, что поневолѣ слезы Туманятъ мнѣ внимательный зрачокъ! Ты такъ чиста, что помыслы земные Невольно мрутъ въ груди передъ тобой; Ты такъ свята, что Ангелы святые Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

OHA.

Ты поешь, когда дремлю я, Я цвёту, когда ты спишь; Я горю безъ поцёлуя, Безъ отвёта ты грустишь.

Но ни грусти, ни мученья Ты обманомъ не вови: Гдё же пёсни безъ стремленья? Гдё же юность безъ любви?

0 нъ.

Дѣва роза, доброй ночи! Звѣзды въ небесахъ; Двѣ звѣзды горятъ какъ очи Въ голубыхъ лучахъ.

Двъ звъзды горять привътно Нынче, какъ вчера; Сонъ подкрался незамътно... Роза, спать пора! OHA.

Зацёлую тебя, закачаю, Но боюсь надъ тобой задремать: На зарё лишь уснешь ты; я знаю, Что всю ночь будешь пёть ты опять.

Заврываются милыя очи, Голова у меня на груди. Вътеръ, вътеръ съ суровой полночи, Не тревожь его сна, не буди!

Я сама притаила дыханье, Только въжды закрыль ему сонъ, И надъ спящимъ склоняюсь въ молчаньи: Все боюсь, не проснулся бы онъ.

Вътеръ, вътеръ лукавый, поди ты, Я умъю сама цъловать; Я устами коснуся ланиты, И мой милый проснется опять.

Просыпайся-жь! Заря потухаетъ: Для пъвца—золотая пора. Дъва роза тихонько вздыхаетъ, Отпуская тебя до утра.

0 нъ.

Ахъ, опять въ ночному бдёнью Вышелъ звёздный хоръ... Эхо ждеть завторить пѣнью, Ждеть лѣсной просторъ.

Въстъ вътеръ надъ дубровой, Пышный листъ шумитъ; У меня въ тъни вленовой Дъва роза спитъ.

Хорошо-ль ей, сладко-ль спится, Я предъузнаю, И звъздамъ, что ей приснится, Громко пропою.

OHA.

Я дремлю, но слышить Роза соловья; Вътеровъ колышить Сонную меня;

Звуки остаются Всё въ монхъ листкахъ; Слышу, — а проснуться Не могу никакъ!

Заревыя слезы, Наклоняясь, лью. Пой у сонной розы Про любовь мою! И во снъ-только любить и любить, И отъ счастія плачеть, и спить; Эти пъсни она приголубить, Если эхо о нихъ промолчить.

Эти пъсни землъ разсказали Все, что розъ приснилось во снъ, И глубоко, глубоко запали Ей въ румяное сердце онъ.

И въ ночи подъ землею воренья Влагу ночи сосутъ да сосутъ, А у розы росой умиленья Брилліантами слезы текутъ.

Отчего-жь подъ навёсомъ прохлады Раздается такъ голосъ пёвца? Роза! Пёсни не знаютъ преграды! Безъ конца твои сны, безъ конца!

(1850).

IV.

восточный мотивъ

Съ чёмъ насъ сравнить съ тобою, другь прелестный? Мы—два вонька, скользящихъ на рёкё, Мы—два гребца на утломъ челновё, Мы—два зерна въ одной скорлупке тёсной, Мы—две пчелы на жизненномъ цвёткё, Мы—две звёзды на высоте небесной.

(1883).

V.

АВАДДОНЪ

Ангелъ и левъ, и телецъ, и орелъ, Всъ шестиврылые, держатъ престолъ.

А надъ престоломъ, надъ Тѣмъ, кто сидитъ Радуга ярвимъ смарагдомъ горитъ.

Молніи съ громомъ по небу летять И раздается изъ нихъ: святъ, святъ, святъ!

Вотъ, проносящійся Ангелъ трубитъ,— Съ трескомъ звізда къ намъ на землю летитъ.

Землю прошибла до бездны глухой,— Вырвался дымъ, какъ изъ печи большой.

Мъдными врыльями грозно стуча, Вышла изъ дыма—съ воня саранча.

Львиные зубы, коса какъ у женъ, Хвость скорпіоновымь жаломъ снабженъ.

Царь ея гордой сіяеть красой, То—Аваддонь, Ангель бездны земной. Будутъ терзать васъ и жалить — и вотъ, Смерть призовете, и смерть не придетъ.

Пусть же извъдаеть всякая плоть, Что испытанія хочеть Господь!

(1883).

BEAELHIE OLHN

(изданія послъднихъ годовъ).

Bunycru I, II, III, IV u V (посмертный).

•	

изъ перваго выпуска

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1883).

.

Знаю, зачёмъ ты, ребеновъ больной, Тавъ неотступно все смотришь за мной; Знаю, съ чего на большіе глаза Изъ подъ ресницъ наплываетъ слеза.

Тамъ у васъ душно, тамъ жаркая грудь Разу не можетъ прохладой дохнуть, Да, нагоняя на слабаго страхъ, Плаваетъ воршунъ на темныхъ вругахъ.

Только воть здёсь, средь завётныхъ цвётовъ, Тёнь распростерла таинственный кровъ, Только въ сердечкё поникнувшихъ розъ Капли застыли младенческихъ слезъ.

II.

Встрічу-ль яркую въ небі зарю,— Ей про тайну свою говорю; Подойду-ли къ лісному ключу,— И ему я про тайну шепчу.

А какъ звёзды въ ночи задрожать, — Я всю ночь имъ разсказывать радъ! Лишь когда на тебя я гляжу, Ни за что, ничего не скажу.

III

Въ страданьи блаженства стою предъ тобою, И смотритъ мнѣ въ очи душа молодая; Стою я, овъянный жизнью иною, Я съ ръчью не вдъшней, я съ въстью изъ рая.

Слетьль этоть мигь, не земной, не случайный,— Надъ нимъ такъ безсильны житейскія грозы; Но въчной уснеть онъ сердечною тайной, Какъ вижу тебя я сквозь яркія слезы.

И въ трепетъ сердце, и трепетны руки, Въ восторгъ склоняюсь предъ чуждою властью; И мукой блаженства исполнены звуки, Въ которыхъ сказаться такъ хочется счастью!

IV.

Вчерашній вечеръ помню живо: Синьли глубью небеса, Листъ трепеталь, враснорычиво Глядыли звызды намъ въ глаза.

Свътились зори издалека, Фонтанъ сверкалъ такъ горячо, И млечный путь бъжалъ широко И звалъ: смотри! еще! еще!

Сегодня — все вокругъ заснуло; Какъ дымкой твердь заволокло, И въ полумракъ затонуло Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана, Меня не давитъ мракъ лъсной, — Я слышу плескъ живой фонтана И чую звъзды надъ собой. V.

горячій ключъ

Помнишь тоть горячій влючь,
Кавъ онъ чисть быль и бёгучь,
Кавъ дрожаль въ немъ солнца лучъ
И вачался?
Кавъ пестрёлъ сосёдній борь,
Кавъ бёлёли выси горъ,
Кавъ тепло въ немъ звёздный хоръ
Повторялся?

Обмёлёль онь и остыль, Словно въ землю уходиль, Оставляя следомъ иль Блёдно-врасный. Долго, долго я алкаль, Жилу жаркую межъ скаль Съ тайной ревностью искаль, Но напрасной. Вдругъ, въ горахъ промчался громъ, Потряслась вемля кругомъ, Я бъжалъ, покинувъ домъ Мнъ грозящій; Оглянулся, — чудный видъ! Старый ключъ прошибъ гранитъ, И надъ бездною виситъ, Весь кипящій.

(1871).

VI.

Отчего со всёми я любезна,
Только съ нимъ насъ раздёляетъ бездна?
Отчего съ нимъ, хоть его бёгу я,
Не встрёчаться всюду не могу я?
Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свётъ возненавижу?
Отчего, какъ съ нимъ должна остаться,
Такъ и рвусь надъ нимъ же издёваться?
Отчего, — кто разрёшитъ задачу? —
До зари потомъ всю ночь проплачу?

VII.

Въ душѣ, измученной годами, Есть неприступный чистый храмъ, Гдѣ все нетлѣнно, что судьбами Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь въ нему заглохнеть; Но въ этотъ дъвственный тайнивъ, Хотя-бъ и могъ, своръй изсохнетъ, Чъмъ путь укажетъ мой язывъ.

Скажи же, — какъ, при первой встръчъ, Успокоительно свътла, Вчера, — о какъ оно далече! — Живая ты въ него вошла?

И воть, отнынѣ поневолѣ Въ блаженной памяти моей Одной улыбкой нѣжной болѣ, Одной ввѣздой любви свѣтлѣй.

VIII.

ключъ

Межь селеньемъ и рощей нагорной Вьется свътлою лентой ръка, А на храмъ, надъ озимью черной, Яркій кресть поднялся въ облака.

И, толпой голосистой и жадной, Все къ заръ набъжить со степей, Точно въсть надъ волною прохладной Пронеслась: освъжись и испей!

Но, въ шумящей толпъ, ни единый Не присмотрится въ вущамъ деревъ, И не слышенъ имъ вовъ соловьиный, Въ ревъ стадъ и плесканьи вальковъ.

Лишь одинъ, въ часъ вечерній, завѣтный, Я въ журчащему сладко влючу, По тропинвъ лъсной, незамѣтной, Путь обычный во мракъ сыщу. Дорожа соловьинымъ повоемъ, Я ночнаго пъвца не спугну, И устами, спаленными зноемъ, Къ освъжительной влагъ прильну.

(1870).

IX.

Чъмъ безнадежные и строже Года разъединяють насъ, Тъмъ сердцу моему дороже, Дитя!—съ тобой прылатый часъ.

Я лёть не чувствую суровыхь, Когда въ глаза во мий порой Изъ подъ ресницъ твоихъ шелковыхъ Заглянетъ ангелъ голубой.

Не въ силахъ ревности мятежность Я побъдить и сврыть печаль,—
Мнъ эту дъвственную нъжность Въ глазахъ толны оставить жаль.

Я знаю, жизнь не дасть отвёта Твоимъ несбыточнымъ мечтамъ, И лишь одна душа поэта—
Ихъ вёчно празднующій храмъ.

X.

COHETЪ

Когда отъ хмеля преступленій Толпа развратная буйна, И радъ влачить въ грязи злой геній Мужей веливихъ имена,—

Мои сгибаются колѣни, И голова преклонена, Зову властительныя тѣни И ихъ читаю письмена.

Въ тѣни таинственнаго храма Учусь сввовь волны еиміама Словамъ наставниковъ внимать

И, забывая гуль народный, Ввъряясь думъ благородной, Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

(1866).

XI.

Толпа тёснилася. Рука твоя дрожала, Сдвигая, складками бёгущій съ плечъ, атласъ. Я знаю: "завтра" ты невнятно прошептала; Потомъ ты вспыхнула и скрылася изъ глазъ.

А онъ? Съ усиліемъ сложиль онъ навресть руки, Стараясь подавить восторгь въ груди своей, И часа поздняго пророческіе звуки Смёшались съ топотомъ помчавшихся коней.

Казались безъ конца тебъ часы ночные, Ты не смежила въждъ горячихъ на покой, И сильфы ръзвые и феи молодыя Все "завтра" до зари шептали надъ тобой.

XII.

Встаетъ мой день, какъ труженникъ убогій, И свётить мнё безъ силы и огня, И я бреду, съ заботой и тревогой.

Мы думой врозь, — теб'в не до меня. Но вотъ луна прокралася изъ саду, И гаситъ ночь, въ рук'в дрожащей дня,

Своимъ дыханьемъ яркую лампаду. Таинственнымъ окружена огнемъ, Сама идешь ты мив принесть отраду.

Забыто все, что угнетало днемъ; И, полные слезами умиленья, Мы объ руку, блаженные, гдемъ,

И-тъни нътъ тяжелаго сомнънья.

XIII.

Кому вънецъ: богинъ-ль врасоты, Иль въ зервалъ ея изображенью? Поэтъ смущенъ, когда дивишься ты Богатому его воображенью.

Не я, мой другь, а Божій мірь богать, Въ пылинев онъ лелветь жизнь и множить, И, что одинъ твой выражаеть взглядь, Того поэть пересказать не можеть.

(1865).

XIV.

Напрасно!

Куда ни взгляну я, встръчаю вездъ неудачу, И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ всечасно; Тебъ улыбаюсь, а внутренно горько я плачу, Напрасно.

Разлука!

Душа человъка какія выносить мученья! А часто на нихъ намекнуть—лишь достаточно звука. Стою какъ безумный, еще не постигь выраженья: Разлука.

Свиданье!

Разбей этотъ кубокъ: въ немъ капля надежды таится. Она то продлитъ и она то усилитъ страданье, И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться Свиданье.

Не нами

Безсилье извъдано словъ въ выраженью желаній. Безмольныя муви сказалися людямъ въвами, Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній Не нами. Но больно,
Что жребін жизни святымъ побужденьямъ враждебны;
Въ груди человъка до нихъ бы добраться довольно,
Нътъ,—вырвать и бросить! Тъ язвы, быть можетъ,
цълебны,—

Но больно!

XV.

КУПАЛЬЩИЦА

Игривый плескъ въ ръкъ меня остановилъ. Сквозь вътви темныя узналъ я надъ водою Ея веселый ликъ: онъ двигался, онъ плылъ — Я голову призналъ съ тяжелою косою.

Узналъ я и нарядъ, взглянувъ на бълый хрящъ, И превратился весь въ смущенье и тревогу, Когда врасавица, прорвавъ вристальный плащъ, Вдавила въ гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мнѣ на мигъ во всей красѣ, Вся дрожью легкою объята и пугливой; Такъ пышутъ холодомъ на утренней росѣ Упругіе листы у лиліи стыдливой.

XVI.

Напрасно ты восходишь надо мной Посланницей волшебных сновиденій И, юностью сіяя варевой, Ждешь отъ меня похваль и пёснопёній.

Кавъ ярво ты и нѣжно ни гори Надъ ваменнымъ, угаснувшимъ мемнономъ, На ярвія привѣтствія зари Онъ отвѣчать способенъ только стономъ.

XVII.

P 0 3 A

У пурпурной волыбели Трели мая прозвенёли, Что весна опять пришла; Гнется въ зелени береза, И тебъ, царица роза, Брачный гимнъ поетъ пчела.

Вижу, вижу! Счастья сила Яркій свитокъ твой раскрыла И увлажила росой. Необъятный, непонятный, Благовонный, благодатный Міръ любви передо мной.

Еслибъ движущій громами Повельль между цвытами Цвысть ныжныйшей изъ богинь, Чтобъ безмольною красою Звать къ любви,—когда весною Теменъ лысь и воздухъ синь,

Ни Киприда и ни Геба, Спрятавъ въ сердцѣ тайны неба И съ бозмолвьемъ на челѣ, Въ часъ блаженный расцвѣтанья, Больше страстнаго признанья Не повѣдали-бъ землѣ.

(1865).

XVIII.

Только встрічу улыбку твою, Или взглядь уловлю твой отрадный, Не тебі піснь любви я пою, А твоей красоті ненаглядной.

Про пѣвца по зарямъ говорятъ, Будто розу влюбленною трелью Восхвалять неумолчно онъ радъ Надъ душистой ея волыбелью.

Но безмольствуетъ, пышно чиста, Молодая владычица сада: Только пъснъ нужна красота, Красотъ же и пъсень не надо!

XIX.

псевдо-поэту

Молчи, понивни головою, Кавъ бы представъ на страшный судъ, Когда случайно предъ тобою Любимца музъ упомянутъ!

На рыновъ! Тамъ вричить желудовъ, Тамъ для стоокаго слъпца Цъннъй грошовый твой разсудовъ Безумной прихоти пъвца.

Тамъ сбыть малеванному кламу, — На этой затклой плошади; Но въ музамъ, въ чистому ихъ краму, Продажный рабъ, не подходи!

Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: свобода
Ни разу сердцемъ не постигъ;

Не возносился богомольно
Ты въ ту свъжъющую мглу,
Гдъ беззавътно лишь привольно
Свободной пъснъ, да орлу.

(1867).

XX.

Я убзжаю. Замираетъ Въ устахъ обычное прости. Куда судьба меня видаеть? Куда мив грусть мою нести?

Молчу. Ко мит всегда жестокой Была ты много, много лёть! Но, можеть быть, въ странт далекой Я вдругь услышу твой приветь.

Въ долинъ, иногда, прощаясь, Крутой минувши поворотъ, Напрасно страннивъ, озираясь, Другаго голосомъ зоветъ.

Но смерклось. Надъ ствною черной Горятъ извивы облаковъ, И тамъ, внизу, съ тропы нагорной Ему прощальный слышенъ зовъ.

XXI

Не избътай! Я не молю Ни слезъ, ни сердца тайной боли; Своей тоскъ кочу я воли,— И повторять тебъ: люблю.

Хочу нестись въ тебъ, летъть, Кавъ волны по равнинъ водной— Поцъловать гранить холодный,— Поцъловать и умереть!

XXII.

Въ благословенный день, когда стремлюсь душою Въ блаженный міръ любви, добра и врасоты, Воспоминаніе выносить предо мною Нерукотворныя черты.

Предъ твнью милою колвнопревлоненный, Въ слезахъ молитвенныхъ я сердцемъ оживу; И вновь затрепещу, тобою просвътленный, Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется; Когда-жь окончится земное бытіе, Мнё ангель вротости и грусти отзовется На имя нёжное твое.

(1857).

XXIII.

КЪ СИКСТИНСКОЙ МАДОННЪ

(сонетъ).

Вотъ Сынъ ея,—Онъ, тайна Іеговы, Лельемъ дъвы чистыми руками. У ногъ ея—земля подъ облаками, На воздухъ—нетлънные повровы.

И, превлонясь, съ Варварою готовы Молиться ей мы на волёняхъ сами, Или, кавъ Сивстъ, блаженными очами Встрёчать Того, Кто рабства свергъ оковы.

Какъ ангеловъ, младенцевъ окрыленныхъ, Узришь и насъ, о Дѣва, не смущенныхъ: Здѣсь угасаетъ предъ тобой тревога.

Такой тебь, Рафаэль, въстникъ Бога, Тебъ и намъ явилъ твой сонъ чудесный Царицу женъ—Царицею небесной!

XXIV.

музъ

Пришла и съла. Счастливъ и тревоженъ, Ласкательный твой повторяю стихъ; И, если даръ мой предъ тобой ничтоженъ, То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу, Непосвященных я въ тебъ не звалъ, И рабскому ихъ буйству я въ угоду Твоихъ ръчей не осквернялъ.

Все та же ты, завётная святыня, На облавъ, незримая землъ, Въ вънцъ изъ звъздъ, нетленная богиня, Съ задумчивой улыбкой на челъ.

изъ втораго выпуска

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1885).

Не смъйся, не дивися мнъ, Въ недоумъньи дътски грубомъ, Что передъ этимъ дряхлымъ дубомъ Я вновь стою по старинъ.

Не много листьевъ на челѣ Больнаго старца уцѣлѣли; Но вновь съ весною прилетѣли И жмутся горленви въ дуплъ.

II.

День проснется, — и рѣчи людскія Закипять раздраженной волной, И помчить, разливаясь, стихія Все, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчать пёснопёнья, Но въ зыбучихь струяхъ ты найдешь Развё ласковой думы волненья, Развё сердца напрасную дрожь.

III *).

Ты быль для насъ всегда вонъ той скалою, Взлетвитей къ небесамъ; Подъ бурями, подъ ливнемъ и грозою, Невозмутимый самъ.

Защищены отъ сѣвера тобою, Надъ зеркаломъ наядъ Росли мы здѣсь веселою семьею,— Цвѣтущій вертоградъ.

И вдругъ вчера,— тебя я не узнала: Ты былъ какъ Божій громъ... Умольла я,—я вся затрепетала Передъ твоимъ лицомъ.

"О, — да! Скала молчить; но неужели Ты думаешь: ничуть Всё бури ей, всё ливни и мятели Не надрывають грудь?"

^{*)} Стихотвореніе относится въ слідующему случаю. На южномъ берегу Крыма, обломовъ скалы ниже Байдарскихъ воротъ, прокатившись ночью съ гуломъ землетрясенія въ море, уничтожиль часть сада взледіяннаго многолітними трудами хозяина.

"Отвуда же, — ты помнишь, — это было: Вдругъ землю потрясло, И что-то въ ночь весь садъ пробороздило, И слёдомъ — все легло?"

"И никому не разсказало море, Что кануло ко дну,— А то скала свое былое горе Швырнула въ глубину".

17.

BABOYKA

Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ Я такъ мила;

Весь бархать мой съ его живымъ миганьемъ — Лишь два врыла.

Не спрашивай: откуда появилась? Куда спъту?

Здёсь на цвётовъ я легкій опустилась, И вотъ — дышу.

На долго-ли, безъ цѣли, безъ усилья, Дышать хочу?

Вотъ-вотъ—сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья И— улечу.

٧.

Съ бородою сёдою верховный я жрецъ:
На тебя возложу я душистый вёнецъ,
И нетлённою солью горящихъ рёчей
Я осыплю невинную роскошь кудрей.
Эту дётскую грудь разсёку я потомъ
Вдохновеннаго слова звенящимъ мечомъ,
И раскроетъ потомку минувшаго мгла,
Что на свётё всёхъ чище ты сердцемъ была

VI.

Говорили въ древнемъ Римѣ,
Что въ горахъ, въ пещерѣ темной
Богоравная Савилла
Вѣчно-юная живетъ,
Что ей все открыли боги,
Что въ груди чужой сокрыто,
Что таитъ небесный сводъ.

Только избраннымъ доступно— Хоть не самую богиню, А священное жилище Чародъйки соверцать. Въ ясномъ зеркалъ ты можешь, Взоръ въ глаза свои вперяя, Ту богиню увидать.

Неподвижна и безмольна, Для тебя единой зрима На порогъ черной двериНа нее тогда смотри! Но, когда заслышишь пъсню Вдохновенную тобою,— Эту дверь мив отопри!

(1884).

VII.

вольный соколъ

Не воскормленъ ты пищей нѣжной, Не унесенъ къ зимѣ въ тепло, И каждый часъ рукой прилежной Твое не холено крыло.

Тамъ, надъ скалой, вблизи лазури, На умирающемъ дубу, Ты съ первыхъ дней извъдалъ бури И съ ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу И зной, и голодъ, и гроза, И восходящему свътилу Глядълъ ты за море въ глаза.

За то, когда пора приспъла, Съ гнъзда ты крылья распустилъ И, взмахамъ ихъ довърясь смъло, Ширяясь по небу поплылъ.

VIII.

Не вижу ни красы души твоей нетлѣнной, Ни пышныхъ локоновъ, ни ласковыхъ очей, Помимо я гляжу на жребій отдаленный И слышу приговоръ безжалостныхъ людей.

И только чувствую, что ты вотъ туть—со мною, Со мной!—и молодость, и суетную честь И все, чёмъ я дышаль, — блаженною мечтою Лечу къ твоимъ ногамъ младенческимъ принесть.

изъ третьяго выпуска

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1888).

· . • .

Предисловін

КЪ ТРЕТЬЕМУ ВЫПУСКУ.

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.

Terentianus Maurus.

Грамматикъ III в. по Р. Хр.

По разумънью чтеца, свои судьбы есть у книжекъ.

Появленіе отъ времени до времени за послёдніе годы небольшихъ сборниковъ нашихъ стихотвореній, въ родё находящагося передъ главами читателя, придаетъ всей нашей стихотворной дёятельности совершенно нежелательный для насъ оттёновъ. Издали можетъ повазаться, что въ подобнымъ изданіямъ побуждаетъ насъ преувеличенное понятіе о значительности нашихъ стихотвореній. Поневолё приходится подвести благосклоннаго читателя поближе въ дёлу и дать ему возможность убёдиться, что такой оттёновъ—не только лишь издали важущійся, но прямо противоположный дёйствительному.

Конечно, нивто не предположить, чтобы, въ отличіе отъ всёхъ людей, мы одни не чувствовали, съ одной стороны, неизбёжной тягости будничной жизни, а съ другой, тёхъ періодическихъ вёяній нелёпостей, воторыя дёйствительно способны исполнить всяваго прав-

тическаго деятеля гражданскою скорбью. Но эта скорбь нивакъ не могла вдохновить насъ. Напротивъ, этито жизненныя тяготы и заставляли нась въ теченіи пятидесяти леть по временамъ отворачиваться отъ нихъ и пробивать будничный ледь, чтобы хотя на мгновеніе вздохнуть чистымъ и свободнымъ воздухомъ поэзіи. Однако, мы очень хорошо понимали, что, вопервыхъ, нельзя постоянно жить въ такой возбудительной атмосферъ, а вовторыхъ, что навязчиво призывать въ нее всъхъ и важдаго - и неблагоразумно, и смъшно. Кавъ мало мы заботились о подобномъ призывъ, явно изъ того, что мы до последнихъ леть предоставляли нашимъ литературным друзьямъ заботиться о сохраненіи и группировкі нашихъ произведеній. Такъ, всь написанныя стихотворенія, вошедшія въ рическій Пантеонъ" и въ изданіе 1850 г., собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежать и самыя заглавія отдёловь; такь, сборнивъ 1856 года, появившійся въ Петербургѣ во время нашего отсутствія, переправленъ нами по настоятельному требованію цёлаго круга друзей, подъ руководствомъ И. С. Тургенева, которому принадлежить и небольшое предисловіе въ этому изданію. Съ той поры мувъ нашей пришлось переживать тяжелыя времена, чёмъ она, мимоходомъ сказать, огорчалась тёмъ менъе, что бдительныя очи любезныхъ пестуновъ не повидають ее и по настоящее время. Эти пестуны и понынъ выбираютъ достойное, по ихъ мнънію, печати и побуждають насъ отъ времени до времени знавомить благосклонныхъ читателей съ нашими последними стихотвореніями. Друзья наши знають, что многое, не взирая на полученное одобреніе, было нами окончательно забраковано, но что не было примёра, чтобы мы навязали сборнику что-либо не одобренное знатоками дёла. Такое отношеніе къ собственнымъ произведеніямъ привело къ совершенной утратё тёхъ стихотвореній, которыя въ теченіи многихъ лётъ случайно ускользнули отъ рукъ нашихъ друзей.

Ī

Читатели, знакомые съ ходомъ нашей журналистики, не забыли, быть можеть, что до шестидесятыхъ годовъ мы, подобно другимъ стихотворцамъ, безраздично появлялись во всёхъ журналахъ, которые перечислять здъсь излишне. Но тутъ мы подверглись самому комическому остравизму. Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, внезапно выступившихъ, подобно Минервъ, во всеоружін, все закипъло духомъ оппозиціи (чему?) и запоздалою гражданскою скорбію. Такъ какъ скорбъли люди, не имъвшіе нивакого понятія о правтической жизни, то и самый скорбный недугъ поневолъ сосредоточился на язывъ. Быть писателемъ, хотя бы и лирическимъ поэтомъ, по понятію этихъ людей, значило быть скорбнымъ поэтомъ. Такъ какъ, въ сущности, люди эти ничего не понимали въ дълъ поэзіи, то останавливались только на одной видимой сторонъ дъла: именно на его непосредственной безполезности. Понятно, до вавой степени имъ вазались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбными отсутствіемъ гражданской скорби. Но, справедливый читатель, вникните же и въ наше положение. Мы, если припомните, постоянно искали

въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ всяческихъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и гражданскихъ. Откуда же могли мы взять этой скорби тамъ, куда мы старались отъ нея уйти? Не все ли это равно, что обратиться къ человѣку, вынырнувшему изъ глубины рѣки, куда онъ бросился, чтобы потушить загорѣвшееся на немъ платье, съ требованіемъ: "давай огня!"

Понятно, что, при такомъ исключительномъ положеніи, стихотворенія наши не могли быть пом'вщаемы на страницахъ журналовъ, въ которыхъ они возбуждали одно негодованіе. Единственное исключеніе представляль Русскій Въстникъ, не ставившій тенденціозности непременнымъ условіемъ. Но, когда въ 1885 г. мы сочли дальнвитее наше сотрудничество въ Русскомъ Въстнивъ невозможнымъ, то единственнымъ путемъ обнародованія остались для насъ выпуски небольшихъ сборнивовъ. Слова ненависти, въ теченіи столькихъ лёть раздававшіяся вокругь нашихь стиховь, и не снятый съ нихъ и понынъ остравизмъ-были бы понятны, если бы, среди единогласного тенденціовного хора, они, подобно стихамъ Тютчева и Гр. Алексвя Толстаго, звучали порицаніемъ господствующаго направленія; но ничего подобнаго въ нихъ не было, и они подверглись гоненію, очевидно, только за чистоту своего служенія. Надо прибавить, что чёмъ единогласнее съ одной стороны становился хоръ порицателей, твиъ съ большимъ участіемъ и одушевленіемъ подходили на помощь нашей музё и свёжія силы несомнённых знатововь дёла; и, насколько для насъ лестно одобрение последнихъ, настолько же мало заботимся мы о приговоръ большинства, вполнѣ увѣренные, что изъ тысячи людей, не понимающихъ дѣла, невозможно составить и одного знатока.

Нагляднымъ подтвержденіемъ всего нами высказаннаго можеть служить въ настоящемъ сборнивъ прибавленіе изъ изданія 1850 года. Счастливъ художникъ, способный исправлять свои произведенія согласно указаніямъ внатоковъ. Но и туть есть извёстныя границы и опасности. Можно, что называется, записать вартину. Это случалось даже съ позднейшими изданіями Тютчева, гдв алмазные стихи появились замёненные стразами. Мы говорили выше, что издание 1856 г. составлено исвлючительно по выбору и настоянію бывшаго вружва нашихъ петербургскихъ друзей, вследствіе чего даже мы сами привывли смотрёть на изданіе 1850 г. вакъ на окончательно управдненное. Но въ теченіи посліднихь літь мы, при встрівчахь сь нашими друзьями, постоянно слышали упрекъ за то, что въ изданіе 1856 г. не вошли нівоторыя стихотворенія изъ изданія 1850 г., не заслуживающія такого исключенія, между прочимъ и діалогъ "Соловей и Роза". Касательно пяти первыхъ стихотвореній *) мы безпрекословно різшились возстановить ихъ, помъстивъ въ настоящемъ сборнивъ; но по поводу "Соловья и Розы" дъло не обошлось безъ протеста съ нашей стороны. Даже соглашаясь, что тамъ есть более или мене яркіе образы

^{*)} Рѣчь идетъ о стихотвореніяхъ: «Весеннее небо глядится» (см. ч. І, стр. 118), «Я полонъ думъ» (ч. І, стр. 108), «Геро и Леандръ» (ч. ІІ, стр. 69), «Тебѣ въ молчаніи я простираю руку» (ч. І, стр. 19), «Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ» (ч. І, стр. 129).

и болье или менье удачные стихи, мы нивакь не могли помириться съ тымъ излишнимъ накопленіемъ красокъ, которое свидытельствовало о шировихъ размахахъ неопытной руки, еще не внающей краю. Полагаемъ, что даже сокращенное почти на половину стихотвореніе и въ настоящемъ своемъ виды не представляетъ окончательно ясныхъ очертаній. *). Тымъ не менье рышаемся сохранить его, находя, что ни въ одномъ изъ нашихъ молодыхъ произведеній съ такою ясностью не проявляется направленіе, по которому постоянно порывалась наша муза. Равнымъ образомъ помыщаемъ два стихотворенія, не вошедшія ни въ одинъ изъ нашихъ сборниковъ: на смерть Ал. В. Дружинина 19 января 1864 года и памяти В. П. Боткина 16 октября 1869 года.

^{*)} См. выше, стр. 107.

муза

Мы рождены для вдохновенья, Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Пушкинъ.

Ты хочеть провлинать, рыдая и стеня, Бичей подысвивать въ закону. Поэтъ, остановись! Не призывай меня,— Зови изъ бездны Тизифону!

Пленительные сны лелея наяву, Своей божественною властью Я въ наслажденію высокому зову И въ человеческому счастью.

Когда, безчинствами обиженный, опять Въ груди заслышишь зовъ въ рыданью,— Я, ради мувъ твоихъ, не стану измѣнять Свободы вѣчному призванью.

Страдать! Страдають всё, страдаеть темный звёрь, Безъ упованья, безъ сознанья; Но передъ нимъ туда навёкъ закрыта дверь, Гдё радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой Пусть эта радость незнавома,— Зачёмъ же лиру бъешь ребяческой рукой, Что не труба она погрома?

Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?— На землю сносять эти звуки Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ, А исцѣленіе отъ муки.

8 мая 1887.

II.

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ, Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ, Я мечтамъ отдавался, я върилъ веснъ,— Ничего ты на все не отвътила мнъ.

Я давно угадаль, что мы сердцемъ родня, Что ты счастье свое отдала за меня, Я рвался, я твердиль не о нашей винь,— Ничего ты на все не отвътила миъ.

Я стональ, повторяль, что нельзя намь любить, Что минувшіе дни мы должны позабыть, Что въ грядущемъ цвётуть всё права врасоты,— Ничего мнё и туть не отвётила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть: Всю погасшую тайну хотёлъ я прочесть, И лица твоего мнё простили ль черты?—
Ничего, ничего не отвётила ты!

(1885).

III.

Кавъ бѣденъ нашъ язывъ! — Хочу и не могу... Не передать того ни другу ни врагу, Что буйствуетъ въ груди прозрачною волною! Напрасно — вѣчное томленіе сердецъ, И влонитъ голову маститую мудрецъ Предъ этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэть, врыматый слова звукъ Хватаетъ налету и закрыпляетъ вдругъ И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ; Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ, Летитъ за облака Юпитера орелъ, Снопъ молніи неся мгновенный въ върныхъ лапахъ.

11 іюня 1887.

IV.

Если радуетъ утро тебя, Если въ пышную въришь примъту, — Хоть на время, на мигъ полюбя, — Подари эту розу поэту!

Хоть полюбишь вого, — хоть снесешь Не одну ты житейскую грозу, Но въ стихъ умиленномъ найдешь Эту въчно душистую розу.

10 янв. 1887.

٧.

РЕВЕНКУ

Я слышу звонъ твоихъ рѣчей, Куда рѣзвиться ни бѣги ты; Я вижу дѣтскій блескъ очей И запылавшія ланиты.

Постой! Шалить не долгій сровъ! Май остудить тебя сум'я И розы пурпурный шипокъ Вдругъ, раскрываясь, побл'я дн'я етъ.

18 апр. 1886.

VI.

Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой понивъ, — У дыханья цевтовъ есть понятный язывъ: Если ночь унесла много грезъ, много слезъ, Овружусь я тогда—горькой сладостью розъ; Если тихо у насъ и не вветъ грозой, Я безмолвно о томъ намевну—резедой; Если нѣжно во мнѣ приласкалася мать, Я съ утра уже буду—фіалкой дышать; Если жь скажетъ отецъ: не грусти, я готовъ, — Съ благовоньемъ войду—апельсинныхъ цвѣтовъ.

3 авг. 1887.

VII.

горная высь

Превыше тучъ, повинувъ горы И наступя на темный лъсъ, Ты за собою смертныхъ взоры Зовешь на синеву небесъ.

Снѣговъ серебряныхъ порфира Не хочетъ праха приврывать; Твоя судьба—на граняхъ міра Не снисходить, а возвышать.

Не тронеть вздохъ тебя безсильный, Не омрачить земли тоска: У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный, Віяся тають облака.

Іюль 1886.

VIII.

Кавъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ! Этотъ блесвъ мнѣ отраденъ и нуженъ: Все алмазы мои въ небесахъ, Все росинки подъ ними жемчужинъ.

Выходи, врасота, не робъй! Звуки есть, дорогія есть враски: Это все я, поэть чародъй, Расточу за мгновеніе ласки.

Но, когда ты приколешь цвётокъ, Шаловливо, иль съ думой лукавой, И, какъ въ дымкё, твой кроткій зрачекъ Загорится сердечной отравой,

И налетъ молодаго стыда Чуть ланиты овъетъ зарею, — О, какъ бъденъ, какъ жалокъ тогда, Какъ безпомощенъ я предъ тобою!

1 февр. 1887.

IX.

Долго снились мив вопли рыданій твоихъ: То быль голось обиды, безсилія плачъ; Долго, долго мив снился тоть радостный мигь, Какъ тебя умолиль я,— несчастный палачъ!

Проходили года, мы умёли любить, Расцвётала улыба, грустила печаль; Проносились года, — и пришлось уходить: Уносило меня въ неизвёстную даль.

Подала ты мив руку, спросила: идешь? Чуть въ глазахъ я замвтилъ двв капельки слезъ; Эти искры въ глазахъ и холодную дрожь Я въ безсонныя ночи наввкъ перенесъ.

2 апр. 1886.

X.

Черезъ тёсную улицу, здёсь, въ высотё, Отворяя порою окошко, Я не разъ, отдаваясь лукавой мечтё, Узнаю тебя, милая крошка.

Все мнѣ кажется, дѣтски застѣнчивый взоръ Загорается вдругъ не напрасно; И ко мнѣ наклоненный твой пышный проборъ Я ужь вижу не слишкомъ ли ясно?

Вотъ и думаю: встрътиться намъ на землъ Далеко такъ, пожалуй и низко, А вотъ здъсь-то, у крышъ, въ набъгающей мглъ, Такъ привольно, такъ радостно-близко!

6 іюня 1887.

XI.

Ты вся въ огняхъ. Твоихъ зарницъ И я сверваньями украшенъ; Подъ сънью ласковыхъ ресницъ Огонь небесный мнъ не страшенъ.

Но я боюсь такихъ высотъ, Гдѣ устоять я не умѣю. Какъ сохранить мнѣ образъ тотъ, Что приданъ мнѣ душой твоею?

Боюсь, — на блёдный обликъ мой Падеть твой взоръ неблагосклонный, И я очнусь передъ тобой Угасшій вдругь и опаленный.

3 авг. 1886.

XII.

Въчный хмель мнъ не отрада, Не ему моя любовь, Не тяну я винограда Одуряющую вровь.

Но порой, ръзво и пылко Обновляя жизнь мою, Для меня несетъ бутылка Золотистую струю.

Рвутся нити, пробва рвется, Напраженная давно, И въ ставанъ шумящій льется Искрометное вино.

29 іюля 1887.

XIII.

Сегодня—день твой просвётлёнья, И, на вершине врасоты, Живую тайну вдохновенья Всёмъ существомъ вёщаешь ты.

Мечты несбыточной подруга, Царишь съ поэтомъ ты вдвоемъ, А завтра, върно, мы другь друга И не найдемъ, и не поймемъ.

Такъ, невозможно, несомивно Огнемъ пронизанъ золотымъ, Съ закатомъ солнечнымъ мгновенно Чертоговъ яркихъ таетъ дымъ.

19 іюня 1887.

изъ четвертаго выпуска

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

(1891).

• •

Предисловіє

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ВЫПУСКУ.

Человъвъ, не занавъсившій вечеромъ своихъ освъщенныхъ оконъ, даетъ доступъ всвиъ равнодушнымъ, а быть можеть и враждебнымъ взорамъ съ удицы; но было бы несправедливо заключать, что онъ освёщаеть вомнаты не для друзей, а въ ожиданіи взглядовь толпы. Послъ трогательнаго и высово-знаменательнаго для насъ сочувствія друзей въ пятидесятильтію нашей мувы, жаловаться на ихъ равнодушіе намъ, очевидно, певозможно. Что же касается до массы читателей, устапавливающей такъ называемую популярность, то эта масса совершенно права, разделяя съ нами взаимное равнодушіе. Намъ другъ у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертаго выпуска въ крайне ограниченномъ числъ экземпляровъ, мы только желаемъ сказать друвьямъ, что всегда рады ихъ встретить, и что за нашимъ овномъ Вечерніе Огни еще не погасли окончательно.

• • • .

оврочникъ

Хоругвь священную подъявъ своей десной, Иду,—и тронулась за мной толпа живая, И потянулись всё по просёке лёсной, И я блаженъ и гордъ, святыню воспевая.

Пою, — и помысламъ невъдомъ дътскій страхъ; Пускай на пънье мнъ отвътять воемъ звъри, — Съ святыней надъ челомъ и пъснью на устахъ, Съ трудомъ, но я дойду до вождельной двери.

> 17 сент. 1889. Москва.

II.

на качеляхъ

И опять, въ полусвътъ ночномъ, Средь веревовъ, натянутыхъ туго, На досвъ этой шаткой, вдвоемъ Мы стоимъ и бросаемъ другъ друга.

И, чёмъ ближе къ вершинё лёсной, Чёмъ страшнёе стоять и держаться, Тёмъ отраднёй взлетать надъ землей И однимъ къ небесамъ приближаться.

Правда, это—игра, и притомъ Можетъ выйти игра роковая, Но и жизнью играть намъ вдвоемъ,— Это— счастье, моя дорогая!

26 мар. 1890. Москва.

III.

"Полуразрушенный, полужилецъ могилы, О таинствахъ любви зачёмъ ты намъ поешь? Зачёмъ, куда тебя домчать не могутъ силы, Какъ дерзкій юноша, одинъ ты насъ зовешь?"

Томлюся и пою. Ты слушаеть и млееть; Въ напевахъ старческихъ твой юный духъ живетъ. Такъ въ хоре молодомъ: Ахъ, слышишь, разумъешь! Цыганка старая одна еще поетъ.

> 4 янв. 1888. Москва.

IV.

Только-что спрячется солнце, Неба затепливъ красу, Тихо къ тебъ подъ оконце Пъсню свою понесу.

Чистой и вольной душою, Ясной и св'яжей какъ ночь, См'ейся надъ п'еснью больною, Прочь отгоняй ее, прочь!

Какъ бы, за легкимъ вниманьемъ, Въ вольное сердце дотоль, Вследъ за живымъ состраданьемъ, Та же не вкралася боль!

14 янв. 1888. Москва. ٧.

Кавъ трудно повторять живую врасоту
Твоихъ воздушныхъ очертаній!
Гдѣ силы у меня схватить ихъ на лету
Средь непрестанныхъ волебаній?

Когда изъ подъ ресницъ пушистыхъ на меня Блеснутъ глаза съ просвътомъ ласки, Гдъ кистью трепетной я наберу огня? Гдъ я возъму небесной враски?

Въ усердныхъ поискахъ все кажется: вотъ-вотъ Пріемлетъ тайна ливъ знакомый,—
Но сердца б'ёднаго кончается полетъ Одной безсильною истомой.

26 февр. 1888. Москва.

VI.

PARETA

Горълъ напрасно я душой, Не озаряя ночи черной: Я лишь вознесся предъ тобой Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть, во слёдъ мечтё! Знать, мой удёль—лелёнть гревы, И тамъ, со вздохомъ, въ высотё Разсыпать огненныя слезы.

24 янв. 1888. Москва.

VII.

QUASI UNA FANTASIA

Сновидѣнье, Пробужденье,— Таетъ мгла. Какъ весною, Надо мною Высь свѣтла.

Неизбъжно— Страстно, нъжно. Уповать, Безъ усилій, Съ плескомъ врылій, Залетать

Въ міръ стремленій, Преклоненій И молитвъ; Радость чуя, Не хочу я Вашихъ битвъ.

31 дек. 1889. Москва.

VIII.

Упревомъ, жалостью внушеннымъ, Не растравляй души больной! Позволь колънопревлоненнымъ Мнъ оставаться предъ тобой!

Горя́ надъ суетной землею, Ты милосердно разрѣши Мнѣ упиваться чистотою И врасотой твоей души,—

Глядёть, вавимъ прозрачнымъ свётомъ Овружена ты на землё, Кавъ Божій міръ, при свётё этомъ, Въ голубоватой тонеть мглё...

О, я блаженъ среди страданій! Какъ радъ, себя и міръ забывъ, Я подступающихъ рыданій Горячій сдерживать приливъ!

31 янв. 1888. Москва.

IX.

Давно-ль на шутки вызывала Она, дитя, меня сама? И вотъ,—сурово замолчала, Тепло участія пропало, И на душт ея—зима.

Другъ, не зови ее суровой! Что снёгомъ ты холоднымъ счелъ,— Лишь пробужденье жизни новой, Сплошной, душистый цвётъ садовый, Весенній вздохъ и счастье пчелъ.

22 апр. 1890. Воробъевка.

СТИХОТВОРЕНІЯ

приготовленныя для пятаго выпуска

ВЕЧЕРНИХЪ ОГНЕЙ

• , -• • • •

АЛМАЗЪ

Не увращать чело царицы, Не ръзать твердое стекло— Тъ разноцевтныя зарницы Ты разсыпаеть такъ севтло.

Нътъ! За прозрачность отраженья, За непревлонность до вонца, Ты призванъ—разрушать сомнънья И съ высоты сіять вънца.

Москва, 9 февр. 1888.

II.

Тъснъе и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты—въ сердцъ съ румянцемъ стыда,
Я—лучъ твой, летящій далеко.

На горы во мравѣ ночномъ, На сѣрую тучку заката, Какъ кистью, я этимъ лучомъ Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла, Чернъя, все виснеть надъ нами, — Пускай и безбрежность сама Отъ насъ загорится огнями...

Воробьевка 4 сент. 1888.

III.

Изъ тонкихъ линій идеала, Изъ дътскихъ очерковъ чела Ты ничего не потеряла, Но все ты вдругъ пріобръла.

Твой взоръ—отврытёй и безстрашнёй, Хотя душа твоя тиха; Но въ немъ сіяетъ рай вчерашній И соучастница грёха...

11 ноября 1890.

IV.

Если-бъ въ сердцъ тебя я не грълъ, не ласкалъ, Низачто-бъ я тебъ этихъ словъ не сказалъ; Я боялся-бъ тебя возмутить, оскорбить, И послъднюю искру въ тебъ погасить.

Или воли не хватить смотрѣть и страдать? Я бы могъ еще долго и долго молчать, Но, начавъ говорить о другомъ,—я солгу, А глядѣть на тебя и лгать—не могу.

V.

Весь вешній день среди стремленья Ты безотрадно провела И слёдъ улыбки утомленья Въ затишье ночи принесла.

Но, върить и любить готова, Душа въ стопамъ твоимъ летить, И все мив важется, что снова Живъе цвътъ твоихъ ланитъ.

Кто, сердцевъдецъ, разгадаетъ, — Что въ этомъ вроется огиъ? Былая скорбь, что угасаетъ, Или—заря навстръчу миъ?

VI.

Безобиднёй всёхъ и проще Въ общемъ хорѣ голосистомъ, Вольной птицей въ вешней рощѣ Раздражалъ я воздухъ свистомъ.

Все замолило предъ зимою, Нътъ и птицъ на голой въткъ, Но, счастливецъ,—я тобою Въ золотой задержанъ влъткъ.

Дай мић ручку, дороган! Къ ней прильнуть трепещуть крылья; Пусть умру я, распъвая, Отъ восторговъ и усилья.

VII.

Завтра—я не различаю, Жизнь—запутанность и сложность! Но сегодня, умоляю, Не шепчи про осторожность!

Гдё владёть собой, коль глазки Влагой свётятся туманной, Въ часъ, когда уводять ласки Въ этоть кругъ благоуханный?

Размышлять не время видно, Какъ въ ушахъ и въ сердцъ шумно; Разсуждать сегодня—стыдно, А безумствовать—разумно.

VIII.

Я слышу—и судьбѣ я покоряюсь грозной; Давно я самъ себѣ сказалъ: не прекословь! Но, передъ жертвою покорною и слезной, Зачѣмъ же замолчать совсѣмъ должна любовь?

Пусть радость хоть на мигъ не слышить порицанья! Пусть завтра—строгій чинъ все тоть же, какъ вчера; Но нынъ—страсть въ глазахъ и долгія лобзанья, И пламенныхъ надеждъ отважная игра!

21 февр. 1891.

· IX.

За горами, песвами, морями,— Въчный врай благовонныхъ цвътовъ, Гдъ, овъяны ярвими снами, Дремлютъ розы, не зная снъговъ.

Но красы истомленной молчанье Тамъ на все налагаетъ печать, И палящаго солнца лобзанье Призываетъ не пъть, а дышать.

Воспріявъ опьяненія долю Задремавшихъ лѣсовъ и полей, Гдѣ же вырваться птичкѣ на волю Съ затаенною пѣснью своей?

И сюда я, гдѣ сумравъ вороче, Гдѣ заря любить зорю будить, Въ холодовъ вашей сѣверной ночи Прилетаю и пѣть и любить.

> Москва. 4 мая 1891.

X.

Роящимся мечтамъ летъть давъ волю Къ твоимъ стопамъ, Тебя никавъ смущать я не дозволю Любви словамъ.

Я знаю, мы изъ разныхъ поколѣній Съ тобой пришли, Несходныхъ словъ и разныхъ откровеній Мы принесли.

Передъ тобой—во храминъ сердечной Я затворюсь, И юности, ласкающей и въчной, Въ ней помолюсь.

14 мая 1891.

XI.

Я говорю, что я люблю съ тобою встрвчи
За голосъ ласковый, за нёжный цвётъ ланить,
За блескъ твоихъ кудрей, спадающихъ на плечи,
За свётъ, что въ глубине очей твоихъ горитъ.

О, это все—цвъты, букашки и каменья, Какихъ ребеновъ радъ набрать со всъхъ сторонъ Любимой матери, въ тъ сладкія мгновенья, Когда ей заглянуть въ глаза такъ счастливъ онъ!

29 мая 1891.

XII.

Давно въ любви отрады мало: Безъ отзыва вздохи, безъ радости слезы; Что было сладко,—горько стало, Осыпались розы, разсъялись грезы.

Оставь меня, смёшай съ толпою!
Но ты отвернулась, а сётуешь, видно,
И все еще больна ты мною...
О, какъ же мнё тяжко и какъ мнё обидно!

24 іюня 1891,

XIII.

МЕОЯЦЪ И РОЗА

0 нъ.

Всталь я рано надъ горой, Чтобъ расцейть увидёть твой, И гляжу съ мольбой всю ночь. Ты молчишь, не гонишь прочь, Но, навстрёчу мнё, твой кустъ Не вскрываеть алыхъ устъ.

Она.

Не сравнится вздохъ ничей Съ чистотой твоихъ лучей! Но не имъ будить меня: Жду—лобзаній жаркихъ дня, Жду—вёнчаннаго царя; Для него таитъ заря Благовонныя красы Подъ алмазами росы.

25 сент. 1891.

XIV.

Ель рукавомъ мив тропинку завъсила. Вътеръ. Въ лъсу одному Шумно и жутко, и грустно и весело. Я ничего не пойму.

Вътеръ. Кругомъ все гудетъ и колышется, Листья кружатся у ногъ. Чу! Тамъ, въ дали, неожиданно слышится Тонко взывающій рогъ.

Сладостенъ зовъ мнѣ глашатая мѣднаго! Мертвые что мнѣ листы! Кажется, издали страннива бѣднаго Нѣжно привѣтствуешь ты.

4 нояб. 1891.

XV.

ПОЧЕМУ

Почему, какъ сидишь озаренной, Надъ работой проборъ навлоня, Мнъ сдается, что кругъ благовонный Все къ тебъ приближаетъ меня?

Почему свётлой рёчи значенья Я съ такимъ затрудненьемъ ищу? Почему и простыя рёченья Словно томную тайну шепчу?

Почему, какъ горячее жало Чуть замётно впивается въ грудь? Почему мнё такъ воздуха мало, Что хотёлъ бы глубоко вздохнуть?

3 дек. 1891.

XVI.

Не отнеси въ колодному безстрастью, Что на тебя безмолвно я гляжу; Ступенями въ томительному счастью Не меньше я, чёмъ счастьемъ, дорожу.

Съ собой самимъ мнѣ сладво лицемѣрить, Хоть я давно забылъ о всемъ иномъ; И вѣрится, и не хочу я вѣрить, Что нѣтъ преградъ, что мы одни вдвоемъ.

Мой поцёлуй, и пламенный, и чистый, Не вдругъ спётитъ къ устамъ, или щеке: Жужжанье пчелъ надъ яблонью душистой Отраднёй миё—замоленувшихъ въ цеётей.

15 февр. 1892.

XVII.

Не могу я слышать этой птички, Чтобы тотчасъ сердцемъ не вспорхнуть; Не могу, на перекоръ привычкъ, Какъ войдешь, хоть модча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не поблёднёешь, Вворы — полны тихаго огня; Больно видёть мий, какъ ты умёешь Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно безповою, Торжество должна ты исвупить: На заръ, безъ тучъ нельзя такою Молодой и лучезарной быть!

16 февр. 1892.

XVIII.

Равсыпанся смёхомъ ребенка, Явно въ душу мою влюблены, Пролетаютъ прозрачно и звонко Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачень истомой, Снова молодость чую свою; Узнаю я и голосъ знакомый, И побъдный призывъ узнаю.

И, когда этой пъснъ внимаю, Окрыленный восторгомъ, не лгу, Что я все безъ ръчей понимаю И, къ чему призываетъ,—могу.

13 мар. 1892.

XIX.

Когда, смущенный, умолкаю, Твоей суровостью томимъ, Я все въ душт не довтряю Холоднымъ колкостямъ твоимъ.

Я знаю, иногда въ апрёлё Зима нежданно набёжить, И дуновеніе мятели Колючимъ снёгомъ закружить.

Но — мигъ одинъ, и солнцемъ вешнимъ Согръетъ юныя поля, И счастьемъ свътлымъ и нездъшнимъ Дохнетъ воскресшая земля.

26 мар. 1892..

XX.

Она ему — образъ мгновенный, Чарующій ликомъ своимъ; Онъ — помыслъ ея сокровенный; Да кто это знаетъ, да кто это выскажетъ имъ?

И, словно велёніемъ рока,
Ихъ юныя крыдья несуть...
Такъ теплится счастье далеко,
Такъ холоденъ ближній, родимый пріють!

Предъ нимъ — сновидъніе рая, Всевластный — надъ ней серафимъ; Сгараетъ ихъ жизнь молодая... Да кто это знаетъ, да кто это выскажетъ имъ?

3 апр. 1892.

XXI.

Тяжело въ ночной тиши Выносить тоску души Предъ безглазымъ домовымъ, Темнымъ призракомъ нѣмымъ, — Какъ стихійная волна Надъ душой одна вольна.

Но, зато, люблю я днемъ, Какъ замолкнетъ все кругомъ, Различать, раздумья полнъ, Тихій плескъ житейскихъ волнъ. Не меня гнететъ волна, Мысль свъжа, душа вольна; Каждый мигъ сказать хочу: "Это — я!" Но я молчу.

15 сент. 1892.

ДОПОЛНЕНИЕ*)

I.

Тихая, звъздная ночь. Трепетно свътить луна. Сладки уста красоты Въ тихую звъздную ночь!

Другъ мой! Въ сіяньи ночномъ Какъ мнѣ печаль превозмочь?... Ты же—свѣтла, какъ любовь, Въ тихую, звѣздную ночь.

Другъ мой, я звёзды люблю— И отъ печали не прочь... Ты же—еще мнё милёй Въ тихую, звёздную ночь.

(1842).

^{*)} Стихотворенія, пропущенныя въ предыдущихъ отдѣлахъ.

II.

Шумъла полночная выога Въ лъсной й глухой сторонъ. Мы съли съ ней другъ подлъ друга. Валежникъ свисталъ на огнъ.

И нашихъ двухъ твней громады Лежали на врасномъ полу, А въ сердце—ни искры отрады, И нечемъ прогнать эту мглу!

Березы скрипять за ствною, Сукъ ели трещить смоляной... О, другь мой! скажи, что съ тобою? Я знаю давно, что со мной.

(1842).

III.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Со степи зелено-сърой Подымается туманъ, И торчитъ еще — Церерой Ненавидимый бурьянъ

Ржавый плугь опять свётлёсть; Гдё волы, свлонясь, прошли, Лентой бархатной чернёсть Глыба взрёзанной земли.

Чёмъ-то блещутъ свёжимъ, нёжнымъ Солнца вешніе лучи; Вслёдъ за пахаремъ прилежнымъ Ходятъ жадные грачи.

Вътеровъ благоухаетъ Сочной почвы глубиной,— И Юпитера встръчаетъ Лоно Геи молодой.

(1854).

IV.

ПРИМЪТЫ.

И тихо, и свётло. До сумеревъ далево. Кавъ въ дымеё голубой,—и небо и вода... Лишь облавовъ густыхъ съ завата до востова Лёниво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и севтло... Но ухомъ напряженнымъ Смятенья и тоски ты врики разгадалъ: То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ И, въ воздухъ кружась, летять къ навъсамъ скалъ.

Ночь будеть страшная, и буря будеть злая, Сольются въ мравъ и гулъ—и небо, и земля... А завтра, можетъ-быть, воть здёсь, волна сёдая На берегь выбросить обломки корабля.

(1856).

V.

Свёча нагорёла. Портреты въ тёни. Сидишь прилежно и скромно ты. Старушей зёвнулось.... По окнамъ огни Прошли въ тё дальнія комнаты.

Никакъ комара не прогонишь ты прочь, — Поетъ и къ свъту все просится; Взглянуть ты не смъешь на лунную ночь, Куда душа переносится.

Подкрался, быть можеть, и смотрить въ окно? Увидить мать — догадается... Нъть, върно у стараго влена давно Стоить въ тъни, дожидается.

(1863).

VI.

Чёмъ тоскё, и не знаю, помочь! Грудь прохлады свёжительной ищеть... Окна настежъ... Уснуть мнё невмочь, А въ саду, надъ ручьемъ, во всю ночь Соловей разливается-свищетъ.

Стройный тополь стоить подъ овномъ, Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли. Точно думы все тѣже и въ немъ, Точно судить меня онъ съ пѣвцомъ, — Не проронить ни вздоха, ни трели.

На зарѣ только клонить ко сну, Но, лишь яркій багрянець замѣчу,— Разгорюсь,— и опять не усну... Знать, въ послѣдній встрѣчаю весну, И тебя на землѣ ужь не встрѣчу!

(1863).

VII.

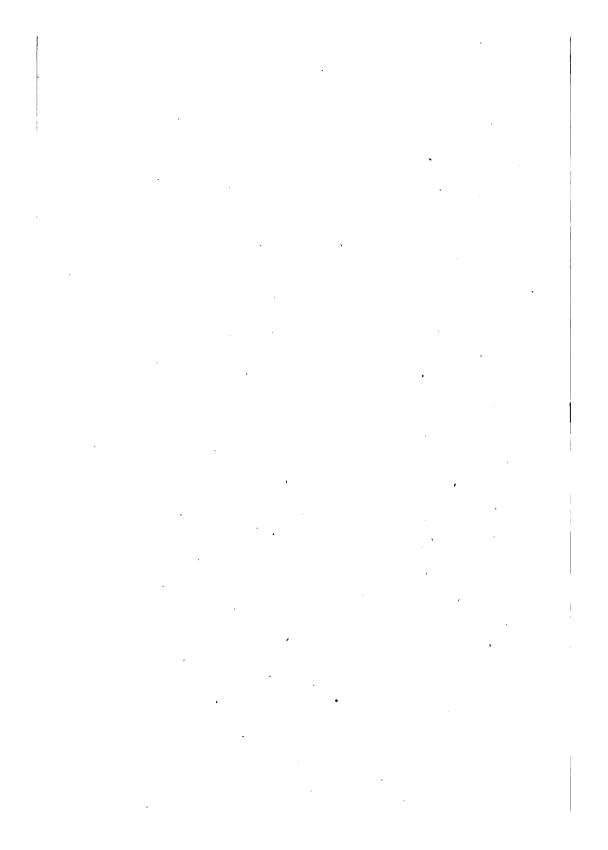
ПЕРЕПЕЛЪ.

Глупый перепель, гляди-ка: Рядомь туть живеть синичка; Какь съ желъзной клъткой тихо И умно сжилася птичка!

Все ты рвешься на свободу, Головой толкансь въ клётку; Вотъ, на мёсто стёнъ желёзныхъ, Натянули туго сётку.

Ужь давно поетъ синичка, Не стращась желъзныхъ иголъ, Ты же—все не на свободъ, Только лысину напрыгалъ.

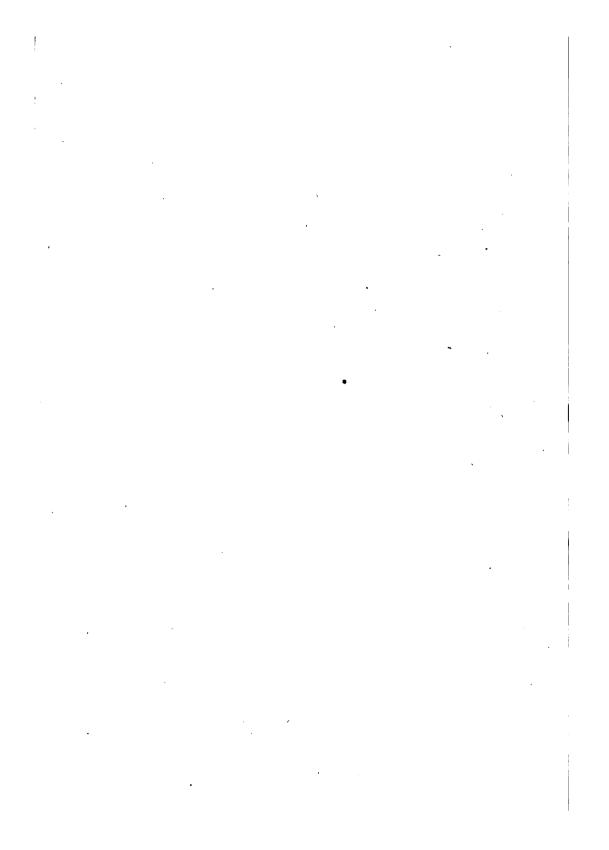
(1885).

ПОСЛАНІЯ, ПОСВЯЩЕНІЯ

И

стихотворенія на случай

на смерть вражникова

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь! Маршъ могильный играй штабъ-трубачь! Словно ясная тучка зарей, Ты погаснуль, собрать молодой! Кавъ печаль намъ утёшить свою, Что ты съ нами не будешь въ строю? Гребень каски на гробъ въдь нашъ, Гдв съ ножнами сврестился палашъ. Лишь тебя намъ съ пути не вернуть! Не вздожнеть молодецкая грудь, И рука, цъпежъя, какъ ледъ, На прощаньи ничьей не пожметь. Но, безмольный врасавель, въ гробу Ты дрожащую слышишь трубу, И тебъ и въ землъ не забыть, Какъ тебя мы привывли любить. Взводъ впередъ, справа по три, не плачь! Маршъ могильный играй штабъ-трубачъ!

2 іюня 1845.

II.

БРЖЕССКИМЪ

при полученіи цвътовъ и нотъ.

Отвуда вдругъ въ смиренный уголъ мой Двоякой роскоши избытовъ,— Прекрасный даръ, нежданный и двойной, Цвъты и пъсни дивной свитовъ?

Мой жадный взоръ въ чертамъ его принивъ, Внемлю живительному звуку, И узнаю подъ бархатомъ гвоздивъ Благоухающую руку.

(1850).

III.

ламяти дмитрія львовича крюкова.

Когда свётильникомъ, предъ нашими очами, Ко храму римскихъ Музъ ты озарялъ ступень, И чудилося намъ невольпо, что надъ нами Горація витаетъ тёнь,—

Впервые тихія и радостныя слезы Исторгнуль дышащій изъ усть твоихъ пѣвецъ: Плѣнили насъ его неблекнущія розы И зеленѣющій вѣнецъ.

Въ замоленувшій чертогь въ Минервѣ и въ Зевесу Вслѣдъ за тобой толпа ликующая шла; И тихо древнюю ты раздвигалъ завѣсу
Съ громодержащаго орла.

Но свёточь твой угась! Надежнаго союза Судьба не обрекла межъ нами и тобой... И, лиру уронивъ, поникла молча Муза Въ слезахъ надъ урной гробовой.

(1855).

IV.

ОТВЪТЪ ТУРГЕНЕВУ

Поэтъ! Ты кочешь знать, за что такой любовью Мы любимъ родину съ тобой? Зачёмъ въ разлуве съ ней, наперекоръ злословью, Готово сердце въ насъ истечь до капли кровью По красоте ея родной?

Что жь! Пусть весна у насъ—позднёе и вороче,
Но вотъ, дождались навонецъ:
Синъй, мечтательнъй божественныя очи,
И раздражительнъй не мервнущія ночи,
И зеленъй ся вънецъ.

Вчера я шелъ въ ночи, и помню очертанье Багряно-золотистыхъ тучъ. Не могъ я разгадать: то яркое сіянье—
Вечерней ли зари послёднее прощанье,
Иль утра пламеннаго лучъ?

Кавъ будто, среди дня замолвнувши мгновенно, Столица Съвера спала, Подъ обанньемъ сна горда и неизмънна, И, надъ громадой, ночь, блъдна и вдохновенна, Кавъ ясновидящая шла.

Не върилося миъ, а вворы различали, Скользя по ясной синевъ, Чъи корабли вдали на рейдъ отдыхали, А воды, пе струясь, подъ ними отражали Всъ флаги пестрые въ Невъ.

Заныла грудь моя, но въ думахъ оврыленныхъ
Съ тобой мы встрётилися, другъ!
О, вёрь, что никогда въ объятьяхъ раскаленныхъ
Не могъ такихъ ночей вполнё разоблаченныхъ
Лелёять сладострастный Югъ!

(1856).

V.

ЕГОРУ ПЕТРОВИЧУ КОВАЛЕВСКОМУ

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой, И, тихо навлонясь усталой головой, Напраспо смотришь ты съ язвительной улыбкой На благородный подвигъ свой.

Судьба тебя тоской не праздной истерзала, Въ измученной груди волшебный голосъ живъ; Въ немъ слышенъ жаръ любви, въ немъ жажда идеала И сердца смълаго порывъ.

Такъ, навсегда простясь съ родимою скалою, Затерянный въ пескахъ разсыпчатыхъ степей, Встръчаетъ путниковъ, томящихся отъ зною, Изъ камня брызнувшій ручей.

(1856).

VI.

ВЪ АЛЬВОМЪ МАРЬВ ПЕТРОВНВ БОТКИНОЙ *)

Свътлое Воскресенье.

Побъда! Безоружна злоба!
Весна! Христосъ встаетъ изъ гроба!
Чело огнемъ озарено,
Все, что манило, обмануло
И въ сердцъ стихнувшемъ уснуло, —
Лобзаньемъ вновь пробуждено.

Забывъ зимы душевный холодъ, Хотя на мигъ—горячъ и молодъ, На встръчу сердцемъ въ Вамъ лечу; Почуя нъги дуновенье, Ни въ смерть, ни въ грустное забвенье Сегодня върить не хочу.

8 апр. 1857.

^{*)} Впоследствіи супругь автора.

VII.

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга, Давно тебъ, любовнивъ Юга, Готовимъ тучнаго тельца. Въ снъту, въ волючихъ исврахъ пыли, Въ тебъ мы друга не забыли И заждались обнять пъвца.

Ты нашъ. Напрасно, утромъ рано Ты будишь стражей Вативана; Вотъ — за рёшотку ты шагнулъ, Вотъ улыбнулися антиви, И долго слышатъ мозаиви Твоихъ шаговъ бёгущій гулъ.

Ты нашъ. Чужда и молчалива Передъ тобой стоитъ олива, Иль зонтивъ пинны молодой; Но въчно—радужныя грезы Тебя несутъ подъ тънь березы, Къ ручьямъ земли твоей родной.

Тамъ все тебя встръчаетъ другомъ: Чернъй бразда бъжитъ за плугомъ, Тамъ—бархатъ степи зеленъй, И,—върно чуя, что просторнъй,—Смълъй, и слаще, и задорнъй Весенній свищетъ соловей.

(1859).

VIII.

на смерть

АЛЕКОАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ДРУЖИНИНА.

19 янв. 1864 г.

Умольъ твой голосъ навсегда, И сердце жаркое остыло! Лампаду честнаго труда Дыханье смерти погасило.

На миръ усопшаго лица Кладу послъднее лобзанье. Не измънили до конца Тебъ ни дружба, ни призванье.

Изнемогающій, больной, Души ты не утратиль силу, И жизни мутною волной Ты чистымь унесень въ могилу. Спи! Вѣчность правды настаеть, Вокругь стихаеть гуль суровый, И Муза строгая владеть Тебѣ на гробъ вѣнокъ лавровый.

IX.

ӨЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Прошла весна,— темнѣетъ лѣсъ, Скуднѣй ручьи, грустнѣе ивы, И солнце съ высоты небесъ Томитъ безвѣтряныя нивы.

На плугъ внакомый налегли Всъ, къмъ владъетъ трудъ упорный; Опять сухую грудь земли Взръзаетъ конь и волъ покорный.

Но, въ свѣжемъ тайнивѣ куста, Одинъ пѣвецъ проснулся вещній, И также пѣснь его чиста И дышитъ полночью нездѣшней.

Кавъ сладво труженивъ смущенъ, Весны заслыша зовъ единый! Кавъ улыбнулся онъ сввозь сонъ Подъ ярвій посвистъ соловыный!

(1866).

X.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА

16 окт. 1869 г.

Прости! Разверстая могила Тебя отдасть родной землю; Скажи: что смерть изобразила На этомъ вдумчивомъ челъ? Ужель, добра повлоннивъ страстный, Ты буйству въка уступилъ И обозваль мечтой напрасной, Чему всю жизнь не измѣнилъ? Ужель сказаль: "за вами поле, Вы правы, тщетенъ нашъ союзъ! Я ухожу, нёть въ мірё болё Ни светлыхъ думъ, ни вещихъ Музъ!" Нътъ! Повидая жизнь земную, Ты всиять стопы не обращаль И тихо лепту трудовую Тремъ старшимъ Музамъ завъщалъ *).

^{*)} Завъщалъ капиталъ университету, консерваторіи и школъ живописи.

XI.

на серевряную свадьву

ЕКАТЕРИНЫ ПЕТРОВНЫ ЩУКИНОЙ

4 февр. 1874 года.

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный, День торжества и правдничных одеждъ! Тебъ тоть путь не страшенъ неизвъстный, Гдъ столько гибнетъ радужныхъ надеждъ.

Всё взоры—въ ней, когда, стыдомъ пылая, Подъ дымкою, въ цвётахъ и подъ вёнкомъ Стоитъ она, невёста молодая, Предъ алтаремъ съ избраннымъ женихомъ.

Стоитъ она, и радостна, и сира. Но онъ влялся, онъ сердцемъ увлеченъ! Пойметъ ли міръ все сврытое отъ міра? Весь подвигъ долга и любви? А онъ? Онъ понялъ все, чёмъ сердце человёка Гордится втайнё. Дайте мнё фіалъ! Воочію промчалась четверть вёка, И свадьбы день серебряной насталъ.

И близвій—здёсь, и тоть—передъ родною, Кого судьба умчала далево; У всёхъ въ глазахъ признательной слезою Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей. Чего желать? Чего искать душой? — Дай Богь съ четой серебряною нашей Намъ праздновать день свадьбы золотой!

(ПЕРЕВОДЪ ПРЕДЫДУЩАГО СТИХОТВОРЕНІЯ, СДЪЛАННЫЙ АВТОРОМЪ).

Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Segen, Der Hochzeits Tag, voll Freude und Genuss! Es bangt dir nicht vor jenen dunklen Wegen, Wo manche lichte Hoffnung schwinden muss.

Die Augen aller sind ihr zugewendet, Wenn mit dem Schleier sich ihr Kranz vereint, Und sie, erröthend und vom Glück geblendet, Als junge Braut vor dem Altar erscheint.

Da steht sie schwebend zwischen Freud und Sorgen. Doch er? Er schwor! Er, ihrer Zukunft Wehr! Kennt wohl die Welt, was vor der Welt verborgen? Den Kampf der Liebe und der Pflicht? Und er?

Er hat erkannt, was jeder Mensch bewundert, Was jeder schätzt. Trinkt auf ihr Wohl und Glück! Verflossen ist ein Viertel vom Jahrhundert, Und silbern kommt die Hochzeit ihm zurück. Hier stehn sie all' die Töchter und die Söhne, Obgleich von Weitem mancher zugeeilt. In jedem Aug' verkläret sich in Thräne Die Milch, die einst die Mutterbrust vertheilt.

Voll ist das Glück, das einzige, das Wahre.— Was noch für Wünsche Jemand bringen mag? O, gieb uns Gott bei diesem Silber-Paare Zu feiern einst der goldnen Hochzeit Tag!

XII.

ВЪ АЛЬБОМЪ КОЗЛОВУ

Тому, что было, не бывать,— Иные сны, иное племя! Зачёмъ же риемы призывать, Какъ будто прежнее то время?

Волшебныхъ грезъ разсванъ рой, А въ грусти стыдно признаваться. Ужель остывшею слезой Еще, послёдней, расписаться?

1879 дек.

XIII.

КЪ ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА

26 мая 1880 года.

Сонетъ.

Исполнилось твое нророческое слово; Нашъ старый стыдъ взглянулъ на бронзовый твой ликъ,— И легче дышится, и мы дерзаемъ снова Всемірно возгласить: ты геній, ты великъ!

Но, вритель ангеловъ, гласъ чистаго, святаго, Свободы и любви живительный родникъ,—
Заслыша нашу ръчь, нашъ вавилонскій крикъ,
Что въ нихъ нашелъ бы ты завътнаго, роднаго?

На этомъ торжищъ, гдъ—гамъ и тъснота, Гдъ здравый русскій смыслъ примолкъ, какъ сирота,— Всъхъ громогласнъй—тать, убійца и безбожникъ,

Кому печной горшовъ—всёхъ помысловъ предёлъ, Кто плюетъ на алтарь, гдё твой огонь горёлъ, Толкать дерзая твой незыблемый треножникъ.

XIV.

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительнаго чуда, Часъ освященія вреста: Голгоев передаль Іуда Окровавленнаго Христа.

Но Сердцевъдецъ безмятежный Давно, смиряяся, постигъ, Что не проститъ любви безбрежной Ему воварный ученивъ.

Передъ безмолвной жертвой влобы, Завидя праведную вровь, Помервло солнце, вскрылись гробы, Но—разгорълася любовь.

Она сіяєть правдой новой! Благословивь ен зарю, Она вресть и свой вѣнецъ терновый Земному передаль царю. Безсильны возни фарисейства: Что было вровь, то стало храмъ, И мъсто страшнаго злодъйства— Святыней въковъчной намъ!

XV.

15 МАЯ 1883 ГОДА

Кавъ солнце вешнее сіяя Въ лучахъ, не даромъ Ты взошелъ Во дни живительнаго Мая На прародительскій престолъ.

Горитъ алмазъ, блестятъ вороны, И, вкругъ соборовъ и дворца, Какъ юныхъ листьевъ милліоны, Обращены въ тебъ сердца.

О, будь благословенъ сторицей Надъ міромъ, Русью и Москвой, И богоданной багряницей Отъ искушеній насъ укрой!

XVI.

АЛЕКОВЮ ӨЕДОРОВИЧУ БРЖЕССКОМУ

Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ, Кто безъ отравы чашу пилъ? Отъ всёхъ подонковъ возмущенныхъ Языкъ мой горечь сохранилъ.

И та, чей нѣжный зовъ участья Съ земли мечты мои вознесъ,— Мнѣ подавая кубовъ счастья, Въ него роняла капли слезъ.

Къ чему, по прихоти мгновенной, Тревожить мертвыхъ сонъ святой? До дна тотъ кубокъ вдохновенный Скуной отравленъ былъ судьбой.

Лишь ты одинъ, ты не скупился, По сердцу братъ мой, Алексъй! Коль чашей счастья ты дълился,— Дълился чистой, полной, всей. Вотъ почему, за юность нашу Хваля Харитъ, я не гръщу, И дружбы общую намъ чашу Къ устамъ съ восторгомъ подношу.

XVII.

АЛЕКСАНДРВ ЛЬВОВНВ ВРЖЕССКОЙ

Далекій другъ, пойми мои рыданья! Ты мнѣ прости болѣзненный мой врикъ! Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья, И дорожить тобой и не отвыкъ.

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли, Бездушные и праздные умы, Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли. И красотъ не жертвовали мы?

Гдѣ жь это все? Еще душа пылаетъ, По прежнему готова міръ объять. Напрасный жаръ! Никто не отвѣчаетъ; Воскреснутъ звуки—и замрутъ опять.

Лишь ты одна! Высовое волненье Издалека мит голосъ твой принесъ,— Въ ланитахъ вровь и въ сердцт вдохновенье... Прочь этотъ сонъ,— въ немъ слишвомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ! Что —жизнь и смерть! А жаль того огня, Что просіялъ надъ цёлымъ мірозданьемъ, И въ ночь идеть, и плачеть уходя.

XVIII.

ЕЙ-ЖЕ.

Опять весна! Опять дрожать листы Съ концовъ березъ и на макушей ивы. Опять весна! Опять твои черты, Опять мои воспоминанья—живы.

Весна! весна! О, какъ она кръпитъ, Какъ жизненной насъ учитъ въритъ силъ! Пускай нашъ добрый, лучшій другъ нашъ спитъ Въ своей цвътами убранной могилъ,—

Онъ говоритъ: "пріободрись и ты: Нельзя больной лельять два недуга". Когда въ нему ты понесешь цвъты, Снеси ему сочувствіе отъ друга.

Минувшаго нельзя намъ воротить, Грядущему нельзя не довъряться, Хоть смерть въ виду, а все же нужно жить; А слово жить, въдь, значить: покоряться.

XIX.

ГРАФУ ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛОТОМУ

Какъ ястребу, который просидёль, На жердочев суконной, зиму въ клетев, Питаяся настрылянною птицей, Весной охотникъ голубя несетъ Съ надломленнымъ врыломъ; и, оглядъвъ Живую птицу, старый ловчій щурить Зрачевъ прилежный, поджимаетъ перья, И вдругь нежданно, быстро, какъ стрела, Вонзается въ трепещущую жертву, Кривымъ и острымъ влювомъ ей взръзаетъ Мгновенно грудь, и, весело раскинувъ На воздухъ перья, съ алчностью забытой Рветь и глотаеть трепетное мясо: Такъ бросиль мив кавказскія ты песни, Въ воторыхъ бъется и випитъ та вровь, Что мы зовемъ поэзіей. — Спасибо, Полавомиль ты стараго ловца!

XX.

ГРАФУ АЛЕКОВЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ ТОЛОТОМУ

въ деревић Пустыныкћ.

Въ твоей Пустынькъ подгородной, У хлъбосольства за столомъ, Поклонникъ Музы благородный, Каменъ мы русскихъ помянемъ.

Почтимъ святое ихъ наслъдство, И не забудемъ до вонца, Какъ, на призывъ ихъ, съ малолътства Дрожали счастьемъ въ насъ сердца.

Пускай пришла пора иная, Пора печальная, когда Гетера гонитъ площадная— Царицу мысли и труда;

Да не смутитъ души поэта Гоненье на стыдливыхъ Музъ, И пусть въ твни, вдали отъ сввта, Свободнвй зрветъ ихъ союзъ!

XXI.

ӨЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Мой обожаемый поэть! Къ тебъ я съ просьбой и съ повлономъ. Пришли въ письмъ мнъ твой портреть, Что нарисованъ Аполлономъ.

Давно мечты твоей полетъ Меня увлевъ волшебной силой, Давно въ груди моей живетъ Твое чело, твой обливъ милый.

Твоей Камен'в, — повторять Прося стихи, — я докучаю, А все зав'ятную тетрадь Изъ жадныхъ рукъ не выпускаю.

Повлонникъ въчной врасоты, Давно смиренный предъ судьбою, Я одного прошу, чтобъ ты Во всъхъ былъ видахъ предо мною. Вотъ почему спѣшу, поэтъ, Въ тебѣ я съ просьбой и повлономъ: Пришли въ письмѣ мнѣ твой портретъ, Что нарисованъ Аполлономъ.

XXII.

ГРАФИНЪ СОФЬЪ АНДРЕЕВНЪ ТОЛОТОЙ

(супругъ Л. Н. Толстаго).

Когда такъ нѣжно расточала Кругомъ привѣты взоровъ ты, — Ты мимолетно разгоняла Мои печальныя мечты.

И вотъ, исполненъ обаянья Передъ тобою,—здёсь, въ глуши, Я понялъ, свётлое созданье, Всю чистоту твоей души.

Пускай терниста жизни проза,— Я просвътлъть готовъ опять И за тебя, звъзда и роза, Закатъ любви благословлять.

Хоть меркнеть жизнь моя безслёдно, Но образь твой со мной вездё; Такъ, свётять звёзды всепобёдно— На темномъ небё и въ водё.

XXIII.

СОФЬВ ПЕТРОВНВ ХИТРОВО

Я опоздалъ—и какъ жалъю! Ужь солнце сврылося въ ночи; Я не видалъ, когда въ аллею Оно видало намъ лучи.

Но силу лѣтняго сіянья Не всю умчаль минувшій день, Его отраднаго прощанья Не погасила ночи тѣнь.

Еще предъ дымкою туманной, Какъ очарованный, стою, Еще въ заръ благоуханной Дыханье неба узнаю.

XXIV.

полонскому

Спасибо! Лирой вдохновенной Ты мит опять напомниять дни, Когда, не вная мысли пятнной, Ты вынест, отровъ дерзновенный, Свои алмазные огни.

А я, попрежнему, смиренный, Забытый, кинутый въ тёни, Стою колёнопреклоненный, И, красотою умиленный, Зажегъ вечерніе огни.

XXV.

ГРАФУ ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛОТОМУ

(При появленіи романа: Война и Мирь).

Была пора, своей игрою, Своею ризою стальною Морской просторъ меня пленялъ; Я дорожилъ, и въ тишь, и въ бури, То негой тающей лазури, То пеной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! властью тайной Не все мит милъ твой блескъ случайный И въ душу просится мою; Дивясь краст жестоковыйной, Я передъ мощію стихійной Въ священномъ трепетт стою.

(1885).

XXVI.

на книжкъ стихотвореній тютчева.

Вотъ нашъ патентъ на благородство! Его вручаетъ намъ поэтъ; Здъсь— духа мощнаго госнодство, Здъсь— утонченной жизни цвътъ.

Въ сыртахъ не встретишь Геликона, На льдинахъ лавръ не расцететь, У Чувчей нётъ Анавреона, Къ Зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Но Муза, правду соблюдая, Глядитъ: а на въсахъ у ней Вотъ эта внижва небольшая Томовъ премногихъ тяжелъй.

(1885).

XXVII.

АПОЛЛОНУ НИКОЛАЕВИЧУ МАЙКОВУ

(На сочувственный отзывъ о переводъ Горація).

Кто самъ такъ пышно въ тогу эту Привыченъ лики облачать,— Кому жь, какъ не тебѣ, поэту, И тънь Горація встръчать?

На Геливонъ ступя не смѣло, Отъ васъ я блеска позайму, Гордясь, что самъ, хоть неумѣло, Но вамъ обоимъ руки жму.

(1885).

XXVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ

ГРАФИНИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛОТОЙ

(супруги Л. Н. Толстаго).

И вотъ портретъ! И схоже, и несхоже. Въ чемъ сходство тутъ, несходство въ чемъ найти? Не мив решать; но можно ли, о Боже, Сердечиве, отрадиве цвести?

Гдъ врасота, тамъ споры не у мъста; Звъзда горить—вакъ знать, вакимъ огнемъ? Пусть говорять: "туть—дъвочка невъста, Богини мы своей не узнаемъ".

Но всѣ, толпой колѣнопреклоненной, Мы здѣсь упасть у Вашихъ ногъ должны, Какъ, въ предести, и скромной, и нетлѣнной, Вы смотрите на наши сѣдины.

27 апр. 1885.

XXIX.

АЛЕКОАНДРВ ЛЬВОВНВ ВРЖЕОСКОЙ

Нътъ, лучше, голосомъ ласкательно обычнымъ, Безумца въчнаго, поэта, не буди; Оставь его въ толпъ, ненужнымъ и безличнымъ, За шумною волной безмолвному идти.

Зачёмъ уснувшаго будить къ тоске безсильной? Къ чему шептать про свёть, когда кругомъ темно, И дружеской рукой срывать покровъ могильный Съ того, что спать навёкъ въ груди обречено?

Въдь это—прахъ святой затихшаго страданья! Въдь это—милыя почившія сердца! Въдь это—страстныя, блаженныя рыданья! Въдь это—терніи колючаго вънца!

1 апр 1886.

XXX.

ГРАФИНЪ СОФЬЪ АНДРЕЕВНЪ ТОЛОТОЙ

(супругъ Л. Н. Толстаго).

Я не у Васъ, я обдъленъ! Какъ тяжело изнеможенье! У Васъ-порывы, блескъ, движенье, А у меня-не бредъ, а сонъ.

Кавое счастье—хоть на мигъ
Залюбоваться жизни далью,
Призывъ заслышать надъ роялью....
Я все призналь бы и постигъ.

Я бъ снова трепетъ ощутилъ, Цълебной силой съ прежнимъ схожій; Я бъ върилъ вновь, что ангелъ Божій Пришелъ и воду возмутилъ.

23 мая 1886.

XXXI.

ОТАНОВЕКИНАЦ АРИВЕКВОНЯ ВАКОНИН ИТЕМАП

Если жить суждено, и на свёть не родиться нельзя, Какъ завидна, о странникъ почившій, твоя мнё стезя!— Отдаваяся мысли шировой, доступной всему, Ты успёль оглядёть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что міръ только право живущимъ хорошъ, Ты восторговъ опасныхъ старался обуздывать ложь; И у южнаго моря, за вѣчной оградою свалъ, Ты мѣстечко на отдыхъ въ цвѣтущемъ саду отыскалъ.

5 іюл. 1886.

XXXII.

ГРАФУ АЛЕКСВЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОЛОУФЬЕВУ

Второй бригады изъ-за фронта Передъ тобою мой Пегасъ! Хоть сбросилъ онъ Беллерофонта, Все жь—на смотру неровенъ часъ.

Ты самъ замътишь по началу: Какимъ онъ былъ, ему не быть, И, какъ служилъ онъ Ювеналу, Улану нынъ не служить.

Но въ шенвеляхъ его исправно Передъ тобой провесть хочу, И лишь твое услышу: "славно!"— Я— "радъ стараться!"— провричу.

4 ORT. 1886.

XXXIII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Пъвцамъ, — высокое намъ мило; Въ насъ разгоняетъ сонъ души Днемъ — лучезарное свътило, Узоры звъздъ — въ ночной таши.

Поемъ мы пурпура сіянье, Поб'ёды гордые часы, И в'ёчной м'ёди изваянье, И мимолетныя врасы.

Но нѣтъ красы, значеньемъ равной Той, у которой, всемогущъ, Изъ-подъ вѣнца семьи державной Нетлѣнный зеленѣетъ плющъ.

4 дек: 1886.

XXXIV.

на смерть мити воткина

Тебя любили мы за ръзвость молодую,
За нъжность милыхъ словъ...
Другъ Митя! ты унесъ нежданно въ жизнь иную
Надежды стариковъ.

Уже слетьлъ недугъ, навъянъ злобнымъ рокомъ,— Твой пышный цвътъ сорвать;

Дитя! ты намъ предсталь тогда живымъ урокомъ, Какъ жить и умирать.

Когда, теряясь, всё удерживали слезы Надъ мальчикомъ больнымъ, Блаженныя и золотыя грезы Передавалъ ты имъ.

И, передъ смертію, живой исполненъ ласки, Ты взоръ обвелъ кругомъ, И тихо самъ закрылъ младенческіе глазки, Уснувъ послёднимъ сномъ...

15 дек. 1886. Москва

XXXV.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

КОРОЛЕВЪ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГЪ КОНСТАНТИНОВНЪ

Всю жизнь душа моя алкала, Всю жизнь, среди пустынь и скаль, Святаго храма идеала, Усталый путникъ, я искалъ.

И вотъ, за дальними морями Провижу чистый этотъ храмъ, И окрыленными мечтами Несусь припасть въ Твоимъ стопамъ.

Но замирають звуки лиры
Въ рукахъ дряхлѣющихъ пѣвца:
Его смущаетъ видъ порфиры
И ослѣпляетъ блескъ вѣнца.

Воздвигни жь хоры пъснопъній, Младыя оврыли мечты, Царица свътлыхъ вдохновеній И воролева врасоты!

29 дек. 1886.

XXXVI.

ГРАФИНЪ АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ ОЛОУФЬЕВОЙ

При полученіи отъ нея гіацинтовъ.

Въ смущеньи умъ, не свяжешь взглядомъ, И нъмъ язывъ:

Вы—съ гіациптами, и рядомъ— Больной старивъ.

Но безразлично, беззавѣтно
Власть Вамъ дапа:
Гдъ Вы царите такъ привѣтно, —

в Вы царите такъ привътно, Всегда весна!

2 янв. 1887.

XXXVII.

великому князю

КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Сплывають ледяные своды, Твое явилось черезь воды Письмо съ вороной золотой. Ко мнѣ, простившись со столицей, Примчались звучной вереницей Стихи, пропѣтые Тобой.

Ужели жизнь опять привѣтна? Ужель затихли безотвѣтно И буря, и недуга злость? Какая вѣсть благоволенья! Какая свѣжесть вдохновенья! Какой въ глуши высокій гость! Весной нежданной сладко въетъ,
Въ груди теплъй, въ глазахъ свътлъетъ,
Я робко за Тобой пою,
И сердце благодарно снова
За жаръ живительнаго слова,
За юность свътлую Твою.

25 марта 1887. Воробьевка.

XXXVIII.

КОРОЛЕВЪ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГЪ КОНСТАНТИНОВНЪ

при полученіи Ея портрета.

Звъзда сіяла на востовъ, И, изъ степныхъ далевихъ странъ, Съдые понесли пророки Въ дань злато, смирну и ливанъ.

Изумлены ея врасою, Волхвы маститые пошли За путеводною звёздою И пали до лица земли.

И предо мпой, въ степи безвъстной, Ввошла звъзда Твоихъ щедротъ: Она свой лучъ, въ красъ небесной, На поздній вечеръ мой прольетъ. Но у меня для припошенья Ни злата, ни ливана нътъ, — Лишь съ еиміамомъ пъснопънья Падетъ къ стопамъ Твоимъ поэтъ.

1 апр. 1887.

XXXIX.

ей же

11 іюля 1887.

Когда-бъ дерзалъ, когда-бъ я славилъ Сей день подъ звуки райскихъ лиръ, То-бъ съ кроткимъ апгеломъ ноздравилъ Я не Ее, а Божій міръ.

LX.

великому князю

КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

(на 3-мъ выпускъ Вечерния Огней).

Трепетный факель,—съ вечернимъ мерцаніемъ Сна непробуднаго чуя истому,— Немощенъ силой, но гордъ упованіемъ, Въстнику свёта сдаю молодому.

15 янв. 1888.

XLI.

ЕЛИЗАВЕТЪ ДМИТРІЕВНЪ ДУНКЕРЪ

(урожденной Боткиной).

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманіемъ эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчетъ сама?
Я назову лишь цвътовъ, что срываетъ рука,—
Муза—раскроетъ и сердце, и запахъ цвътка;
Я разскажу, что тебя безпредъльно люблю,
Муза—повъдаетъ, что я за муки терплю.

17 янв. 1888. Москва.

XIII.

марьъ петровнъ шеншиной *).

Надпись на книжкъ.

Ты всѣ стихи переплела
Въ одну тетрадь не безъ причины:
Ты при рожденьи ихъ была,
И ты ихъ помнишь именины.

Ты различала съ давнихъ поръ, Чъмъ править муза, чъмъ супруга; Хвалить стихи свои—позоръ, Еще стыднъй—хвалить другь друга.

28 янв. 1888.

^{*)} Супругь автора.

XLIII.

ЛЮВОВИ ИЛЬИНИШНВ ОФРОСИМОВОЙ

При посылкѣ портрета.

Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ На ваши вротвія черты, И сердце свётлымъ вдохновеньемъ Наполнилъ образъ врасоты.

Какой обмёнъ несправедливый! Вдругь—получить издалека Вамъ, юной, свёжей и красивой, Печальный образъ старика!

8 февр. 1888. Москва.

XLIV.

ГРАФИНЪ НАТАЛЬЪ МИХАЙЛОВНЪ СОЛЛОГУБЪ

Вамъ пѣснь моя! Въ степи мірской, Среди толны безцвѣтно-блѣдной, Лишь вы поэта за собой Красой влечете всепобѣдной.

Прелестны матовымъ челомъ, Могучи пышными кудрами, Вы—обаятельны умомъ, Очаровательны очами.

Что смертныхъ трогаетъ сердца, — Внушите вы послушной лиръ, И слово на устахъ пъвца При васъ цвътетъ пышнъй и шире.

15 февр. 1888. Москва.

XLV.

на ювилей аполлона николаевича майкова

30 априля 1888 года.

Пятьдесять лебедей пронесли Съ юга вешніе вриви въ полёсье, И мы слышали, дёти земли, Кавъ звучала ихъ пёснь съ поднебесья.

Майковъ мѣдь этихъ звуковъ для насъ Отчеканилъ стихомъ-чародѣемъ, И за это въ торжественный часъ Мы встрѣчаемъ пѣвца юбилеемъ.

Кто же выступить съ гимномъ похвалъ Передъ темъ, вто, поднявшись надъ нами, Полстолетія Русь осыпаль Драгоценныхъ стиховъ жемчугами? Хоть восторгь не даеть намь молчать, Но восторженных скоро забудуть, А пъвца по поднебесью мчать Лебединия крылья все будуть!

> 25 марта 1888. Воробъевка.

XLVI.

ЕКАТЕРИНЪ СЕРГЪЕВНЪ ХОМУТОВОЙ

(При полученіи отъ нея пышнаго букета цвётной капусты).

Соизм'вряя даръ съ прив'втомъ, Дерзаю высказать въ отв'втъ, Что въ мір'в никакимъ букетамъ Не уступаеть вашъ букетъ.

Его значенье многосложно И въ силахъ вдохновить пѣвца; Его принять съ поклономъ можно, И можно скушать до конца.

> 5 мая 1888. Воробьевка.

XLVII.

ильъ оедоровичу офросимову

(На юбилей конскаго его завода въ селъ Березовиъ).

Да, я не Пиндаръ: мив страшиви Всего—торжественная ода, Березовецъ и юбилей Рожденья конскаго завода.

Когда бъ слова въ стихахъ моихъ Ложились выпувлы и вовки, Вставали разомъ бы изъ нихъ Копыта, шейки и головки.

Слёдя за каждою чертой, Знатокъ не проходиль бы мимо, Не восхитившись красотой Любимца, или Ибрагима. Я, лавры оглася твои И всё стяжанныя награды, Въ заводё конскомъ Иліи Нашелъ бы звуки Иліады.

Но этихъ звуковъ-то и нѣтъ, И я, гремъть безсильный оду, Лишь пожелаю—много лѣтъ Тебъ и твоему заводу!

> 17 іюня 1888. Воробьевка.

XLVIII.

ЕКАТЕРИНЪ СЕРГЪЕВНЪ ХОМУТОВОЙ

(приславшей мив цветы).

Цвѣты и пѣсни съ давнихъ лѣтъ — Въ благоухающемъ союзѣ, И благовонный Вашъ привѣтъ Вручилъ я пристыженной Музѣ.

Но ей до Васъ такъ далеко, Что состязанье безразсудно: Ее украсить Вамъ легко, Ей заслужить вънокъ такъ трудно!

7 авг. 1888.

XLIX.

на пятидесятилътие музы

Насъ отпъваютъ. Въ этотъ день Нивто не подойдетъ съ хулою: Всявъ благосклонною хвалою Нъмую провожаетъ тънь.

Какъ ликъ усоншаго свётить Душею лучшей начинаетъ! Не то, чёмъ былъ онъ, проступаетъ, А только то, чёмъ могъ онъ быть.

Живымъ—варать и награждать, А намъ, у гробоваго входа,— О, Муза! намъ велить природа,— Навъвъ смиряяся,—молчать.

> 20 дек. 1888. Москва

Ł.

на пятидеоятилътіе музы

29 января 1889 года.

На утрѣ дней, все ярче и чудеснѣй Мечты и сны въ груди моей росли, И пѣсенъ рой, вослѣдъ за первой пѣсней, Мой тайный пылъ на волю понесли.

И, трепетнымъ отъ счастія и муви, Хотелось птичвамъ Божіимъ моимъ, Чтобъ гдё-нибудь ихъ налетели звуви На чутвій слухъ, внимать готовый имъ.

Полвъва ждалъ друзей я этихъ пъсенъ, Гадалъ о тъхъ, кто имъ живой пріютъ; О, какъ мой день сегоднешній чудесенъ! Со всъхъ сторонъ тъ пъсни мнъ несутъ.

Туть нёть чужихь, туть все — родной и вровный, Туть нёть враговь, вругомь — одни друзья! — И всей душой, за вашь привёть любовный, Къ своей груди вась прижимаю я!..

. ...

14 янв. 1889. Москва.

HI.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ "КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ ЕЛИСАВЕТЪ МАВРИКІЕВНЪ

Давно познавъ, какъ ранятъ больно Иныя терніи вѣнковъ, Нерѣдко съ грустію невольной Гляжу на юношей пѣвцовъ.

Но предъ Высовою Четою Въ душъ моей всегда свътло: За вдохновенной головою Бълъетъ ангела врыло.

Оно поэту въ мигъ сомнёній, Въ минуту затаенныхъ слезъ, Наветъ—горныхъ сновидёній И аромата райскихъ розъ.

30 янв. 1889. Москва.

LII.

ГРАФИНЪ СОФЬЪ АНДРЕЕВНЪ ТОЛСТОЙ *).

(во время моего 50-ти лътняго юбилея).

Пора! По влагѣ кругосвѣтной Я въ новый міръ перехожу И, съ грустью нѣжной и завѣтной, На милый сѣверъ свой гляжу.

Жестовой уносимъ волною, Съ звёздой полярною въ очахъ, Я знаю: ты горишь за мною Въ твоей красё, въ твоихъ лучахъ!

19 февр. 1889. Москва.

^{*)} Супругъ Л. Н. Толстаго.

LIII.

ПАМЯТИ СОФЬИ СЕРГВЕВНЫ БОТКИНОЙ

Ужель на вопль и зовъ молебный Ты безучастно промолчить? Ужель улыбкой задушевной Семьи опять не озарить?

Забывъ и радости земныя, И милосердія дёла, Ты, повидая насъ впервые, За сыномъ отровомъ ушла.

Разлуки нётъ. Твой образъ милый Чревъ жизнь мы въ сердцё пронесемъ, И тамъ, за рубежомъ могилы, Навъкъ обнять тебя придемъ.

7 мар. 1889. Москва

LIV.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ МАВРИКІЕВНѢ

Двъ незабудки, два сапфира — Ея очей привътный взглядъ, И тайны горняго энира Въ живой лазури ихъ сквозятъ.

Ея вудрей руно златое— Въ такомъ свъту, какой одинъ, Изображая неземное, Сводилъ на землю Перуджинъ.

20 мар. 1889. Москва.

LV.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ДМИТРІЕВНЫ И КОНСТАТИНА ГУСТАВОВИЧА ДУНКЕРЪ.

Въ часы забавъ, во дни пировъ, Предъ божествомъ благоговъя, Поэты славили любовь И пышный факелъ Гименея.

Онъ горячо волнуетъ грудь И, сквозь покровъ полупрозрачный, На расцейченный кажетъ путь И жениху, и новобрачной.

И мы отраду возвѣстимъ Князьямъ сегодняшняго пира; Споетъ о счастьи молодымъ Моя старѣющая лира. На юность озираясь вновь И новой жизнью пламентя, Ура! и я—хвалю любовь И пышный факель Гименея!

> 30 апр. 1889. Село Таволжанка.

LVI.

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ВЕЛИКОИ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ

Не воспѣвай, не славословь Великовняжеской порфиры,— Повѣдай первую любовь И возвѣсти струнами лиры:

Кто сердце дѣвы молодой Впервые трепетать заставилъ? Не ты ли, витязь удалой, Красавецъ, царскій конникъ, Павелъ?

Созданій сказочных мечту Твоя избранница затмила, Трехъ поколеній красоту Дочь Королевы совмёстила. Суля Четь блаженства дни, Предъ ней уста нъмъють наши,— Цвътовъ, влюбленныхъ вакъ Они, Двухъ въ міръ не найдется враше.

> 9 мая 1889. Тихій Хуторъ.

LVII.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ ЕЛИСАВЕТЪ МАВРИКІЕВНЪ

при взглядь на ихъ портреты.

Сердце желаніемъ встрѣчи томимо, Тайныя слезы стыдятся уливи; Смотрять вослѣдъ проходящему мимо Ваши прелестные, вротвіе ливи.

Эти два снимка начерчены Фебомъ, Горе при нихъ исчезаетъ мгновенно; Какъ суждено расцейсти ей подъ небомъ, Юная ихъ красота пеизмённа.

Вижу сіянье и вижу участье, Нъжные помысловь свътлыхъ владыви! Въ душу вселяють и радость и счастье Ваши Высовіе вротвіе ливи.

> 4 іюня 1889. Воробьевка.

LVIII

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ ЕЛИСАВЕТЪ МАВРИКІЕВНЪ

Людскія тавъ грубы слова, Ихъ даже нашентывать стыдно! На цвётъ, проглянувшій едва, Смотрёть при тебё мий завидно.

Воть, роза раскрыла уста, Въ нихъ дышитъ моленье нѣмое: Чтобъ ты пребывала чиста, Какъ сердце ел молодое.

Вотъ, нѣжа дыханье и взоръ, Отъ счастія роза увяла, И свой благовонный уборъ Къ твоимъ же ногамъ разроняла.

> 3 окт. 1889. Москва.

LIX.

ГРАФИНЪ СОФЬЪ АНДРЕЕВНЪ ТОЛОТОЙ *).

Гдё, средь инаго поволёнья, Намъ-міръ такъ пусть, Ловлю усмёшку утомленья Я вашихъ усть.

Мнѣ все сдается, миновали Восторги розъ; Цвѣты послѣдніе увяли: Побилъ морозъ.

И безуханна, безпривътна
Тропа и тамъ,
Гдъ что-то блъдное замътно
По бороздамъ.

^{*)} Вдовѣ Графа Алексѣя Константиновича.

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ, Вотъ здѣсь, со мной, Цвѣты задышатъ прежнимъ лѣтомъ И резедой.

> 24 дек. 1889. Москва.

LX.

МАРЬВ НИКОЛАЕВНВ КОНШИНОЙ.

Явись, явись во мнѣ, больному! Вотъ исцѣленье! Кто скорѣй Развѣетъ грустную истому Души тоскующей моей?

Кто неподвупныхъ музъ привъта Достойнъй прелестью лица? Кто врасотой, изъ рувъ поэта, Достойнъй въчнаго вънца?

> 13 февр. 1890. Москва.

LXI.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНОТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

При книгъ "Мои воспоминанія".

Предъ вами — правда несомнѣнно О всемъ, что было и прошло; Тутъ признается откровенно Въ пережитомъ добро и зло.

Но, средь заносчивой огласки, Не говорять уста мои, Какія старець встрётиль ласки Великокняжеской семьи.

Свазать, какъ жизнь мив озарило Сіянье царственныхъ свътиль,—
У сельской музы не хватило
Ни дерзновенія, ни силъ.

13 мар. 1890. Москва.

LXII.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНВ ЕЛИСАВЕТВ МАВРИКІЕВНВ

Кто постигнеть улыбку твою И лазурных очей выраженье, Тотъ пойметъ и молитву мою, И восторженныхъ устъ пъснопънье.

День смолкаеть надъ жаркой землей, И, нетлённой пылая порфирой, Воть онъ самъ, Аполлонъ молодой, Вдаль уходить съ колчаномъ и лирой.

Пусть ты — отблескъ, плъняющій насъ, Пусть за нимъ ты несешься мечтою, Но тебъ — нашъ молитвенный часъ, Что слетаетъ къ намъ въ душу съ зарею!

21 апр. 1890 Воробъевка.

LXIII.

великому князю

КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Когда, колеблемъ треволненьемъ, Лавровий обропивъ вънецъ, Ты загрустилъ, что вдохновеньемъ Повинутъ, молодой пъвецъ,—

Я зналь, что сила Музы плънной Тебъ на счастіе растеть, Что чадъ разсъется мгновенный, И снова, свътлый, вдохновенный, Миъ милый голосъ запоеть.

И вотъ, изъ сѣверной столицы, Восторговъ вешнихъ не тая, Съ зеленой вѣтвой голубицы Ко мнъ примчалась пъснь Твоя.

> 8 мая 1890. Воробьевка.

LXIV.

ВР АЛРВОМР НАТАЛРИ ЗКОВЧЕВНЫ ПОЛОНСКОЙ

Стихи мои въ ряду другихъ Прочтутъ ли бархатные глазви? Но появиться радъ мой стихъ Тамъ, гдъ вругомъ—цвъты и врасви.

Желать вамъ счастья я готовъ, Но въ чемъ придетъ оно, не знаю; Ни юныхъ розъ, ни мотыльковъ, Хоть имъ дивлюсь, не поучаю.

> 20 іюня 1890. Воробьевка.

LXV.

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ

Въ минувшемъ жизнь твоя богата, Звенѣлъ залогъ безцѣнный въ немъ: Самъ разсказалъ ты, что когда-то Любилъ и пѣлъ ты соловьемъ.

Кто-жь не плененъ влюбленной птицей, Весной поющей по ночамъ? Но, какъ поэтъ,—ты милъ сторицей Тебе внимающимъ друзьямт.

26 авг. 1890. Воробьевка.

LXVI.

ГРАФИНЪ НАТАЛЬЪ МИХАЙЛОВНЪ СОЛЛОГУБЪ

Тобой привычный восхищаться, Я въ тайнъ върить быль готовъ, Что можно лиръ приближаться Къ твоей красъ красою строфъ.

Но вижу, въ состязаньи струнномъ, Двойнымъ восторгомъ трепеща, Что на челъ волоторунномъ Непобъдимъ въновъ плюща.

24 янв. 1891.

LXVII.

маріаннъ обдоровнъ ванлярской

При полученіи визитной карточки съ летящими ласточками.

Мечтамъ поворствуя отважнымъ, Несусь душой на встръчу въ нимъ, И Вашимъ ласточкамъ бумажнымъ Не меньше радъ я, чъмъ живымъ.

Онъ безмолвны, не мелькаютъ Крыломъ проворнымъ, но онъ, Подобно Вамъ, напоминаютъ Красой воздушной о веснъ.

23 апр. 1891.

LXVIII.

КОРОЛЕВЪ ЭЛЛИНОВЪ ОЛЬГЪ КОНСТАНТИНОВНЪ

11 іюля 1891.

Когда-то Ольга душу живу У грековъ въ въръ обръла, И райскій кедръ, и Божью ниву На съверъ съ юга привлекла.

И воть, прошло тысячельтье, И надъ полуночной страной Склонилось древа жизни вътье Неувядающей весной.

Среди духовнаго посѣва, Въ вѣвахъ созрѣвшаго опять, Несетъ намъ Ольга Королева Красу и Божью благодать.

Полнъй семья Ея родная, И снова восхищаетъ взоръ И Ольга царственно благая, И въстнивъ счастья Христофоръ.

LXIX.

ПЕТРУ ИЛЬИЧУ ЧАЙКОВСКОМУ

Тому не лестны наши оды, Нашъ стихъ родной, Кому гремъли антиподы Такой хвалой!

Но, потрясенный весь струнами
Его цёвниць,
Восторгъ не можетъ и межъ нами
Терпёть границъ.

Тавъ пусть на долго Музы наши Хранятъ пъвца, И онъ випитъ, вавъ пъна въ чашъ И въ насъ сердца!

18 авг. 1891.

ŁXX.

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. КОНОТАНТИНОВИ УНИТНАТОНОВИЧУ

Не сѣтуй, будто бы увяла Мечта, встрѣчавшая зарю, И что давно не призывала Тебя богиня въ алтарю!

И самъ Ты — храмъ любвеобильный, И, усладительной волной, Въ него влетаетъ зовъ всесильный, Колебля сводъ его живой.

Пускай чредой неутомимой Тъснятся трудовые дни, Но помнимъ мы, что тамъ, незримый, Органъ безмольствуетъ въ тъни.

Когда затихнутъ на мгновенье И блескъ, и шумъ, тогда лови И миръ души, и вдохновенье, И намъ запой слова любви!

24 авг. 1891.

LXXI.

НА ПОГРЕВЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГІЕВНЫ *)

18 сент. 1891.

Тамъ, гдѣ на врасныя ступени У гроба, гдѣ стоите Вы, Склонялись царскія колѣни И вѣнценосныя главы,

Нъмъетъ сворбь, сгараютъ слезы, Когда, какъ жертва убрана, Нъжнъй и чище вешней розы, — Сама безмольствуетъ она.

Лишь мигь цвёла она межъ нами, Съ улыбкой счастія въ тиши, Чтобъ воспріяли мы сердцами Весь аромать ея души.

^{*)} Въ письмѣ къ В. К. Константину Константиновичу.

Намъ не пов'ядалъ ангелъ св'ета, Зачемъ, когда переносилъ Къ намъ райскій цв'етъ онъ въ часъ расцв'ета, Его онъ въ бездну уронилъ.

Иль, полнымъ благодатной силы, Цвътку расцвъсть—въ рукъ Творца, Чтобы скорбящихъ у могилы Родныя врачевать сердца?..

LXXII.

ГРАФИНЪ НАТАЛЬЪ МИХАЙЛОВНЪ СОЛДОГУБЪ

О, Береника! Сердцемъ чую Заочный блескъ и власть красы, И помню розсыпь золотую Твоей божественной косы.

Не намъ, съ волненьями земными, Къ ея разливу припадать! Ей мъсто—съ пъснями твоими Между созвъздъями сіять.

Ну что за добрая догадка— Вдругъ "отче" молвить мий шутя! Такъ—по головий умной сладко Погладить дивное дитя.

28 янв. 1892.

LXXIII.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЪ ЕЛИСАВЕТЪ МАВРИКІЕВНЪ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

на милостивыя строки оть 21 октября. *)

Когда дыханье множить муви И было-бъ сладво не дышать, Какъ вновь любви разслышать звуки, И вакъ на зовъ тоть отвъчать?

Привътъ Вашъ—райскою струною Обитель смерти пробудилъ, На мигъ, вскипъвшею слезою Онъ взоръ страдальца остудилъ.

И на землъ, гдъ все такъ бренно, Лишь слевъ подобныхъ ясенъ путь: Ихъ сохранить навъвъ нетлънно Предъ Вами старческая грудь.

23 окт. 1892.

КОНЕЦЪ.

^{*)} Предсмертное стихотвореніе.

Оглавление второй части.

VIII.

	0 II # D 4		
	СН ѢГА.	C	
T	He was where where we was a was a manager	Стр.	
	На пажитяхъ нёмыхъ люблю, въ морозъ трескучій		
	Знаюя, что ты, малютва		
	Воть утро съвера, сондивое, скупое		
	Вътеръ злой, вътръ кругой въ полъ		
	Печальная береза		
	Котъ поетъ, глаза прищуря		
	Чудная картина		
	Ночь свътля, морозъ сілеть		
	На двойномъ стекит узоры		L
X.	На желъзной дорогъ. (Морозъ и ночь надъ дальи		
	сивжной)		_
	Скрипъ шаговъ вдоль улицъ бълыхъ		_
	Еще вчера, на солнцѣ млѣя		
	У окня. (Къ окну приникнувъ головой)		
	Какая грусть! Конецъ аллен		3
	Учись у нихъ, — у дуба, у березы)
	Есть ночи зимней блескъ и сила		L
VII.	Мама! глянь-ка изъ окошка	. 22	ì
	• .		
	TV		
	IX.		
	гаданія.		
T.	Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ	25	
	Полно смѣяться! Что это съ вами?		
	Помню я:—старушка няня		
	Перекрестокъ, где ракитка		
	Ночь крещенская морозна		
٧.	TIO TO TO THE TOTAL TOTAL TO THE TOTAL TOTAL TO THE TOTAL TO THE TOTAL TO	. 43	•

X.

MOPE.

I.	Ночь весенней нъгой дышитъ	33
П.	Жди яснаго на завтра дня	34
Ш.	Пароходъ. (Злой дельфинъ, ты просишь ходу)	35
IV.	Морской заливъ. (Третью ужь ночь, воть на этомъ	
	холив за оврагомъ)	36
٧.	Вечеръ у взиорья. (Засверкалъ огонь зарницы)	37
VI.	Какъ хорошъ чуть мердающимъ утромъ	3 8
VII.	Морская даль-во мглъ туманной	39
VIII.	На корабив. (Летимъ! Туманною чертою)	40
IX.	Снился берегь мив скалистый	41
X.	Море и авъзды. (На море ночное мы оба глядъли).	42
	Прибой. (Утесы, зной и сонъ въ пустынъ)	43
	Вчера разстались мы съ тобой	44
XIII.	Послъ бури. (Пронеснась гроза съдая)	45
XIV.	Вуря. (Свъжъетъ вътеръ. Меркнетъ ночь)	46
XV.	Качаяся, зв'езды мигали лучами	47
XVI.	Барашковъ буря шлетъ своихъ	4 8
	XI.	
	валлады.	
	в кийкды.	
· L	Тайна. (Почти ребенкомъ я была)	51
	Видъніе. (Не ночью, не дживо)	53
Ш.	Воротъ. (Спать пора! Свіча сгоріла)	54
IV.	Виъй. (Чуть вечернею росою)	56
٧.	Лихорадка. (Няня, что-то все не сладко!)	57
	Въдный мальчикъ. (На дворъ не слышно вьюги)	59
VII.	Легенда. (Вдоль по берегу полями)	61
VIII.	Геро и Леандръ. (Бледенъ ликъ твой, бледенъ, дева!)	64
	XII.	
	антологическія стихотворенія.	
	Y0 X	00
	Когда пътухъ	69
	Греція. (Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго васкада)	71
ш.	Къ прасавцу. (Природы баловень, какъ счастливъ ты	=-
	сульбой!)	72

второй части	327
IV. Вакханка. (Подъ тенью сладостной полуденнаго сада)	73
V. Въ златомъ сіянін лампады полусонной	74
VI. Нентуну Леверрье. (Птицей)	75
VII. Діана. (Богини д'явственной округлыя черты)	77
VIII. Влажное ложе повинувши, Фебъ златокудрый направиль	78
ІХ. Кусокъ мранора. (Тщетно блуждаеть мой взорь, из-	
мъряя твой мраморъ начатый)	79
Х. Къ юношъ. (Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина)	80
XI. Съ корзиной, полною цвътовъ, на головъ	81
XII. Подражаніе XVI напалін Біона. (Прекрасная зв'язда	
Венеры светноокой!)	82
XIII. Питомець радости, покорный наслажденью	88
XIV. Уснуко оверо, безмолвенъ черный лъсъ	85
ХУ. Сонъ и Пазифан. (Ярко блестящая пряжка надъ бълою,	
полною грудью)	86
XVI. Аминона. (Это у васъ, на сѣверѣ, все ниночемъ. По-)	
смотри-ка)	87
XVII. Діана, Эндиміонъ и сатиръ. Картина Врюдова.	
(У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ!)	89
ХУШ. Золотей выкъ. (Я посёщаль тоть край обетованный)	91
XIX. Даки. (Вблизи семи холмовъ, где такъ невыразимо)	93
ХХ. Телемавъ у Калинсы. (Солице пизко. Легкой мглою)	95
XXI. Венера милосекая. (И целомудренно, и смело)	97
ХХІІ. Нимфа и молодой сатиръ. Группа Ставассера (По-	^^
стой хотя на мигъ! О вамень, или цень)	98
ХХІІІ. Сонъ и смерть. (Богомъ свёта повинута, дочь гро-	100
мовержца нѣмая)	100
XXIV. Зевеъ. (Шумъ и гамъ,—хохочутъ дѣвы) · · · · · ·	101
XIII.	
подражанія восточному.	
I. Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою	105
П. Не дивись, что я черна	106
Ш. Соловей и роза. (Небесь и земли повелитель)	
IV. Восточный мотивъ. (Съ чёмъ насъ сравнить съ тобою,	
другъ прелестный?)	114
V. Аваддонъ. (Ангелъ и девь, и телецъ, и орелъ)	115

XIV.

вечерние огни.

(Изданія последнихъ годовъ. Выпуски І, ІІ, ІІІ, ІV и V (посмертный).

Изъ перваго выпуска. `

I. Знаю, зачёмъ ты, ребенокъ больной	121
П. Встрвчу-ль яркую въ небъ зарю	122
III. Въ страданън блаженства стою предъ тобой	123
IV. Вчерашній вечеръ помню живо	124
V. Горячій влючъ. (Помнинь тоть горячій влючь)	125
VI. Отчего со всеми я любезна	127
VII. Въ душъ, измученной годами	128
VIII. Ключъ. (Межъ селеньемъ и рощей нагорной)	129
ІХ. Чёмъ безнадежнёе и строже	
Х. Сонеть. (Когда отъ хмеля преступленій)	132
XI. Толпа теснилася. Рука твоя дрожала	
XII. Встаеть мой день, какъ труженикъ убогій	
XIII. Кому вънецъ: богинъ-ль красоты	
XIV. Напрасно	136
XIV. Напрасно	
новиль)	138
XVI. Напрасно ты восходишь надо мной	139
XVII. Роза. (У пурпурной колыбели)	140
XVIII. Только встрвчу улыбку твою	
XIX. Исевдо-поэту. (Молчи, понивни головою)	
ХХ. Я увзжаю. Замираеть	
ХХІ. Не избътай! Я не молю	146
ХХІІ. Въ благословенный день, когда стремлюсь душою.	147
ХХІІІ. Къ Сикстинской Мадониъ. (Вотъ сынъ Ея. Онъ, тайна	
Іеговы)	
XXIV. Музъ. (Пришла и съла. Счастливъ и тревоженъ)	149
,	
Изъ втораго выпуска.	
I. Не смъйся, не дивися мнв	153
И. День проснется—и ръчи людскія	
III. Ты быль для насъ всегда вонь той скалою	155
IV. Вабочка. (Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаніемъ)	157

второй части	32 9
V. Съ бородою съдою верховный я жрецъ	. 158
VI. Говорили въ древнемъ Римѣ	
VII. Вольный соколь. (Не воскормлень ты пищей нажной)	
VIII. Не вижу ни красы души твоей нетлѣнной	. 162
Изъ третьяго выпуска.	
Предисловів къ третьему выпуску	. 165
I. Муза. (Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня)	
И. Солица лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высовт	
III. Какъ бъденъ нашъ языкъ!—Хочу и не могу	
IV. Если радуетъ утро тебя	
V. Ребенку. (Я слышу звонъ твоихъ рѣчей)	. 176
VI. Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ .	
VII. Горная высь. (Превыше тучъ, покинувъ горы) · ·	
VIII. Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!	
ІХ. Долго снились мив вопли рыданій твоихъ	
Х. Чрезъ твсную удицу, здвсь, въ высотв	
XI. Ты вся въ огняхъ. Твоихъ зарницъ	
XII. Вѣчный хмель мнѣ не отрада	
Alli, Octogra gens ison ipoessiacism	• 101
Изъ четвертаго выпуска.	•
Предисловіє къ четвертому выпуску	. 187
І. Оброчникъ. (Хоругвь священную подъявъ своей дес	-
ной)	
II. На вачеляхъ. (И опять въ полусвъть ночномъ)	
Ш. Полуразрушенный, полужилецъ могилы	
IV. Только-что спрячется солнце	
V. Какъ трудно повторять живую красоту VI. Ракота. (Горълъ напрасно я душой)	i i
VII. Quasi una fantasia. (Сновидѣнье)	
VIII. Упрекомъ, жалостью внушеннымъ	
IX. Давно-ль на шутки вызывала	
Приготовленныя для пятаго выпуска.	
	901
І. Алмазъ. (Не украшать чело царицы)	
И. Тъснъе и ближе сюда!	
III. Изъ тонкихъ линій идеала	. 205

ОГЛАВЛЕНІЕ

	204
	205
	206
VII. Завтра—я не различаю	207
	208
IX. За горами, песками, морями	209
	210
	211
	212
XIII. Мъсяцъ и роза. (Всталъ я рано надъ горой)	213
	214
XV. Почему. (Почему, какъ сидишь озаренной)	215
XVI. Не отнеси въ холодному безстрастью · · · · · ·	216
XVII. Не могу я слышать этой птички	217
XVIII. Разсыпался смъхомъ ребенка	218
XIX. Когда, смущенный, умолкаю	219
XX. Она ему—образъ мгновенный	220
XXI. Тяжело въ ночной тиши	221
Деполненіе. I. Тихая зв'єздная ночь	229
II IIIvwata nothounas broca	224
II. III ум'ёла полночная выюга	225
IV. Примъты	226
V. Свіча нагоріла. Портреты въ тіни	
VI. Чёмъ тоске, и не знаю, помочь	
VII. Перепелъ	
THE EUPONORES	
XV.	
ПОСЛАНІЯ, ПОСВЯЩЕНІЯ И СТИХОТВОРЕНІЯ НА СЛУЧАЙ.	
Ш. Намяти Дмитрія Львовича Крюкова. (Когда св'ь-	233 234 235

второй части

IV. Отвъть Тургеневу. (Поэть! ты кочешь знать, за что	
такой любовыю)	236
V. Егору Петровичу Ковалевскому. (Напрасно жизнь	
зовешь ты жалкою ошибкой)	23 8
VI. Въ альбомъ Марьъ Нетровић Боткиней. Светлое	
воскресенье. (Побъда! Безоружна злоба!)	239
VII. Тургеневу . (Прошла зима, затихла вьюга).	240
VIII. На смерть Александра Васильевича Дружинина.	
(Умолкъ твой голосъ навсегда)	24 2
IX. Оедору Ивановичу Тютчеву. (Прошла весна, — тем-	
нъетъ лъсъ)	2 4 4
Х. Памяти Василія Петревича Вотина. (Прости! Раз-	
верстая могила)	24 5
XI. На серебряную свадьбу Екатерины Цетровны Щу-	
каной. (Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный)	24 6
Нъмецкий переводъ предыдущаго стихотворения	248
XII. Въ альбонъ Кеслову. (Тому, что было, не бывать).	250
XIII. Къ памятинку Пушкина. (Исполнилось твое проро-	
Heckoe Chobo)	251
XIV. 1 Марта 1881 года. (День искупительного чуда) .	252
ХV. 15 Мая 1888 года. (Какъ солнце вешнее сіяя)	254
XVI. Алекскю Оедоровнчу Бржесскому. (Изъ смертныхъ	
жизнью пресыщенныхъ)	25 5
XVII. Александръ Львовиъ Вржесской. (Далекій другь,	
пойми мои рыданья)	257
XVIII. Ев-же. (Опять весна! Опять дрожать листы)	259
XIX. Графу Льву Ниволаевнчу Толстому. (Какъ ястребу,	
который просидълъ)	26 0
ХХ. Графу Алексъю Константавовичу Толстому. (Въ	
твоей Пустынькі подгородной)	261
XXI. Осдору Ивановичу Тютчеву. (Мой обожаемый поэть)	263
XXII. Графинъ Софьъ Андреевиъ Толстов, супругъ Л. Н.	
Толстаго. (Когда такъ нъжно расточала)	265
ХХІІІ. Софь'в Петрови'в Хитрово. (Я оповдалъ! И какъ	
жалью)	266
XXIV. Полонскому. (Спасибо! Лирой вдохновенной)	267
ХХУ. Графу Льву Николаевичу Толотому. (Была пора,	
своей игрою) • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	26 8
XXVI. На княжей стихотвореній Тютчева. (Вотъ нашъ	
патентъ на благородство)	269
ХХУП. Аполлону Николаевичу Майкеву. (Кто самъ такъ	
IIIIIIIIII RT TOLA STA	270

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVIII. Къ нортрету Графини Софыи Андреевны Толстой,	
супруги Л. Н. Толстаго. (И вотъ портретъ! И схоже	
	271
	27 2
ХХХ. Александръ Львовиъ Бржесской. (Нътъ, лучше голо-	
сомъ, ласкательно обычнымъ)	273
XXXI. Паняти Николан Яковлевича Данилевскаго. (Если	
	274
ХХХІІ. Графу Алекскю Васильевичу Олсуфьеву. (Второй	
* · · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	275
XXXIII. Великому Князю Константину Константиновичу.	
	27 6
XXXIV. На смерть Мяти Ботиния. (Тебя любили мы за ръз-	
	277
ХХХУ. Королевъ Эллиновъ Ольгъ Константиновиъ. (Всю	
	278
XXXVI. Графинъ Александръ Андреевнъ Олсуфьевой. (Въ	
	279
XXXVII. Beleromy Khasio Konctantuny Konctantunobery.	
(280
XXXVIII. Воролевъ Эллиновъ Ольгъ Константиновиъ , при по-	
	282
· (284
XI Великому Князю Константину Константиновичу (Тре-	
 	285
XLI. Елизаветъ Динтріевнъ Дункеръ, урожденной Бот-	
	286
XLII. Марьъ Петровиъ Шеншиной . (Ты всъ стихи переплела)	287
XLIII. Любови Ильиниший Офросимовой. (Гляжу съ обыч-	
	288
XLIV. Графинъ Натальъ Михайловиъ Соллогубъ. (Вамъ	
пъснь моя! Въ степи мірской)	289
XLV. На юбилей Аноллона Николаевича Майкова. (Пять-	
	29 0
XLVI. Екатеринъ Сергъевиъ Хомутовой. (Соизмъряя даръ	
съ привътомъ)	292
XLVII. Ильъ Оедоровичу Офросимову. (Да, я не Пиндаръ: миъ	
страшнъй)	293
XLVIII. Екатеринъ Сергъевиъ Хонутовой. (Цвъты и пъсни	•••
- A	295
XLIX. На пятидесатильтіе музы. (Нась отпівають. Въ	000
этотъ лень)	296

L. На изтидесятильтіе музы . (На утрѣ дней, все ярче и чудесньй)	297
LI. Великому Князю Константину Константиновичу	
н Великой Княгинъ Елисаветъ Маврикіевиъ.	
(Давно познавъ, какъ ранятъ больно)	298
LII, Графинъ Софъъ Андреевиъ Толстой. (Пора! По	
	299
LIII. Памяти Софьи Сергъевны Ботиной . (Ужель на вопль	
и зовъ молебный)	300
LIV. Великой Княгний Елисаветь Маврикіевий (Двв	
незабудки, два сапфира)	801
LV. На бракосочетаніе Елизаветы Динтрієвны и Кон-	
стантина Густавовича Дункеръ. (Въ часы забавъ,	
во дни пировъ)	302
LVI. На бракосочетаніе Великаго Князя Павла Алексан-	
дровича и Великой Княгини Александры Геор-	
	304
LVII. Великому Князю Константину Константиновичу	
и Великой Кингинъ Елисаветъ Маврикіевиъ.	
(Сердце желаніемъ встрѣчи томимо)	306
LVIII. Великой Княгинъ Елисаветъ Маврикіевиъ (Люд-	
скія такъ грубы слова)	307
LIX. Графинъ Софьъ Андреевнъ Толстой, вдовъ Графа Алек-	
съя Константиновича. (Гдъ, средь инаго поколънья)	308
LX. Марьъ Николаевиъ Коншиной. (Явись, явись ко	
мнъ, больному!)	31 0
LXI, Великому Киязю Константину Константиновичу.	
(Предъ Вами-правда несомивнно)	311
LXII. Великой КнягинъЕлисаветъ Маврикіевиъ. (Кто по-	
стигнетъ улыбку твою) • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	312
LXIII, Великому Князю Константину Константиновичу.	
Когда, колеблемъ треволненьемъ)	313
LXIV. Въ альбомъ Натальъ Яковлевиъ Полонской. (Стихи	
мои въ ряду другихъ)	314
LXV. Якову Петровичу Полонскому. (Въ минувшемъ жизнь	
твоя богата)	315
LXVI. Графинъ Натальъ Михайловиъ Соллогубъ. (Тобой	
привычный восхищаться)	316
LXVII, Маріаннъ Федорови Ванлярской. (Мечтамъ покор-	04-
ствуя отважнымъ)	317
LXVIII. Королевъ Эллиновъ Ольгъ Константиновиъ. (Когда-	o
то Ольга душу живу)	318

ОГЛАВЛЕНІЕ

LXIX. Петру Ильнчу Чайковскому. (Тому не лестны наши	
оды)	319
LXX. Великому Князю Константину Константиновичу.	
(Не сътуй, будто бы увяда)	320
LXXI. На ногребеніе Великой Киягини Александры Геор-	
гіевны. (Тамъ, гдѣ на красныя ступени)	321
LXXII. Графинъ Патальъ Михайловиъ Соллогубъ. (О, Бере-	
ника! Сердцемъ чую)	323
LXXIII. Великой Кингинъ Елисаветъ Маврикіевиъ и Бели-	
кому Князю Константину Константиновичу.	
(Когда дыханье множить муки)	324
	
Алфавитный указатель стихотвореній	335

Конецъ.

Алфавитный указатель стихотвореній.

, A.	
	часть. стр.
Арадонъ	II, 115
"Ave Maria,—дампада тиха,"	I, 4
Ажмавъ	II, 201
Александры Георгіевны Великой Княгини, На погребеніе.	II, 321
Alter ego	
Amriona	
"Ангелъ и девъ, и телецъ, и орелъ". Аваддонъ	II, 115
Anruf an die Geliebte (Betxobena)	I, 147
"Ахъ, дитя, къ тебъ привязанъ"	I, 112
В.	
Вабочка	II, 157
Bars	
"Барашковъ буря шлеть своихъ"	II, 48
"Безобиднъй всъхъ и проще"	II, 206
"Березы съвера мит милы". Ивы и Верезы	
"Благовонная ночь, благодатная ночь"	L 238
"Блескомъ вечернимъ овъяны горы"	I, 228
"Бледенъ ликъ твой, бледенъ, дева!" Геро и Леандръ.	
"Богини дъвственной округами черты". Діана	
"Богомъ свъта покинута, дочь Громовержца нъмая". Сонъ 1	
CMODTS	
Бодьной	•
Воткина, на смерть Мити	
Вотенна, Василія Петровича, памяти	
Воткиной, Марьв Петровив, въ альбомъ (Светлое Во	
скресенье)	
Вотиной, Софы Сергвевны, памяти	
Бражникова, На смерть	
Бржесский, при получени цветовь и ноть	•
Бржесской, Александръ Львовиъ. "Далекій другь, пойм	
мон рыданья"	. II, 257
• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	,

АЛФАВИТНЫЙ

Ей же. "Опять весна, опять дрожать листы"	II, 259
Ей же. "Нътъ, лучше, голосомъ ласкательно обычнымъ"	II, 272
Бржесскому, Алексью Оедбровичу	II, 255
Буря	II, 46
"Буря на небъ вечернемъ"	I, 104
"Была пора, и ледъ потока"	I, 286
"Была пора, своей игрой." Графу Льву Николаевичу	·
Толстому, при появленіи романа "Война и Миръ".	II, 268
"Быль чудный майскій день въ Москвъ"	I, 32
Бъдный мальчикъ	II, 59
	•
В.	
Д,	
Вакханка	II. 73
"Вамъ пъснь моя. Въ степи мірской". Графинъ Натальъ	•
Михайловив Соллогубъ	II, 289
Ванлярской Маріаннъ Осдоровнъ, при полученіи визит-	,
ной карточки оъ летящими ласточками	II, 317
"Вблизи семи холмовъ, где такъ невыразимо". Даки	II, 93
"Вдали огоневъ за ръкой"	I, 190
"Вдоль по берегу полями". Легенда	II, 61
Венера Милосская	II, 97
Венеція ночью	I, 207
"Весеннее небо глядится"	I, 118
Весенній дождь	I, 261
Весеннія мысли	I, 250
Весна на дворъ	I, 257
"Весь вешній день среди стремленья"	II, 205
Вечеръ	I, 215
Вечеръ у ваморыя	II, 37
"Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!" (На смерть	•
Бражникова)	II, 233
Видъніе	II, 53
"Владычица Сіона, предъ тобою"	I, 17
"Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направиль".	II, 78
Вольный соколь	II, 161
Воротъ	II, 54
Во сий	I, 177
Восточный мотивъ	П, 114
"Воть и летніе дни убавляются"	I, 300
"Воть нашь патенть на благородство". На книжей стихо-	
TRODANIN TIOTUARA	II 269

УКАВАТЕЛЬ

"Воть сынъ Ел,онъ, тайна Ісговы". Къ Сикстинской	
Мадонив	II, 148
"Вотъ утро съвера—сонливое, скупое"	II, 5
"Все вокругь и пестро такъ, и шумно."	I, 158
"Все, все мое, что есть и прежде было!"	I, 83
"Все, какъ бывало, веселый, счастливый"	I, 173
"Все тучки, тучки, а кругомъ". Нежданный дождь	I, 299
"Все, что волшебно такъ манило"	I, 100
"Встаеть мой день, какъ труженикъ убогій"	II, 134
"Всталь я рано надъ горой." Мъсяцъ и Роза	II, 213
"Встрьчу-ль яркую въ небъ зарю"	II, 122
"Всю жизнь душа моя алкала". Ен Величеству Королевъ	•
Эддиновъ Ольгъ Константиновиъ	II, 278
"Всю ночь гремъть оврать состаний."	I, 270
"Второй бригады изъ-за фронта" (Графу Алексъю Василь-	,
евичу Олсуфьеву	II, 275
овичу Олсуфьову	II, 44
"Вчера, увънчана душистыми цвътами."	I, 140
"Вчера, — ужь солнце рдело низко". Георгины	Ľ, 313
"Вчерашній вечеръ помню живо."	II, 124
"Вчера я шелъ по залъ освъщенной."	I, 153
"Въ благословенный день, когда стремлюсь душою" "Въ вечеръ такой золотистый и ясный"	II, 147
	I, 237
"Въ долгія ночи, какъ въжды на сонъ не сомкнуты"	I, 209
"Въ душть, измученной годами"	II, 128
"Въ дымкъ невидимкъ"	I, 229
"Въ здатомъ сіяніи дампады полусонной"	II, 74
Въ лунномъ сіянін	I, 236
"Въ лъса безлюдной стороны"	I, 155
"Въ минувшемъ жизнь твоя богата". Якову Петровичу	
Полонскому	П, 315
"Въ полуночной тиши безсонницы моей"	I, 86
"Въ пору любви, мечты, свободы"	I, 29
Въ саду	I, 292
"Въ смущенъи умъ, не свяжешь взглядомъ". Графинъ Але-	
всандрѣ Андреевнѣ Олсуфьевой , при полученіи оть	
нея гіацинтовь	II, 279
"Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой"	I, 78
"Въ страданъи блаженства стою предъ тобою"	II, 123
"Въ твоей Пустынькъ подгородной". Графу Алексъю Кон-	
стантиновнчу Толстому	II, 261
"Въ темнотъ, на треножникъ яркомъ"	I, 225

АЛФАВИТНЫЙ

De think h mpake tanhetbehhou hour	1, 59
"Въ часы забавъ, во дни пировъ". Па бракосочетаніе Ели-	
заветы Динтріевны н Константина Густавовича	
Дункеръ	II, 302
"Выйдемъ съ тобой побродить". Въ дунномъ сіянім	I, 236
"Вётерь злой, вётрь кругой въ поле"	II, 6
"Вѣчный хмѣль миѣ не отрада"	II, 183
	•
Г.	•
. .	
"Гаснеть заря. Въ забытьи, въ полуснъ"	I, 175
"Гдѣ, средь инаго поколѣнія". Графинъ Софьъ Андреевиъ	
Толстой, вдовъ Графа Алексъя Константиновича	II, 308
Георгины	I, 313
Геро и Леандръ	П, 64
"Глубь небесъ опять ясна"	I, 271
"Глуный перепель! Гляди-ка". Перепель	II, 229
"Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ". Любови Ильинишнъ	
Офросимовой, при посылка портрета	II, 288
"Говорили въ древнемъ Римъ"	II, 159
Горная высь	II, 178
Горное ущелье	I, 142
"Горълъ напрасно я душой". Равета	П, 194
Горачій каючъ	П, 125
Грезы	•
	I, 44
Греція	II, 71
"Густая крапива". Узникъ	I, 128
	•
Д.	
	
Marko ne modre omnorii no ro	TT 010
"Давно въ любви отрады мало"	II, 212
"Давно забытыя, подъ легеимъ слоемъ пыли". Старыя	_
HHCbms	I, 47
"Давно-ль на шутки вызывала"	П, 198
"Давно-ль подъ волшебные звуки"	I, 106
"Давно познавъ какъ ранятъ больно". Великому Князю	•
Константину Константиновичу и Великов Кия-	
гинъ Едисаветъ Маврикіевиъ	II, 298
	II, 298 II, 93
Дажи	

VKABATEJIL

"Далекій другь, пойми мон рыданья". Александрі Львовив	
Вржесской	II, 257
Данилевскаго, Инколая Яковлевича, Памяти	II, 274
"Да, я не Пиндаръ: мив страниви". Ильв Осдоровичу	,
Офросимову на юбилей конскаго его завода въ селъ	
Березовцы	II, 293
"Два міра властвують оть вѣка". Добро и эло	I. 65
"Двъ незабудки, два сапфира". Великой Кичгинъ Еласа-	,
ветъ Маврикіевиъ	II, 301
"День искупительнаго чуда". 1 марта 1881 года	II, 252
"День проснется—и ръчи людскія"	II, 154
Деревня	Ľ, 5
Діана	II, 77
Діана, Эндиміонъ и Сатиръ (картина Брюлова)	II, 89
Добро и вло	I, 65
Дождливое лато	I, 296
"Долго еще прогорить Веспера скромная лампа"	I, 199
"Долго-дь впивать мнъ мерцаніе ваше". Угасиник звъз-	.,
данъ	I, 90
"Долго снились мнъ вопли рыданій твоихъ:"	II, 180
"Другь мой, безсильны слова,—одни поцелуи всесильны".	I, 196
Дружинина, Александра Васильевича. На смерть	II, 242
"Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина". Къ юношъ.	II, 80
"Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Segen". Ha ce-	,
ребряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной.	II, 248
"Дуль сверь. Плакала трава"	I, 302
Дункеръ, Едизаветъ Динтріевнъ, урожденной Боткиной.	II, 286
Дункеръ, Елизаветы Динтріевны и Константина Густа-	,
вовича, На бракосочетаніе	II, 302
	,
•	
· •	
E	
"Его томиль недугь. Тяжелый зной печей". Вольной	I, 258
Елисаветъ Маврикіевиъ Великой Княгинъ. "Двѣ неза-	
будки, два сапфира"	II, 301
Ей же. "Людскія такъ грубы слова"	II, 307
Ей же. "Кто постигнеть улыбку твою"	II, 312
Едисаветъ Маврикіевиъ Великой Княгинъ и Великому	
Князю Константину Константиновичу на мило-	
стивыя строки отъ 21 октября	II, 324

"Ель рукавомъ мив тропинку завесила"	II, 214
"Если-бъ въ сердцъ тебя я не грълъ, не ласкалъ"	II, 204
"Если жить суждено и на свъть не родиться нельзя". Па-	•
мяти Николая Яковлевича Данилевскаго	II, 274
"Если захочешь ты душу мою разгадать". Кливаветь Дин-	•
тріевив Дункеръ, урожденной Боткиной	II, 286
"Если зимнее небо звъздами горитъ"	I, 208
"Если радуетъ утро теба"	II, 175
"Если ты любишь, вакъ я, безконечно"	I, 157
"Есть ночи зимней блескъ и сила" • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	II, 21
"Еще акація одна"	I, 262
"Еще весна,—вакъ будто не земной"	I, 248
"Еще весны душистой нѣга"	I, 251
"Еще вчера, на солнцѣ млѣя"	II, 15
"Еще, еще! Ахъ! сердце слышитъ"	I, 272
"Еще люблю, еще томлюсь"	I, 93
Еще майская ночь	I, 221
"Еще одно забывчивое слово"	I, 72
"Еще светло,—передъ окномъ". Весенній дождь	I, 261
"Ея не знастъ свътъ-она еще ребеновъ"	I, 14
	•
380.	
an,	
"Жди яснаго на завтра дня"	II, 34
"Жду я, тревогой объять"	I, 279
"Жизнь пронеслась безъ явнаго следа"	I, 49
	•
8.	
0.	
"Забудь меня, безумець изступленный"	I 141
"За вздохомъ утреннимъ мороза". Сентябрьская роза	I, 321
"Завтра—я не различаю"	II, 207
"За горами, песками, морями"	II, 209
"Задрожали листы, облетая"	I, 301
"За кормою струйки выотся"	I, 114
"За лѣсомъ лѣсь и за горами горы". Гориое ущелье.	I, 142
"Запретили тебѣ выходить"	I, 178
"Заря прощается съ землею"	I, 222
"Засверкаль огонь зарницы". Вечеръ у ваморья	II, 37
"Звѣзда сіяла на востовъ". Королевъ Эллиновъ Ольгъ	-19 01
Константиновив, при получении ея портрета	II, 282

УКАЗАТЕЛЬ

"Здравствуй! Тысячу разъ мой привътъ тебъ, ночь!"	I, 195
Зевсъ	II, 101
"Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ"	II, 25
"Злая пъсны! Какъ больно возмутила". Романсъ	I, 167
"Злой дельфинъ, ты просишь ходу". Пароходъ	II, 35
Зива	II, 56
Знажонив съ юга	I, 137
"Знаю, зачёмъ ты, ребенокъ больной"	II, 121
"Знаю я, что ты, малютка"	II, 4
Зной	I, 284
Зодотой въкъ	II, 91
"Зръетъ рожь надъ жаркой нивой"	I, 295
И.	
	T 100
Ива	I, 136
"И воть портреть! и схоже и не схоже". Къ портрету	TT 051
графини Софън Андреевны Толстой	Ц, 271
Ивы и березы	I, 7
"Игривый плескъ вървкъ меня остановилъ". Купальщица.	II, 138
"Измученъ жизнью, коварствомъ надежды"	I, 57
"Изъ дебрей туманы несмъло"	I, 282
,Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ". Алексъю Оедо-	TT 022
ровичу Бржесскому	II, 255
"Изъ тонкихъ линій идеала"	II, 203
Д	II, 190
,Исполнилось твое пророческое слово". (26 мая 1880 г., къ	TT 071
памятнику Нушкина	II, 251
"Истрепалися сосенъ мохнатыя вътви отъ бури"	I, 162
,Италія, ты сердцу солгала!" Италія	I, 41
И тихо, и свътло. До сумерекъ далеко". Принъты	II, 226
,И цѣломудренно, и смѣло". Венера Милосская	II, 97
K .	
Кожтоо пуротро бугроот полить в мей пот	T 000
Каждое чувство бываеть понятный мнь ночью и каждый".	I, 202
Какая грусты! Конець алден"	II, 18
Какая ночь! На всемъ какая нъга!"	I, 221
Какіе-то носятся звуки"	I, 131
Комой прин жители дего С	I, 211
Какой туть дышить мирь! Какая славы тризна". Севисто-	T 05
польское братское кладбище	I, 81

АЛФАВИТНЫЙ

"Какъ ангелъ неба безмятежный"	I, 183
"Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!"	II, 179
"Какъ бъденъ нашъ языкъ!—Хочу и не могу"	II, 174
"Какъ вешній день, твой ликъ нриснился снова!" Во снъ.	I, 177
"Какъ грустны сумрачные дни"	I, 316
"Какъ дышитъ грудь свъжо и емко". Весна на дворъ	I, 257
"Какъ здёсь свёжо подъ липою густою"	I, 291
"Какъ лилея глядится въ нагорный ручей". Alter ego	I, 53
"Какъ мошки зарею"	I, 115
"Какъ нъжишь ты, серебряная ночь"	I, 231
"Какъ первый золотистый лучь" Туманное утро	I, 144
"Какъ солице вешиее сіяя". 15 мая 1888 года	II, 254
"Какъ трудно повторять живую красоту"	II, 193
"Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ"	II, 38
"Какъ ясность безоблачной ночи"	I, 163
"Какъ ястребу, который просидёль". Графу Льву Никола-	
евичу Телетому	II, 260
"Качаяся, звёзды мигали лучами"	II, 47
Quasi una fantasia	II, 195
"Клубятся тучи, матя въ блескт аломъ". Степь вече-	
ромъ	I, 212
	II, 129
"Кляните насы! Намъ дорога свобода"	I, 97
Ковалевскому, Егору Петровичу	II, 239
"Когда Божественный бъжаль людскихъ ръчей"	I, 60
"Когда-бъ дерзалъ, когда-бъ я славилъ". (Королевъ Элли-	
новъ Ольгъ Константиновиъ)	II, 284
"Когда во слъдъ весеннихъ бурь"	I, 273
"Когда дыханье множить муки". Велипой Княгинъ Ели-	
саветъ Мавривієвнъ и Великому Князю Констан-	
тину Константиновичу, на милостивыя строки отъ	
21 октября	II, 324
"Когда, измученъ жаждой счастья". Смерти	I, 35
"Когда, колеблемъ треволненьемъ". Великому Князю Кон-	
стантину Константиновичу	II, 313
"Когда мечтательно я преданъ тишинъ"	I, 10
"Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней"	I, 9
"Когда отъ хмеля преступленій". Сонетъ	II, 132
"Когда пътухъ"	II, 69
"Когда свътильникомъ, предъ нашими очами". Памяти	
Дмитрія Львовича Крюкова	II, 235
Когла ствозная паутина". Осенью	f . 315

УКАЗАТЕЛЬ

"Когда, смущенный, умолкаю"	П, 219
"Когда такъ нъжно расточала". Графинъ Софъъ Андреевнъ	
Толетой, супругв Л. Н. Толстаго	П, 265
"Когда-то Ольга душу живу". Королевъ Эллиновъ Ольгъ	
Константиновий, 11 іюля 1891	II, 318
"Когда тренещуть эти звуки". Валъ.	I, 146
"Когда читала ты мучительныя строви"	I, 80
"Когда я блестящій твой локонъ цёлую"	I, 109
Козлову, Въ альбомъ	II, 250
Колокольчикъ	I, 224
Колыбельная пъсия сердцу	I, 116
Константину Константиновичу, Великому Князю. "Пав-	,
цамъ, высокое намъ мило"	II, 276
Ему же. "Сплывають ледяные своды"	II, 280
Ему же. На 3-мъ выпускъ "Вечернихъ огней". "Трепетный	,
факель, съ вечернимъ мерцаніемъ"	II, 285
Ему же. "Давно познавъ, какъ ранятъ больно"	II, 298
Ему же. "Сердце желаніемъ встрічи томимо"	II, 306
Ему же. При книгъ "Мои воспоминанія". "Предъ вами	,
правда несомнънно"	II, 311
Ему же. "Когда, колеблемъ треволненьемъ"	II, 313
Ему же. "Не сътуй, будто бы увяла"	II, 320
Конщиной, Марыб Николаевив	II, 310
"Кому вѣнецъ: богинѣ-ль красоты"	II, 135
"Котъ поетъ, глаза прищуря"	п, 8
"Кричать перепела, трещать коростели"	I, 45
Кровью серина пишу я къ тебъ эти строки"	I, 74
"Кровью сердца пишу я къ тебѣ эти строки"	II, 235
"Кто постищеть улыбку твою". Великой Княгинъ Елиса-	
ветъ Маврикіевнъ	II, 312
"Кто самъ такъ пышно въ тогу эту". Аполлону Николае-	,
вичу Майкову, на сочувственный отзывь о пере-	
водъ Горація	II, 270
"Куда ни обращаю взоръ". Лъсъ	I, 134
Букушка	I, 281
Бупальщица	II, 138
Кусовъ мрамора	
Къ красавцу	II, 79 II, 72
"Къ окну приникнувъ головой". У ожна	П, 17
Въ Сикстинской Мадоннъ	II, 148
Къ юношъ	II, 80

Л.

Ласточки	I, 69
"Ласточки пропали". Осень	I, 309
Легенда	II, 61
"Летимъ! Туманною чертою". На кораблъ	П, 40
Лехорадва	II, 57
"Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу". Святочъ	I, 75
"Лозы мои за окномъ разрослись живописно, и даже"	I, 16
"Лунный свыть сверкаеть ярко". Венеція ночью	I, 207
Лвев	I, 134
"Лътній вечеръ тихъ и ясенъ"	I, 205
"Люби меня! Какъ только твой покорный"	I, 180
"Люблю я пріють вашь печальный". Деревня	I, 5
"Любо мет въ комнатт ночью стоять у окошка въ потем-	, .
Eaxb"	I, 206
"Люди спять; мой другь, пойдемь вь тёнистый садь"	I, 132
"Людскія тавъ грубы слова". Великой Княгинъ Елисаветъ	•
Маврикіовий	II, 310
M.	
Мадонна	I, 3
Майкова, Аполлона Николаевича. На юбилей 30 апръля	Δ, σ
1888 r	II, 290
Майкову, Аполлону Пиколяевичу, на сочувственный от-	11, 200
зывъ о переводъ Горація	II. 270
Майская ночь	I, 269
"Мама! Глянь-ка изъ окошка"	П, 22
1 марта 1881 года	II, 252
15 мая 1888 года	II, 254
"Межъ селеньемъ и рощей нагорной". Ключъ	II, 129
"Мечтамъ покорствуя отважнымъ". Ванлярской, Маріанив	,
Осдоровив, при получении визитной карточки съ ле-	
тящими ласточками	II, 317
"Милой меня называль онъ вчера". Сестра	I, 143
"Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ"	I, 129
"Мить синися сонъ, что сплю я непробудно". Грезы	I. 44
"Моего тоть безумства желаль, кто смежаль"	I, 172
"Мой обожаемый поэть". Осдору Ивановнчу Тютчеву .	II, 263

УКАЗАТЕЛЬ	345
Mas whom nowant posteries if totorniss.	I, 73
"Мой прахъ уснеть, забытый и холодный". Теперь "Молчали листья, звъзды рдёли"	I, 223
"Молчи, поникни головою". Исевдо-поэту	
Morgan property represent the property	II, 143
"Молятся звъзды, мерцають и рдъють"	I, 235 II, 42
"Морозъ и ночь надъ далью сиёжной". На желъзной до-	11, 42
ports	II, 12
"Морская даль—во мглё туманной"	II, 12
Морской заливъ	II, 36
Мотылекъ мальчику	I, 264
Муза. "Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня"	II, 171
Муза. "Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой"	I, 24
Музъ. "Надолго-ли опять мой уголь посътила"	I, 40
Мужа Пришта и съта Спастира и трерожена"	II, 149
Музъ. "Пришла и съла. Счастливъ и тревоженъ" "Мы встрътились вновь послъ долгой разлуки"	I, 287
"Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ". Фантазія	I, 123
"Мъсяцъ зервальный плыветь по лазурной пустынъ"	I, 226
Мъсяцъ и роза	II, 213
	11, 210
ਸ	
Ħ.	
	TT KQ
"На дворъ не слышно выюги". Бъдный мальчикъ	II, 59
"На дворѣ не слышно выюги". Бѣдный мальчикъ "На двойномъ стеклѣ узоры"	II, 11
"На двор'й не слышно выюги". Б'йдный мальчикъ "На двойномъ стекл'й узоры"	II, 11 I, 254
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ	II, 11
"На дворё не слышно выюги". Вёдный мальчикъ	II, 11 I, 254 I, 40
"На дворё не слышно вьюги". Вёдный мальчикъ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38
"На дворѣ не слышно вьюги". Вѣдный мальчикъ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214
"На дворѣ не слышно вьюги". Вѣдный мальчикъ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107
"На двор'й не слышно выюги". Б'йдный мальчикъ "На двойномъ стекл'й узоры" "На днипр'й въ половодье, "На долго ли опять мой уголъ пос'йтила". Муз'й "Надъ грудой мусора, гдй плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зар'й ты ея не буди" На жел'взной дорог'й	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ "На двойномъ стеклё узоры" Ма Дийпрё въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посётила". Музё "Надъ грудой мусора, гдё плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарё ты ея не буди" На желёзной дороге На качеляхъ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190
"На дворѣ не слышно вьюги". Вѣдный мальчикъ "На двойномъ стеклѣ узоры" Ма Днѣпрѣ въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посѣтила". Музѣ "Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарѣ ты ея не буди" Ма желѣзной дорогѣ На качеляхъ На кораблѣ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ "На двойномъ стеклё узоры" Ма Днёпрё въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посётила". Музё "Надъ грудой мусора, гдё плющь тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарё ты ея не буди" Ма желёзной дороге На качеляхъ На кораблё "На креслё отвалясь, гляжу на потолокъ"	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94
"На дворѣ не слышно вьюги". Вѣдный мальчикъ "На двойномъ стеклѣ узоры" ма Днѣпрѣ въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посѣтила". Музѣ "Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарѣ ты ея не буди" на желѣзной дорогѣ на кораблѣ "На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ" на лодкъ	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94 I, 217
"На дворѣ не слышно вьюги". Вѣдный мальчикъ "На двойномъ стеклѣ узоры" "На днѣпрѣ въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посѣтила". Музѣ "Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарѣ ты ея не буди" "На желѣзной дорогѣ На качеляхъ На кораблѣ "На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ" На лодкѣ "На море ночное мы оба глядѣли". Море и звѣзды	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94 I, 217 II, 42
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ "На двойномъ стеклё узоры" Ма Днёпрё въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посётила". Музё "Надъ грудой мусора, гдё плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарё ты ея не буди" На желёзной дороге На качеляхъ На кораблё "На креслё отвалясь, гляжу на потолокъ" На лодкё "На море ночное мы оба глядёли". Море и звёзды "На пажитяхъ нёмыхъ люблю, въ морозъ трескучій"	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94 I, 217 II, 42 II, 3
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ "На двойномъ стеклё узоры" Ма Днёпрё въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посётила". Музё "Надъ грудой мусора, гдё плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарё ты ея не буди" На желёзной дороге На качеляхъ На кораблё "На креслё отвалясь, гляжу на потолокъ" На лодкё "На море ночное мы оба глядёли". Море и звёзды "На пажитяхъ нёмыхъ люблю, въ морозъ трескучій" Напрасно	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94 I, 217 II, 42
"На дворё не слышно выюги". Бёдный мальчикъ "На двойномъ стеклё узоры" Ма Днёпрё въ половодье "На долго ли опять мой уголъ посётила". Музё "Надъ грудой мусора, гдё плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ "Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ потянулъ" "На зарё ты ея не буди" На желёзной дороге На качеляхъ На кораблё "На креслё отвалясь, гляжу на потолокъ" На лодкё "На море ночное мы оба глядёли". Море и звёзды "На пажитяхъ нёмыхъ люблю, въ морозъ трескучій"	II, 11 I, 254 I, 40 I, 38 I, 214 I, 107 II, 12 II, 190 II, 40 I, 94 I, 217 II, 42 II, 3

на пятидесятильтіе музы. "Нась отпывають. Въ этоть	
день"	II, 296
На пятидесятильтіе музы. 29 янв. 1889 г. "На утрыдней	•
все ярче и чудеснъй"	II, 297
На развалинахъ цезарскихъ палатъ	I, 38
На разевътъ	I, 280
На разсийть	I, 220
Насъ отпъвають. Въ этотъ день". На интидеситильтие	-,
муяы	II, 289
На Съверъ грустный съ пламеннаго Юга". Знакомкъ съ	
IOra	I, 137
На утръ дней все ярче и чудеснъй". На пятидесятилъ-	
тіе музы, 29 янв. 1889 г	II, 297
"Небесъ и земли повелитель". Соловей и Роза	II, 107
Не вижу ни красы души твоей нетлѣнной"	II, 162
Не ворчи, мой котъ мурлыка". Хандра. (2)	I, 306
Не воспъвай, не славословь". На бракосочетаніе Великаго	·
Князя Павла Александровича и Великой Княгини	
Александры Георгіевны	II, 304
Не воскормленъ ты пищей нѣжной". Вольный соколъ	II, 161
Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой". Муза .	I, 24
"Не говори, мой другь: "Она меня забудеть"	I, 21
Недвижныя очи, безумныя очи"	I, 119
"Не дивись, что я черна"	II, 106
Не здёсь ли ты легкою тёнью"	I, 185
Нежданный дождь	I, 299
Не избътай! Я не молю"	II, 146
.Не могу я слышать этой птички"	II, 217
"Не напъвай тоскливой муки". Римскій праздникъ	I, 149
Не ночью, не лживо". Видъніе	II, 53
Не нужно, не нужно мнъ проблесковъ счастья"	I, 174
Не отнеси къ холодному безстрастью"	II, 216
Не отходи отъ меня"	I, 103
Не первый годъ у этихъ мъстъ"	I, 48
,Непогода, осень Куришь". Хандра (1)	I, 305
Нептуну Леверрье	II, 75
Не смъйся, не дивися мнъ"	II, 153
,Не спится. Дай зажгу свъчу. Къ чему читать?"	I, 20
.Не спрашивай, надъ чёмъ задумываюсь я"	I, 22
Не сътуй, будто бы увяла". Великому Князю Констан-	
тину Константиновичу	II, 320
Не твиъ, Господь, могучъ, непостижимъ" • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	I, 51

Ей же, при полученіи Ея портрета. "Звізда сіяла на II, 278

II, 282

Ей же. 11 іюля 1887 г. "Когда-бъ дерзаль, когда-бъ я	
Славилъ" • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	II, 284
Ей же, 11 іюля 1891 года. "Когда-то Ольга душу живу".	II, 318
"Она ему - образъ мгновенный"	II, 220
"О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ"	I, 126
"О нътъ! не стану звать утраченную радость"	I, 30
"Опавшій листь дрожить оть нашего движенья"	I, 322
"О, первый ландышъ! Изъ подъ снъга". Первый ландышъ.	I, 253
"Опять весна! Опять дрожать листы". Александра Львов-	1, 200
нъ Бржесской	II, 259
"Опять незримыя усильн"	I, 256
"Опять осенній блескъ денницы"	I, 323
Осенняя роза	I, 319
Осень. "Ласточки пропали"	L, 309
Осень. "Какъ грустны сумрачные дни"	I, 316
Осенью	I, 315
"Осыпаль льсь свои вершины". Осенняя роза	I, 319
"Откуда вдругь въ смиренный уголь мой". Бржесскимъ, при	•
полученім цвітовь и ноть	II, 234
"Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ". Майская ночь.	I, 269
"Отъ огней, отъ толиы безпощадной"	I, 240
"Отчего со всъми я любезна"	II, 127
"Офелія гибла и пъла"	I 184
Офросимовой, Любови Ильиниший, при посылки портрета.	II, 288
Офросимову, Ильт Оедоровичу	II, 293
"О, этоть сельскій день и блескъ его красивый"	I, 67
П.	
 -	
W	
Павла Александровича Великаго князи и Александры Георгісти Великой Княгини. На бракосочетаніе.	TT 204
Георгіевны Великой Княгини, На бракосочетаніе . Панаевой Авдотьй Яковлевий. На Дийпри въ половодье.	II, 304 I, 254
Пароходъ	
Первая борозда	II, 35 II, 225
Первый ландышъ	I, 253
"Перекрестокъ, гдъ ракитка"	II, 28
"перепедъ	II, 229
перепель	II, 225
"Питомецъ радости, покорный наслажденью"	II, 83
"Питомець радости, покорным наслажденью	I. 280

УКАВАТЕЛЬ

"Побъда! Безоружна злоба!" Въ альбомъ Марьъ Петровиъ	
Воткиной	II, 239
Подражаніе XV идиллін Віона	II, 82
"Подъ небомъ Франціи, среди столицы свъта"	I, 34
"Подъ тънью сладостной полуденнаго сада". Вакханка .	II, 73
"Пойду навстречу къ нимъ знакомою тропою"	I, 43
"Пойми хоть разъ тоскливое признанье". Anruf an die Ge-	•
liebte (Бетховена)	I, 147
"Полно смълться! Что это съ вами?"	II, 26
"Полно спать! Теб'в дв'в розы"	I, 249
Полонской, Натальи Яковлевны, въ альбомъ	II, 314
Полоновому. "Спасибо! Лирой вдохновенной"	II, 267
Ему же. "Въ минувшемъ жизнь твоя богата"	II, 315
"Полуночные образы ръютъ"	I, 121
"Полуразрушенный, полужилець могилы"	II, 191
"Помнишь тотъ горячій ключь". Горячій ключь	II, 125
"Помню я, старушка няня"	II, 27
"Пора! По влагъ кругосвътной". Графинъ Софъъ Андре-	,
евив Толстой, во время моего 50-ти-лътняго юбилея.	II, 299
Посять бури	II, 45
"Последній звукъ умолкъ въ лесу глухомъ"	I, 216
"Послъдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей". Исовая охота.	I, 311
"Постой! Здъсь корошо! Зубчатой и широкой"	I, 26
"Постой хотя на мигь! О камень, или пень". Нимфа и мо-	-, -0
лодой сатиръ. (Группа Ставассера)	II, 98
"Почему, какъ сидишь озаренной". Почему	II, 215
"Почти ребенкомъ я была". Тайна	II, 51
Поэтамъ	I, 91
"Поэтъ! Ты хочешь знать, за что такой любовью". Отвътъ	,
Тургеневу	II, 236
"Право, отъ полной души я благодаренъ сосъду"	Í, 189
"Превыше тучъ, покинувъ горы". Горная высь	II, 178
"Предъ вами-правда несомнънно". Великому Князю	•
Константину Константиновичу, при книгъ "Мои	
воспоминанія"	II, 311
Предисловіе въ третьему выпуску "Вечерних в Огней".	II, 165
Предисловіе въ четвертому выпуску "Вечернихъ Огней".	II, 187
"Прежніе звуки, съ былымъ обаяніемъ"	I, 159
"Прекрасная зв'єзда Венеры св'єтлоокой!" Подражаніе XV	•
ндиллік Віона	II, 82
Прибой	II, 43
"Привътствую тебя, мой добрый, старый садъ". Въ саду.	I, 292

алфавитный

Примъты	II, 226
"Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!" Къ кра-	
савцу	II, 72
"Природы праздный соглядатай". Ласточки	I, 69
"Пришла и съла. Счастливъ и тревоженъ". Музъ	II, 149
"Пришла, — и таетъ все вокругъ"	I, 268
"Прозвучало надъ ясной ръкою". Вечеръ	I, 215
"Пронеслась гроза съдая". Послъ бури	II, 45
"Пропаду отъ тоски я и лени!" Пчелы	I, 252
"Проснулся я. Да, крыша гроба! - Руки". Никогда	I, 63
"Прости! Во мглъ воспоминанья"	I, 88
"Прости-и все забудь въ безоблачный ты часъ"	I, 77
"Прости! Разверстая могила". Намяти Василія Петровича	
Боткина, 16 октября 1869 г	II, 245
"Прошла весна, – темиветъ лъсъ". Оедору Ивановичу Тют-	
чеву	II, 244
"Прошла зима, затихла вьюга". Тургеневу	II, 240
Псевдо-поэту	II, 143
Псовая охота	I, 311
"Птицей". Нептуну Леверрье	II, 75
"Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу". Среди	
звъздъ",	I, 50
Пушкина, Къ намятнику. 26 мая 1880 года	II, 251
Пчелы	I, 252
"Пышныя гнутся макушки". Кукушка	I, 281
Пъвицъ	I, 145
"Пъвцамъ, высокое намъ мило". Великому князю Кон-	
стантину Константиновичу	II, 276
"Пятьдесять лебедей пронесли". На юбилей Аполлона Ни-	
колаевича Майкова, 30 апрёля 1888 года	II, 290
•	
_	
.	
T	T 100
"Радъ я дождю Отъ него тучнъетъ мягкое поле"	I, 198
"Разстались мы, ты странствуешь далече"	I, 151
"Разсыпаяся смёхомъ ребенка"	II, 218
Pakera	II, 194
"Растутъ, растутъ причудливыя твни"	I, 210
Ребенку	II, 176
Ревель	I, 139

указатель	85
Posa	II, 141
Романсъ	I, 167
"Роями поднялись крылатыя мечты"	I, 28
"Роящимся мечтамъ детъть давъ волю"	II, 210
"Руку бы снова твою мив котвлось пожать"	I, 89
Рыбка	I, 259
_ C	
"Садъ весь въ цвъту"	I, 277
"Сады молчатъ. Унылыми глазами". Тополь	I, 314
"Сбирались умирать последніе цветы". Старый паркъ	I, 307
"Свъжъ и душистъ твой роскошный въновъ"	I, 120
"Свъжветь вътеръ. Меркнеть ночь". Буря	II. 46
"Свътало.—Вътеръ гнулъ упругое стекло". На Дивиръ въ	,
половодье. Авдоть В Яковлеви Панае вой	I, 254
"Свътилъ намъ день, будя огонь въ крови"	I, 82
Свъточъ	L 75
"Свѣча нагоръла. Портреты въ тѣни"	I1, 227
Севастопольское братское кладбище	I, 81
"Сегодня всв звъзды такъ пышно"	I, 239
"Сегодня день твой просвътленія"	II, 184
Сентябрыская роза	I, 321
"Сердце желаніемь встрічи томимо". Великому Киязю	-, 0=1
Константину Константиновичу и Великой Кня-	
гинъ Елисаветъ Маврикіевиъ	II, 306
"Сердце трепещетъ отрадно и больно". Поэтамъ	I, 91
"Сердце—ты, малютка!" Колыбельная ивсня сердцу	I, 116
Серенада	I, 122
Сестра.	I, 143
Сіяла ночь; луной быль полонь садь; лежали"	I, 161
"Скринъ шаговъ вдоль уличь бълыхъ"	II, 14
"Скучно ми въчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно"	I, 193
"Слышишь ли ты, какъ шумить вверху угловатое стадо?	I, 201
Смертв. "Когда измученъ жаждой счастья"	I, 35
Смерти. "Я въ жизни обмирадъ и чувство это знаю"	I, 70
CMEPTE	I, 56
"Смотри,—синъя другь за другомъ". Одиновій дубъ	I, 27
"Сиотри, — синъм другь за другомъ . одановъм дусь	II, 41
"Снова птицы детять издалека"	J, 250
"Сновидѣнье" (Quasi una fantasia)	II, 195
"Unubhadhdu (Yuasi una lantasia)	11, 199
"Сны и тъни"	I, 164

"Соизм тряя даръ съ привътомъ". Екатеринъ Сергъевиъ	
Хонутовой, при получении отъ нея пышнаго букета	
цвътной капусты	II, 292
Соллогубъ, Графинъ Натальъ Михайловиъ. Вамъ пъснь	•
моя. Въ степи мірской"	II, 289
моя. Въ степи мірской" Ей же. "Тобой привычный восхищаться"	II, 316
Ей же. "О, Береника! Сердцемъ чую"	II, 323
"Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ"	II, 173
"Солнце нижеть лучами въ отвъсъ"	I, 297
"Солице низко. Легкой мглою". Телемакъ у Калипсы	II, 95
"Солнце садится, и вътеръ утихнулъ летучій"	I, 234
Соловей и Роза	II, 107
Сометь	II, 132
Сонъ и Пазифая	П. 86
Сонъ и Смерть	II, 100
Соены	I. 256
"Со степи зелено-сърой". Первая борозда	II, 225
"Спасибо! Лирой вдохновенной". Полонскому	II, 267
"Спать пора! Свъча сгоръда". Воротъ	II, 54
"Спи,—еще зарею"	1, 125
"Сплывають ледяные своды". Великому Князю Констан-	•
тину Константиновичу	II, 280
"Сплю я. Тучки дружныя"	I, 283
Среди ввиздъ	I, 50
"Средь вленовъ девственныхъ и плачущихъ березъ. Сосны	I, 256
Старый паркъ	I, 307
Старыя письма	I, 47
Степь вечеромъ	I, 212
"Стихи мои въ ряду другихъ". Въ альбомъ Натальи Яков-	
левны Полонской	II, 314
"Страницы милыя опять персты раскрыли"	I, 71
"Странное чувство какое-то въ нъсколько дней овла-	
дъло"	I, 11
"Съ бородою съдою верховный я жрецъ"	II, 158
"Съ гивадъ замахали крикливыя цапли"	I, 276
"Съ какой я нътою желанья"	I, 227
"Съ корзиной, полною цвътовъ, на головъ"	II, 81
"Съ полей несется голосъ стада". Цвъты	I, 152
"Съ солицемъ склоняясь за темную землю"	I, 84
"Съ чъмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный?"	•
Восточный мотивъ	II, 114
"Сядемъ завсь, у этой ивы". Ива	I. 136

VKASATEJIb

T.

Тайна	II, 51
"Тамъ, гдъ на врасныя ступени". На погребеніе Великой	•
Княгини Александры Георгіевны	II, 321
"Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада". Греція	II, 71
"Театръ во милъ затихъ. Агата". Ревель. Послъ представ-	,
ленія Фрейшица	I, 139
"Тебъ въ молчаніи я простираю руку	I, 19
"Тебя любили мы за ръзвость молодую". На смерть Мити	•
Воткина	II, 277
"Тебя не знаю я. Бользненные крики". Ничтожество	I, 61
Телемакъ у Калипсы	II, 95
Теперь	I, 73
"Тепло на солнышкъ. Весна". Рыбка	I, 259
"Теплый вытерь тихо выеть"	I, 247
"Теплымъ вътромъ потянуло"	I, 200
"Теплымъ вътромъ потянуло"	I, 122
	II, 223
"Тихо ночью на степи"	I, 130
"Тихонько движется мой конь"	I, 267
"Тобой привычный восхищаться". Графиив Цаталь В Ми-	•
хайловив Соллегубъ	II, 316
"Толпа теснилася. Рука твоя дрожала"	II, 133
Толстой, Графинъ Софъъ Андреевив, (вдовъ Графа Алек-	•
свя Константиновича)	II, 308
Толетой, графинъ Софьъ Андреевнъ (супругъ Л. Н. Тол-	•
стого). "Когда такъ нъжно расточала"	II, 265
Ей-же. Къ портрету	II, 271
Ей-же. "Я не у Васъ, я обдъленъ"	II, 273
Ей-же во время моего 50-тильтняго юбилея. "Пора! По	•
влагь кругосвытной	II, 299
Толстому, графу Алексъю Константиновичу	II, 261
Толстому, графу Льву Николаевичу. "Какъ ястребу, ко-	•
торый просидель"	II; 260
Ему-же. При появленіи романа. "Война и Миръ"	II, 268
"Только встрвчу улыбку твою"	II, 142
"Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый"	I, 168
	I, 241
"Только м'ясяцъ взошелъ"	I, 150
"Только что спрячется солнце"	II, 192
"Томительно-призывно и напрасно"	I, 55

"Тому не лестны наши оды". П. И. Чайковскому	II, 319
"Тому, что было,—не бывать". Въ альбомъ Козлову	II, 250
Тополь	I, 314
"Трепетный факель, съ вечернимъ мерцаніемъ". Великому	•
Князю Константину Константиновичу	II, 285
"Третью ужь ночь, вотъ на этомъ холмъ за оврагомъ".	•
Морской заливъ	II, 36
Туманное утро	I, 144
Тургеневу, Отвътъ. "Поэтъ! ты хочешь знать, за что такой	,
любовью"	II, 236
Ему же "Прошла зима, затихла вьюга"	II, 240
"Тусьнъють углы. Въ полумравъ". У вамина	I, 148
"Тщетно блуждаеть мой взорь, измеряя твой мраморь на-	,
чатый". Кусокъ мрамора	II. 79
"Ты быль для насъ всегда вонъ той скалою"	II, 155
"Ты видишь, за спиной косцовъ" • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	I, 298
"Ты вся въ огняхъ. Твоихъ зарницъ"	II, 182
"Ты всё стихи перепледа". Марьё Петровий Шеншиной,	,
надпись на книжев	II, 287
"Ты говоришь, день свадьбы, день чудесный". На серебря-	,
ную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной	II, 246
"Ты мелькнула, ты предстала". Шопену	I, 165
"Ты отстрадала, я еще страдаю"	I, 52
"Ты помнишь, что было тогда"	I, 317
"Ты правь: однимъ воздушнымъ очертаньемъ". Бабочка .	II, 157
"Ты расточительна на милыя слова"	I, 133
"Ты скажешь, брося взоръ по голубой равнинъ". На лодкъ	I, 217
"Ты спишь одинъ, забыть на мъсть дикомъ". Nocturno	I, 105
"Ты такъ любишь гулять"	I, 232
"Ты хочешь провлинать, рыдая и стеня". Музъ	П, 171
"Тъснъе и ближе сюда"	II, 202
Тютчеву, "Прошла весна, темнъеть льсъ"	II, 244
Ему же. "Мой обожаемый поэтъ"	II, 263
Ему же. На книжет стихотвореній	II, 269
"Тяжело въ ночной тиши"	II, 221
	,
y .	
Угасшинъ звъзданъ	I, 90
,,Ужель на вопль и зовъ молебный". Памяти Софъи Сер-	
Manuss Bampunat	11 003

"Ужь верба вся пушистая"	ī, 246
"У звучнаго влюча, какъ сладокъ первый сонъ". Діана,	·
Эндиніонъ и сатиръ. (Картина Брюлова)	II, 89
Узникъ	I, 128
У вамина	I, 148
"Улыбка томительной скуки"	I, 113
"Умолкъ твой голосъ навсегда". На смерть Александра	
Васильевича Дружинина	II, 242
"Уноси мое сердце въ звенящую даль". Иввицв	I, 145
У окна	II, 17
"Упрекомъ, жалостью внушеннымъ"	II, 197
"У пурпурной колыбели". Роза	II, 14 0
"Уснуло озеро, безмолвенъ черный лъсъ"	II, 85
"Устало все кругомъ: усталъ и цвътъ небесъ"	I, 320
"Утесы, зной и сонъ въ пустынъ". Прибой	II, 43
"Учись у нихъ, — у дуба, у березы"	II, 20
·	
Φ.	
Фантазія	I, 123
	_,
X .	
Жандра. 1) "Непогода, осень Куришь"	I, 305
2) "Не ворчи мой котъ мурлыка"	I, 306
Хитрово, Софь В Цетрови В	II, 266
Хомутовой, Екатеринъ Сергъевиъ, при получении отъ нея	
пышнаго букета цвътной капусты	II, 292
Ей же, приславшей мит цвты	II, 295
"Хоругвь священную подъявъ своей десной." Оброчникъ.	1I, 189
"Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ" • • • •	II, 177
"Хоть счастіе судьбой даровано не мив"	I, 92
Western of the control of the contro	.,
•	
ц.	•
Цевты.	I, 152
"Цвъты и пъсни съ давнихъ поръ"	II, 295
"Цвъты и пъсни съ давникъ поръ "Цвъты киваютъ мив, головки наклоня". Мотылекъ Маль-	11, 200
THE THE KUBEROTE MITS, TO JOHN HER TO HER THE TENE THE TE	I, 264
"Цёлый заставила день меня промечтать ты сегодня"	I, 204 I, 37
уцьлый заставила день меня промечтать ты сегодна 🕟 🔻	T 01

УКАВАТЕЛЬ

355

Ч.

Чанковскому, И. И. "Черезъ тъсную улицу, здъсь, въ высотъ" "Что за вечеръ! А ручей". "Что за звукъ въ полумракъ вечернемъ? Богъ въсть!" "Что за зной! Даже тутъ подъ вътвини". "Что за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ". "Что ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь". "Чудная картина". "Чун вечернею росою". Змъй. "Чуя внушенный другими отвътъ". "Чъмъ безнадежнъе и строже". "Чъмъ тоскъ, и не знаю, помочь".	II, 319 II, 181 I, 203 I, 171 I, 284 I, 135 I, 160 II, 9 II, 56 I, 176 II, 131 II, 228
III.	,
Шеншиной, Марьй Петровнй, надпись на книжей	II, 287 I, 165 I, 219 II, 101 II, 224
Щ.	
Щукиной, Екатеринъ Петровиъ, на серебряную свадьбу. Нъмецкій переводъ	II, 246 II, 248
9 .	
"Это у васъ на Съверъ все ни почемъ. Посмотри-ка". Ами- мона	II, 87 1, 15

